

General Editor: Andreas Umland, *Shevchenko University of Kyiv*, umland@stanfordalumni.org

Editorial Assistant: Olena Sivuda, *Dragomanov Pedagogical University of Kyiv*, sivuda@ukrcognita.com.ua

EDITORIAL COMMITTEE*

DOMESTIC & COMPARATIVE POLITICS

Prof. **Ellen Bos**, *Andrássy University of Budapest*
Dr. **Ingmar Bredies**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Dr. **Andrey Kazantsev**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Dr. **Heiko Pleines**, *University of Bremen*
Prof. **Richard Sakwa**, *University of Kent at Canterbury*
Dr. **Sarah Whitmore**, *Oxford Brookes University*
Dr. **Harald Wydra**, *University of Cambridge*

SOCIETY, CLASS & ETHNICITY

Col. **David Glantz**, *“Journal of Slavic Military Studies”*
Dr. **Rashid Kaplanov**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Marlène Laruelle**, *EHESS, Paris*
Dr. **Stephen Shulman**, *Southern Illinois University*
Prof. **Stefan Troebst**, *University of Leipzig*

POLITICAL ECONOMY & PUBLIC POLICY

Prof. em. **Marshall Goldman**, *Wellesley College, Mass.*
Dr. **Andreas Goldthau**, *Stiftung Wissenschaft und Politik*
Dr. **Robert Kravchuk**, *University of North Carolina*
Dr. **David Lane**, *University of Cambridge*
Dr. **Carol Leonard**, *University of Oxford*

ADVISORY BOARD*

Prof. **Dominique Arel**, *University of Ottawa*
Prof. **Jörg Baberowski**, *Humboldt University of Berlin*
Prof. **Margarita Balmaceda**, *Seton Hall University*
Dr. **John Barber**, *University of Cambridge*
Prof. **Timm Beichelt**, *European University Viadrina*
Prof. **Archie Brown**, *University of Oxford*
Dr. **Vyacheslav Bryukhovetsky**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Prof. **Timothy Colton**, *Harvard University, Cambridge*
Prof. **Paul D’Anieri**, *University of Kansas, Lawrence*
Dr. **Heike Dörrenbächer**, *DGO, Berlin*
Dr. **John Dunlop**, *Hoover Institution, Stanford, California*
Dr. **Sabine Fischer**, *EU Institute for Security Studies*
Dr. **Geir Flikke**, *NUPI, Oslo*
Prof. **Alexander Galkin**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Frank Golczewski**, *University of Hamburg*
Dr. **Nikolas Gvosdev**, *“The National Interest,” DC*
Prof. **Mark von Hagen**, *Arizona State University*
Dr. **Guido Hausmann**, *Trinity College Dublin*
Prof. **Dale Herspring**, *Kansas State University*
Dr. **Stefani Hoffman**, *Hebrew University of Jerusalem*
Prof. **Mikhail Ilyin**, *MGIMO (U) MID RF, Moscow*
Prof. **Vladimir Kantor**, *Higher School of Economics*
Dr. **Ivan Katchanovski**, *University of Toronto*
Prof. em. **Andrzej Korbonowski**, *University of California*
Dr. **Iris Kempe**, *Center for Applied Policy Research*
Prof. **Herbert Küpper**, *Institut für Ostrecht München*
Dr. **Rainer Lindner**, *Stiftung Wissenschaft und Politik*
Dr. **Vladimir Malakhov**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Luke March**, *University of Edinburgh*

FOREIGN POLICY & INTERNATIONAL AFFAIRS

Dr. **Maria Popova**, *McGill University, Montreal*
Dr. **Peter Duncan**, *University College London*
Dr. **Taras Kuzio**, *George Washington University, DC*
Prof. **Gerhard Mangott**, *University of Innsbruck*
Dr. **Diana Schmidt**, *University of Bremen*
Dr. **Lisbeth Tarlow**, *Harvard University, Cambridge*
Dr. **Christian Wipperfürth**, *N-Ost Network, Berlin*
Dr. **William Zimmerman**, *University of Michigan*

HISTORY, CULTURE & THOUGHT

Dr. **Catherine Andreyev**, *University of Oxford*
Prof. **Mark Bassin**, *University of Birmingham*
Dr. **Alexander Etkind**, *University of Cambridge*
Dr. **Gasán Gusejnov**, *University of Bremen*
Prof. em. **Walter Laqueur**, *Georgetown University*
Prof. **Leonid Luks**, *Catholic University of Eichstaett*
Dr. **Olga Malinova**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Andrei Rogatchevski**, *University of Glasgow*
Dr. **Mark Tauger**, *West Virginia University*
Dr. **Stefan Wiederkehr**, *DHI, Warsaw*

Dr. **Michael McFaul**, *Stanford University, California*
Prof. **Birgit Menzel**, *University of Mainz-Germersheim*
Prof. **Valery Mikhailenko**, *The Urals State University*
Prof. **Emil Pain**, *Higher School of Economics, Moscow*
Dr. **Oleg Podvintsev**, *Russian Academy of Sciences*
Prof. **Olga Popova**, *St. Petersburg State University*
Dr. **Alex Pravda**, *University of Oxford*
Dr. **Erik van Ree**, *University of Amsterdam*
Dr. **Joachim Rogall**, *Robert Bosch Foundation, Stuttgart*
Prof. **Peter Rutland**, *Wesleyan University, Middletown*
Dr. **Sergei Ryabov**, *Kyiv-Mohyla Academy*
Prof. **Marat Salikov**, *The Urals State Law Academy*
Dr. **Gwendolyn Sasse**, *University of Oxford*
Prof. **Jutta Scherrer**, *EHESS, Paris*
Prof. **Robert Service**, *University of Oxford*
Mr. **James Sherr**, *Defence Academy of the UK, Swindon*
Dr. **Oxana Shevel**, *Tufts University, Medford*
Prof. **Eberhard Schneider**, *University of Siegen*
Prof. **Olexander Shnyrkov**, *Shevchenko University, Kyiv*
Prof. **Hans-Henning Schröder**, *University of Bremen*
Prof. **Viktor Shnirelman**, *Russian Academy of Sciences*
Dr. **Lisa Sundstrom**, *University of British Columbia*
Dr. **Philip Walters**, *“Religion, State and Society,” Leeds*
Prof. **Zenon Wasyliv**, *Ithaca College, New York State*
Dr. **Lucan Way**, *University of Toronto*
Dr. **Markus Wehner**, *“Frankfurter Allgemeine Zeitung”*
Dr. **Andrew Wilson**, *University College London*
Prof. **Jan Zielonka**, *University of Oxford*
Prof. **Andrei Zorin**, *University of Oxford*

* While the Editorial Committee and Advisory Board support the General Editor in the choice and improvement of manuscripts for publication, responsibility for remaining errors and misinterpretations in the series' volumes lies with the books' authors.

Soviet and Post-Soviet Politics and Society (SPPS)

ISSN 1614-3515

Founded in 2004 and refereed since 2007, SPPS makes available affordable English-, German- and Russian-language studies on the history of the countries of the former Soviet bloc from the late Tsarist period to today. It publishes approximately 20 volumes per year, and focuses on issues in transitions to and from democracy such as economic crisis, identity formation, civil society development, and constitutional reform in CEE and the NIS. SPPS also aims to highlight so far understudied themes in East European studies such as right-wing radicalism, religious life, higher education, or human rights protection. The authors and titles of previously published and forthcoming manuscripts are listed at the end of this book. For a full description of the series and reviews of its books, see <http://www.ibidem-verlag.de/spps.html>.

Note for authors (as of 2007): After successful review, fully formatted and carefully edited electronic master copies of up to 250 pages will be published as b/w A5 paperbacks and marketed in Germany (e.g. vlb.de, buchkatalog.de, amazon.de). English-language books will, in addition, be marketed internationally (e.g. amazon.com). For longer books, formatting/editorial assistance, different binding, oversize maps, coloured illustrations and other special arrangements, authors' fees between €100 and €1500 apply. Publication of German doctoral dissertations follows a separate procedure. Authors are asked to provide a high-quality electronic picture on the object of their study for the book's front-cover. Younger authors may add a foreword from an established scholar. Monograph authors and collected volume editors receive two free as well as further copies for a reduced authors' price, and will be asked to contribute to marketing their book as well as finding reviewers and review journals for them. These conditions are subject to yearly review, and to be modified, in the future. Further details at www.ibidem-verlag.de/red/spps-authors.

Editorial correspondence & manuscripts should, until 2008, be sent to: Dr. Andreas Umland, DAAD, German Embassy, vul. Bohdana Khmel'nitskoho 25, UA-01901 Kiev, Ukraine; umland@stanfordalumni.org.

Business correspondence & review copy requests should be sent to: *ibidem*-Verlag, Julius-Leber-Weg 11, D-30457 Hannover, Germany; tel.: +49(0)511-2622200; fax: +49(0)511-2622201; spps@ibidem-verlag.de.

Book orders & payments should be made via the publisher's electronic book shop at: http://www.ibidem-verlag.de/red/SPPS_EN/

Recent Volumes

- 51 *Sonja Schüller*
Die ethnische Dimension der Armut
Roma im postsozialistischen Rumänien
Mit einem Vorwort von Anton Sterbling
ISBN 978-3-89821-776-7
- 52 *Галина Кожевникова*
Радикальный национализм в России и противодействие ему
Сборник докладов Центра «Сова» за 2004-2007 гг.
С предисловием Александра Верховского
ISBN 978-3-89821-721-7
- 53 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях I
Высшие должностные лица РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-796-5
- 54 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях II
Члены Правительства РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-797-2
- 55 *Галина Кожевникова и Владимир Прибыловский*
Российская власть в биографиях III
Руководители федеральных служб и агентств РФ в 2004 г.
ISBN 978-3-89821-798-9
- 56 *Ileana Petroniu*
Privatisierung in Transformationsökonomien
Determinanten der Restrukturierungs-Bereitschaft am Beispiel
Polens, Rumäniens und der Ukraine
Mit einem Vorwort von Rainer W. Schäfer
ISBN 978-3-89821-790-3
- 57 *Christian Wipperfürth*
Russland und seine GUS-Nachbarn
Hintergründe, aktuelle Entwicklungen und Konflikte in einer res-
ourcenreichen Region
ISBN 978-3-89821-801-6
- 58 *Togzhan Kassenova*
From Antagonism to Partnership
The Uneasy Path of the U.S.-Russian Cooperative
Threat Reduction
With a foreword by Christoph Bluth
ISBN 978-3-89821-707-1
- 59 *Alexander Höllwerth*
Das sakrale eurasische Imperium des Aleksandr Dugin
Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen
Rechtsextremismus
Mit einem Vorwort von Dirk Uffelmann
ISBN 978-3-89821-813-9

Олег Рябов

«РОССИЯ-МАТУШКА»

Национализм, гендер и война в России XX века

С предисловием Елены Гоцило

ibidem-Verlag
Stuttgart

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data are available in the Internet at <http://dnb.d-nb.de>.

Cover picture: Проснувшаяся, Н.Р. (Н. Радлов) (1889–1942), 1915. Source: Новый сатирикон. 1915. № 24. С. 1. Public property

∞

Gedruckt auf alterungsbeständigem, säurefreiem Papier
Printed on acid-free paper

ISSN: 1614-3515

ISBN-10: 3-89821-487-7

ISBN-13: 978-3-89821-487-2

© *ibidem*-Verlag
Stuttgart 2007

Alle Rechte vorbehalten

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und elektronische Speicherformen sowie die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in or introduced into a retrieval system, or transmitted, in any form, or by any means (electronical, mechanical, photocopying, recording or otherwise) without the prior written permission of the publisher. Any person who does any unauthorized act in relation to this publication may be liable to criminal prosecution and civil claims for damages.

Printed in Germany

Памяти моего отца

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

*The Eternal Return: Polyvalent Maternal
Discourse and National Identity*

Helena Goscilo 9

Введение 27

I. Национализм, гендер, война: методология исследования

I. 1. *Гендер* 31

I. 2. *Национализм* 44

I. 3. *Национализм и гендер* 53

I. 4. *Война и мир в гендерном дискурсе* 75

II. «Россия-Матушка» сквозь призму постколониальных исследований

II. 1. *«Russianism»: «Mother Russia» в западном
дискурсе о России* 89

II. 2. *Женственность России в русском
мессианизме* 107

II. 3. *«Россия-Матушка» в политиках идентич-
ности русского национализма* 115

III.	«Россия-Матушка» в истории XX века	
III. 1.	<i>«Облеченная солнцем Жена»: национализм, гендер и война в дискурсе Серебряного века</i>	129
III. 2.	<i>«Наша великая матушка Россия»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе Первой мировой войны</i>	146
III. 3.	<i>«В жертву Интернационалу»: «Россия-Матушка» в дискурсе Октябрьской революции и Гражданской войны</i>	166
III. 4.	<i>«Родина-Мать зовет!»: национализм и гендер в дискурсе Великой Отечественной войны</i>	183
III. 5.	<i>«Быть верным сыном такого народа Итакой партии»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе Холодной войны</i>	202
III. 6.	<i>«Убей же в себе ‘бабу’»: «Россия-Матушка» в постсоветском дискурсе</i>	216
	Заключение	243
	Приложение	249
	Abstract in English	271

Предисловие

The Eternal Return

Polyvalent Maternal Discourse and National Identity

Helena Goscilo

The heart of a mother is a deep abyss at the bottom of which you will always find forgiveness.

Honoré de Balzac

Feminism, Gender, and Russia

With the revival and vigorous growth of feminist consciousness in the West during the late 1960s, the unremitting efforts of politically *engagé* academics to theorize womanhood, contest formerly unassailable ‘patriarchal’ assumptions and institutions, and recuperate a large corpus of women’s literature gradually resulted—somewhat paradoxically, if predictably—in the institutionalization of gender/women’s studies itself.¹ For better and worse, that development eventually reconfigured the entire framework of academic and, to a lesser degree, public cultural debate. By the 1980s such concepts as sexual politics, the socio-political construction of gender, phallogocentric colonialization, and the self-empowerment of the male gaze informed critical/theoretical discourse no longer as novelties, but as common places. In fact, their entrenchment warranted the refinement and revision that they subsequently underwent.² Consequently, educated readers versed in feminist issues, regard-

¹ In 1990 a British male scholar waspishly referred to women’s studies as a “politico-commercial enterprise on a serious scale” driven by authors with “a niche to consolidate.” Liam Hudson, “The Same But Different,” *Times Literary Supplement* (1-9 June 1990), 588.

² Symptomatic of this trend was the awareness of a proliferation of feminisms (the title of an anthology of feminist essays, edited by Robyn R. Warhol and Diane Price Herndt in 1991), which found expression in the meta-critical sections of many feminist articles, in summaries of the movement’s watershed publications and major

less of their stance on questions deemed salient to the gender enterprise, experienced the shock of time warp when confronted with late-Soviet discussions of gender-related phenomena. As if catapulted back several decades, they had to adjust to what appeared a willed anachronistic shift in perspective.

The twenty-two years since perestroika, however, have witnessed changes of varying magnitude and significance, largely springing from Russia's extensive contacts with the West: the establishment of gender centers in Moscow (1990) and St. Petersburg (October 1992); the tentative, intermittent incorporation of courses in gender analysis into university curricula; the appearance of Russian websites carrying information about activities and publications addressing gender; awards for the best scholarship in gender studies (for instance, the prize for the best article in Russian, administered through the European Humanities University International Center for Gender Studies, under the leadership of Elena Gapova);³ the debut of several journals and a steady trickle of international as well as national and local conferences in Russia devoted exclusively to gender.⁴ Such innovations seem cause for jubi-

points of contention, such volumes as Janet Todd's *Feminist Literary History* (New York: Routledge, 1988), and correctives to Laura Mulvey's original article on the male gaze in film by various critics and Mulvey herself. For a list of such publications, see Helena Goscilo, "Introduction," *Skirted Issues: The Discreteness and Indiscretions of Russian Women's Prose [Russian Studies in Literature]* (Spring 1992): 14-15, ft. 2. Critics of early feminism and women's studies faulted them for not taking age, race, and class into account.

³ "Gendernye shtudii." For a survey of the strides made in gender studies within educational institutions in Central and Eastern Europe from the 1980s to the present day, see Susan Zimmermann, "The Institutionalization of Women and Gender Studies in Higher Education in Central and Eastern Europe and the Former Union: Asymmetric Politics and the Regional-Transnational Configuration," available at <http://www.duke.edu/womstud/TranslationGS.doc>, accessed 1 May 2007. The internal discord and reconfiguration of the unusually energetic Department of Gender Studies at Central European University in Budapest (see <http://www.iiav.nl/ezines/web/IFRWH/1998-2002/historians/newsletter%2031%20hungary.htm>) and the closure of the Center of Gender Studies in Minsk in 2004, followed by its transfer to Vilnius, eloquently attest to the vulnerability of these institutions. As Zimmerman, a faculty member specializing in gender studies at Central European University, justly notes, the viability of various gender initiatives, many of them fully or partially underwritten by Western resources, depends significantly on the given country's commitment to westernization (32-33).

⁴ An indefatigable organizer of such events in Moscow is the journalist Nadezhda Azhgikhina, who regularly includes panels on gender at journalists' conferences and, in her capacity as Secretary of the Russian Union of Journalists, repeatedly invites writers and critics who address gender in their work to give presentations on

lation, at least among liberals and radicals. Yet the overwhelming majority of Russian academics remain skeptical about the intellectual validity of gender studies, many equating gender exclusively with womanhood,⁵ while Russians ignorant of the scholarly and political agendas and achievements of Western feminism automatically dismiss it as mere political correctness, the “perverse” sanctuary of lesbians, and the last resort of bitter “ugly women.” Agencies and websites advertising Russian brides typically contrast them to their “aggressive” Western counterparts, promoting the Russian woman’s fabled non-assertive, conciliatory “nature,” readiness to please “her man,” cooking and nurturing skills, and immunity to the dangerous “infection” of feminism. Indeed, the mainstreaming of soft pornography in glossy magazines and newspapers, and the obsession with young female bodies in contemporary Russian life⁶ index the society’s preference for the traditional, asymmetrical polarization of essentialized gender identities.

Life as Discursive Strategy

There is nothing either good or bad, but thinking makes it so.
Shakespeare, *Hamlet*

In this context, the work of Oleg Riabov constitutes a remarkable anomaly. A professor of philosophy at the State University of Ivanovo (historically characterized as a “woman’s town”), Riabov occupies a unique niche in Russian academia as the *male* author of three impressive monographs on gender in Russian culture—*Zhenshchina i zhenstvennost’ v filosofii Serebriannogo veka* (Ivanovo: Ivanovo State University, 1997), *Russkaia filosofia*

the Union’s premises in the city center, e.g., Anna-Nataliia Malakhovskaia and Svetlana Aleksievich.

⁵ During the 1970s and 1980s, gender studies in the West tended to be collapsed into women’s studies, owing chiefly to feminist politics and the archeological imperative—namely, “unearthing” the works and biographies of women marginalized or ignored by history. Scholarship on masculinities gained momentum only in the 1990s, often imbricated in questions raised by gay and queer studies. Perhaps this multi-stage development in the West could account, if only in part, for the automatic assumption in Russia that gender, not unlike menstruation, is an exclusively female (and lamentable) “extra” or given. Men do not “need” gender, for they are *an Sich*—humanity.

⁶ The fixation on nubile flesh, of course, also flourishes in the West, and perhaps above all in Hollywood.

zhenstvennosti (XI-XX veka) (Ivanovo: “Iunona,” 1999) and “*Matushka-Rus*” (Moscow: Ladimir, 2001)—as well as related articles in both Russian and English. All of Riabov’s scholarship, conducted in a rigorously historical and deconstructionist mode, benefits from his thorough knowledge of Russian literature and culture; his command of Western theory, critical thought, and philosophy; his grasp on the full range of texts in feminism and gender theory; and his ability to buttress arguments and claims with copious documentation, both verbal and visual.

The title of his current volume, “*Rossii-Matushka*”: *Natsionalizm, gender i voina v Rossii XX veka*, which takes up where “*Matushka-Rus*” left off, transparently condenses the major argument that has consistently driven his scholarship over the years, whatever its shifting emphases: namely, that the discourses of gender, nationalism, and war invariably operate in a symbiotic relationship, shaping and reinforcing one another. The primary sources he adduces to illustrate that thesis are formidable, spanning multiple cultural categories, from sundry literary genres and philosophy to songs, graphics, and film—not only Russian, but also European and American. In that sense the book’s title does not do full justice to Riabov’s purview, which in its comparative sections vividly demonstrates both the universal and the nation-specific tendencies in the triadic discursive strategies he analyzes.

In his three logically sequenced chapters of unequal length, Riabov observes hallowed philosophical traditions by starting with definitions of his key terms and the concepts underpinning them—gender, nationalism, identity, and discourse—so as to clarify his methodology. Discursive practices, he maintains, construct not only gender, nationalism, and identity, but also “truths” in a hierarchical system that techniques of naturalization attempt to present as inherent or unimpeachable. Tracing the etiology and permutations of *Rossii Matushka*/Mother Russia, Riabov contends that typically the symbolism of this primordial feminine image acquires maximal emotional power during times of war; that its rhetorical invocation capacitates the legitimation of the political system and rouses nationalistic passions; and that its affect helps to naturalize the value-steeped dualistic classification of “*Svoi/Chuzhie*” (“Us or Our Own/Them or Theirs”) in international relations. Since binarisms are the *bête noire* of any deconstructionist project (and according to Iurii Lot-

man's classic article, a cornerstone of early Russian culture),⁷ Riabov dismantles them with the aid of copious Western theorists, from the sociologist Pierre Bourdieu, with his emphasis on the role of practice, embodiment, and exercise of power in social dynamics, to the literary theorist Edward Said—specifically, his critique of the paradigms undergirding *Orientalism* (1978), the concept and title of his most famous book, which, though controversial, exerted an incalculable impact on post-colonial studies.⁸

Arguing for a referential, context-dependent, and heterogeneous understanding of gender, and particularly its implication in power relations, Riabov defines masculinity as a field of competing discourses, and contends that gendered discourse serves as a marker enabling the process of inclusion and exclusion (*Svoi/Chuzhie*) in the formation of collective identity. That gender-based differentiation establishes social and political boundaries, creating an invariably feminized alterity essential to the consolidation of a national identity that, ultimately, necessitates the presence of an Enemy.

Riabov's extended commentary on the rhetoric of nation and nationalism links both with familial and religious discourse—the former conveniently grounded in the Russian language itself (*rod* [gender; family; origin], *rodstvo* [kinship; relatives], *rodina* [homeland, motherland— frequently linked with *mat'*]).⁹ Russian rulers' clever exploitation of familial discourse, which generated the labels of father tsar (*tsar'-batiushka*) during the imperial period and, later, Stalin as the Father of All Peoples, created the illusion of the entire population as one large, happy family (Stalin's *bol'shaia sem'ia*) thriving under the wise leadership of the infallible Patriarch. If the family trope denotes unifying bonds and continuity, then religion provides an excellent analogy with na-

⁷ Ju. M. Lotman and B.A. Uspenskii, "The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Up to the End of the Eighteenth Century)," in Ju. M. Lotman and B. A. Uspenskii, *The Semiotics of Russian Culture*, ed. Ann Shukman (Ann Arbor: Michigan Slavic Contributions, 1984, No. 11): 3-35. The Russian original first appeared in *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*, XXVIII (Tartu, 1977).

⁸ Though lambasted by Orientalists such as Bernard Lewis and Albert Houran, *Orientalism* served as a major inspiration and orientation point for countless studies of East/West relations, and Western perceptions of and attitudes toward the East.

⁹ See also Valentina Zaitseva, "National, Cultural, and Gender Identity in the Russian Language," *Gender and National Identity in Twentieth-Century Russian Culture*, eds. Helena Goscilo and Andrea Lanoux (DeKalb: Northern Illinois UP, 2006): 30-54.

tionalism, inasmuch as the two share the promise of immortality and an orientation toward the past and future.

The discourse of nationalism, Riabov contends, values traits that modernity correlates with masculinity: autonomy, rationalism, aggressiveness, and decisiveness—including the readiness to shed blood. Elsewhere he adds the qualities of will, self-control, progress, and power—certainly attributes that the majority of Western cultures identify with masculinity, whose representatives are joined in a male brotherhood (*bratstvo*) along the horizontal axis. As the prime category in the binary of posited gender identity, this plexus of characteristics predicates femininity as the antithesis: passivity, purity, modesty, faithfulness, emotionalism, domesticity, etc. Adherence to these supposedly feminine features constitutes women's 'national duty' and ensures the purity of the nation. And the logic of national supremacy requires that other nations never match one's own in preserving the sanctity of these complementary gendered identities and functions. In fact, discursive images of Others traditionally impugn the latter's masculinity, or during wartime evoke evolutionary regression by constructing the Enemy as "primitives" and sexual predators, violating the sanctity of the beloved homeland, troped as chaste womanhood.¹⁰ Indeed, posters from the two World Wars frequently depict the atavistic Enemy readying to rape the woman/nation, thereby threatening Our fighting man's efficacy as defender and protector.¹¹ To offer their blessings to men departing for war and thereby legitimate the 'cause' is only one among multiple roles Our women (by contrast to Others') play in the rhetoric of war; they also appear as suffering victims, faithful spouses and comrades, incarnations of compassion and cozy domesticity, and the long-awaited "norm" that rewards repatriated soldiers. In short, the discourse of war consolidates already

¹⁰ For women's tropological function in the collective narratives of nationhood, see Helena Goscilo, "Negotiating Gendered Rhetoric: Between Scylla and Charybdis," *Representing Gender in Cultures*, eds. Elżbieta H. Oleksy and Joanna Rydzewska (Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004): 19-39. A wide-ranging, excellently researched examination of the topic is Marina Warner's *Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form* (New York: Vintage, 1996).

¹¹ Viktor Deni's *Ubei fashista-izuvera* (1942) represents a compelling instance of such an image. For a large selection of female iconography in World War II posters, see *Plakaty woyny i pobedy 1941-1945*, eds. P.A. Snopkov, A.E. Snopkov, and A.F. Shkliaruk (Moskva: "Kontakt-Kul'tura", 2005).

existent gender distinctions, hyperbolizing them to boost morale through an affirmation of familiar values and legacies.

East and West, with Home as Best

The lucrative business of mystery.
Edmund Burke, *A Vindication of Natural Society*

With his terminology, theoretical framework, and major ideas elucidated in his introductory chapter, Riabov turns to a specific manifestation of gendering the Other: namely, Western culture's reliance on Mother Russia as a symbol of Russianness in the context of post-colonialism. He locates this self-aggrandizing phenomenon within the larger dualistic schema mapped out in Stuart Hall's influential "The West and the Rest: Discourse and Power" (1996),¹² which famously claims that within Western representations of the East, "the very language we use to describe the so-called facts interferes in [... the] process of finally deciding what is true and what is false" (203). Hall's thesis that the ability of any discourse to reproduce political values and to position one advantageously vis-à-vis any other entity extends Said's critique of Western discursive practices regarding the East, which arrogate primacy to the West, endowing it with the purportedly characteristic features of masculinity—rationalism, strength, individualism, (self-)control, etc. This dichotomous constellation conveniently envisions Russia (the East/"the rest") as feminine, hence a stronghold of irrationalism, archaism, mystery, unpredictability, 'softness,' passivity, and eroticism—all neatly encapsulated in the West's concept of "the Russian soul."

Throughout the volume, Riabov scrupulously documents the intersection of this subordinating move by the West with the image of Russia produced by its own poets, prosaists, and philosophers who feminized Russia either explicitly or indirectly through gender-specific traits. Calling this process "auto-feminization," Riabov perceptively notes the commonalities between "Russophobia" (the West's imposed image) and "Russophilia" (Russia's self-conception). While Orthodox (and unorthodox) religious beliefs inclined

¹² Published in Stuart Hall, D. Held, et al., eds. *Modernity: An Introduction to Modern Societies* (Malden, MA: Blackwell, 1996).

prominent Russian proponents of messianism to frame national identity in a trans-rational, mystic, and often hermetic belief in the nation's unique destiny within world culture, from an Enlightenment-based Western viewpoint, the structure and tone in which that belief expressed itself align it with the irrationalism and passivity of "the rest." Fedor Tiutchev's poem "Umom Rossiine poniat'," the Symbolists' cult of Sophia as Eternal Wisdom, and Soviet Village Prose writers' personification of traditional Russia as the maternal body (e.g., Valentin Rasputin's "Proshchanie s Materoi")¹³ lend themselves to a reading that collapses Russia into the unfathomable "dark continent" of specifically female sexuality as posited by Sigmund Freud. Winston Churchill's over-quoted summation of Russia during World War II as "a riddle wrapped in a mystery inside an enigma" merely culminated the West's centuries-long representation of Russia as an 'exotic' realm of semi-Asiatic barbarians on the outskirts of modern Europe—the periphery, as Riabov observes, in terms of the West as Center.

Though here Riabov draws chiefly on philosophy and sundry writings, perhaps no other genre in contemporary culture validates his argument more forcefully and consistently than cinema from the 1920s to the present day. Memorable examples of a feminized Russia range from adaptations of Lev Tolstoi's *Anna Karenina* (1877) to recent Hollywood blockbusters, which dwell on Russians' immoderate impulsiveness, extravagant appetites, and propensity for extremes. Though Tolstoi's novel hardly depicts Russians' collective capacity for orgiastic celebrations and untrammelled excess, both Edmund Goulding's silent adaptation, *Love* (1927), and Clarence Brown's *Anna Karenina* (1935) establish "Russianness" by arbitrarily adding scenes of a wild snowstorm, balalaika-strumming gypsies colluding in sexual license, and drunken officers in the imperial army crawling under a table as part of a competitive game after they consume a veritable mountain of caviar. Anatole Litvak's *Journey* (1959), released at a time when friction between the two superpowers had eased, has an enamored Soviet major (Yul Brynner) during

¹³ Aleksandr Solzhenitsyn's "Matrenin dvor" likewise collapses sacrosanct national values such as self-abnegation and proclivity to self-sacrifice into femininity. The film director Andrei Tarkovskii similarly viewed "subordination and self-denial out of love" as the quintessence of womanhood (quoted in Nikolai Boldyrev, *zhertvopri-noshenie Andreia Tarkovskogo* [Moscow: Vagrius, 2004] 58-59).

the Hungarian Revolt launch into a dashing Russian dance and crunch between his teeth the glass that he has just emptied of vodka. Kindred screen images persist during perestroika and even after the official end of the Cold War: the American protagonist in Walter Hill's comedy *Red Heat* (1988) patronizingly advises his Soviet counterpart, "You [Russians] should stick to the things you're good at. You know, knee-dancing and training those cute little bears for the circus"; Wolfgang Peterson's *Air Force One* (1997) pointedly contrasts the level-headed competence of American government personnel to the fanaticism of Russian terrorists who hijack the American president's plane, threatening to kill a hostage every half-hour until an imprisoned tyrant is released; and Michael Bay's *Armageddon* (1998) spotlights Americans' patriotism, discipline, and stoicism as they save the world from extinction, while the Russian ally (who oversees a space station) is an unkempt, volatile astronaut who solves technical problems in space "the Russian way," as he phrases it—by pounding on invaluable spaceship equipment with a metal bar.

Such mainstream cinematic offerings imply that the West—the self-proclaimed citadel of logical, powerful masculinity—needs to control volatile, ineffectual Russia, thereby justifying America's paternalistic interference in Russia's 'chaotic' internal affairs. Roger Spottiswoode elevates that allegedly benign supervision to unprecedented heights in *Spinning Boris* (2003), which not only unfolds an absurdly incompetent Russia in comprehensive disarray but also credits American consultants and their marketing technologies with the outcome of Russia's 1996 presidential election. As the enlightened authority, the West teaches 'savages' the 'correct' way to conduct political campaigns.

Building Nation and Consolidating Gender Difference through War

My argument is that War makes rattling good history;
but Peace is poor reading.

Thomas Hardy, "The Dynasts"

Riabov's last and longest chapter focuses on major phases in the twentieth century's resort—particularly though not solely during wartime—to the gendered national discourse that feminizes Russia in a spirit of dismissal or relegation to inferior status. The many passages tracing autofeminization by philosophers and poets during the Silver Age who repeatedly contrasted Russia's "femininity" (*zhenstvennost'*) to Western masculinity lay the groundwork for the chapter's analysis of discursive strategies during the 1905 and 1917 Revolutions, as well as the two World Wars and the Cold War (1946-91). If the anarchic, elemental nature of revolution automatically equated it with femininity for such Silver Age philosophers as Vasilii Rozanov and Nikolai Berdiaev, the rhetoric of World War I transformed the framework of gendered national identity into a normative issue. Propaganda in Russian posters, literature, and films touted the strength and moral superiority of Russia's self-proclaimed femininity to the *deviant*, hypertrophied masculinity of the German aggressors, which instanced pathology and augured ineluctable defeat. Positing a continuity between contemporary Russian soldiers and the mythological Russian epic heroes of old (*bogatyri*) who defended the empire's borders and Christianity from enemy invasions out of love for Mother Russia, Russian iconography of World War I ascribed exclusively destructive and materialistic motivations to the German army.¹⁴ At the same time, Poland (with the Time of Troubles and subsequent violent conflicts such as the Polish-Soviet war of 1920-21 forgotten) became one of Ours—admittedly of a secondary category, but still part of a Slavic whole that the renegade Bulgarians betrayed, at their own peril.

¹⁴ On the calculated reprisal of the medieval image as canonized by Vasnetsov in the late nineteenth century and during the last few years, see Helena Goscilo, "Viktor Vasnetsov's Bogatyrs: Mythic Heroes and Sacrosanct Borders Go to Market." *Picturing Russia: Essays on Visual Culture*. Eds. Valerie A. Kivelson and Joan Neuberger. New Haven: Yale UP, 2007.

Both obliterating and resuscitating history, Russian World War II publications and especially visuals appealed to the populace's selective memory through the precedents of historical personages and victories, highlighting male heroes renowned for their glorious defeats of sundry antagonists/Others. Not only posters carrying their inspirational images, but also films exalting the exemplary exploits of Peter the Great, Aleksandr Nevskii, Aleksandr Suvorov, Minin and Pozharskii, and Boris Khmel'nitskii hyperbolized their achievements as saviors and representatives of an unconquerable Russian nation.¹⁵ The discourse of these harrowing years modified gendered associations. It continued to sanctify Russia as the primordial Mother, but now cast her patriotic defenders as intrepid *sons*, while subjecting external and internal Others to a denigrating feminization.¹⁶

"Za Rodinu, za Stalina!", the rallying call that attained the status of a mantra throughout the war, tapped the mythological traditions of hierogamy,¹⁷ bolstered by the religious connotations of the rhetoric of salvation. The safety and purity of Mother Russia, threatened with symbolic and literal violation by the Enemy—caricatured as animals, lowly insects, and rapists—was at stake, as was the nation's future, imaged by graphic artists as a child held in its mother's arms. Maternity's physical and figural primacy may be deduced from the 1936 law prohibiting abortions and the famous recruitment poster by Iraklii Toidze, *Rodina-mat' zovet!* (1941), as well as posters depicting mothers' pleas, blessings, and gratitude to their brave, responsive 'sons.' In their rhetorical devices, graphics observed gender distinctions, favoring synecdoche for male images and symbolism for their female counterparts: posters frequently project a single soldier, courageous, determined, and tireless, as a representative of the entire Soviet/Russian army whose sole, overriding task is to conquer the Enemy. Women, however, fulfill multiple symbolic roles: the

¹⁵ See Vladimir Petrov's two-part *Petr Pervyi* (1937, 1938), based on Aleksei Tolstoi's novel with the same title (1929), Sergei Eizenshtein's *Aleksandr Nevskii* (1938), Vsevolod Pudovkin's *Minin i Pozharskii* (1939) and *Aleksandr Suvorov* (1940), and Igor' Savchenko's *Bogdan Khmel'nitskii* (1941).

¹⁶ For a caricature of Hitler as a "baba" (old/peasant woman) draped in a traditional woman's headscarf, see the illustration accompanying Zaitseva's article in *Gender and National Identity*, op.cit. 35.

¹⁷ On hierogamy, whereby the Sky-God "marries" Mother Earth so as to generate cosmic creativity, see Mircea Eliade, *The Sacred and the Profane* (New York: Harcourt, Brace, & World, 1959): 144-47.

nation, the land, vulnerable victimhood, the home, and the guarantee of continuity, of future generations.¹⁸ And, as Riabov points out, in a sense, women are the reward for male valor and victory. Subsuming all these immemorial aspects of femininity, Rodina-mat' proved a highly effective recruitment tool, mobilizing and uniting the multi-ethnic Soviet population in its sustained patriotic ("Mother-loving") struggle to repel the Enemy.

The militaristic masculine ideal of inflexibility, stamina, and daring epitomized by the Wise Leader as Man of Steel during Stalinism privileged the male professions of pilots, Stakhanovite miners and metro-builders, leaving women to breed and run the household. Stalin's death (1953) and the ensuing Thaw 'softened' that gender-polarized system of values, sidelining gender distinctions as it rehabilitated sincerity and restored the legitimacy of emotions. Nikolai Ostrovskii's officially promoted *Kak zakalialas' stal'* (1932-34), which extols a heroic Spartan ethic that acknowledges nothing beyond revolutionary dedication, yielded to Boris Pasternak's *Doktor Zhivago* (pd. 1957), whose lyrical poet-hero disavows combat and military zeal while embracing Jesus Christ and Hamlet as archetypes of self-sacrifice.¹⁹ Films by Grigorii Kozintsev featuring Don Quixote and Hamlet,²⁰ orphaned children bonding with traumatized but tender surrogate fathers in Marlen Khutsiev's *Dva Fedora* (1958) and Sergei Bondarchuk's *Sud'ba cheloveka* (1959), Mikhail Kalatozov's sympathetic portrayal of a woman who, contrary to the imperative of Konstantin Simonov's celebrated wartime poem, "Zhdi menia!", does not 'wait for her man fighting at the front,' yet finds redemption (*Letiat zhuravli* 1957) revalidated compassion, imagination, personal relationships, and a "gentler, kinder" approach to life.²¹ That these ostensibly feminine quali-

¹⁸ For an analysis of how the entrenched cultural tradition of gendered allegory, "whereby women invariably *represent* instead of being *represented* in a context established by, and showcasing, masculinist priorities" erases empirical individuals through trope, thereby facilitating women's exclusion as agents in the social and political spheres, see Goscilo, "Negotiating Gendered Rhetoric: Between Scylla and Charybdis," op. cit., especially 24-36.

¹⁹ Iurii Zhivago's passivity, which troubled many critics, allies him with femininity and the early Russian saints Boris and Gleb.

²⁰ *Don Kikhot* (1957) and *Gamlet* (1964).

²¹ On the new values of the Thaw, see Alexander Prokhorov, *Unasledovannyi diskurs: Paradigmy stalinskoi kul'tury v literature i kinematografe otteperi*. Seria "Sovremennaia zapadnaia rusistika" (Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2007). For a survey of Thaw film, see Josephine Woll, *Real Images: Soviet Cinema and the Thaw* (London and New York: I. B. Tauris, 2000).

ties, anathematized by the previous era, surfaced and enjoyed approbation during the Thaw clearly signaled the increased tolerance of an ethos not exclusively defined by aggressive masculinity.²²

Whatever the vagaries of internal gender discourse, throughout the Cold War, Riabov maintains, the image of the capitalist West (the Other), and especially America, constantly played a key role in Soviet identity (Us), and vice versa. While Soviet propaganda represented its major Other as simultaneously reactionary and imperialistic, exploitative, racist, and materialistic, the U.S. countered with charges of abusive repressiveness, persistent violation of human rights, and insatiable hunger for world power. Gender discourse on both sides invoked, once again, behavioral norms. Whereas American rhetoric emphasized Russians' asexuality, Soviets decried the depravity of American life, personified as the whore of Babylon and antithetical to the wholesomeness of Soviet society. Sexual profligacy, spy seducers, loveless marriages contracted for monetary gain, and insufficiently masculine men predominated in portrayals of Americans in Soviet films, such as Grigorii Aleksandrov's *Vstrecha na El'be* (1949) and *Tsirk* (1936). Not only cinema but also caricatures and other genres showcased the superiority of Soviet masculinity, manifested in such diverse spheres as physique, sports, space exploration, military power, friendship/camaraderie, and treatment of women.

Perestroika destabilized such binaries to an extent, even as it intensified the gendering of political and cultural discourse wielded by both superpowers. Sex and sexual discourse infiltrated virtually all cultural, social, and political categories, and, once post-Soviet Russia officially opted for a market economy, sexual(ized) images virtually ruled visual genres, from advertisements to art, film, and illustrations of books and journals. Beauty contests and pornography made their debut, and authors who cautiously had adhered to Victorian standards of propriety suddenly began writing frankly about the body and its myriad intimate activities. Popular music explored the possibilities of sexual innuendo (Liube) and obscenities (Leningrad), and even produced a *faux*-lesbian duo, Tatu. Politicians, and above all Vladimir Zhiri-

²² Kalatozov's compassionate focus on the unfaithful and tormented Veronika in *Letiat zhuravli* could hardly differ more in topic and tone from his eloquently titled films under Stalin: *Muzhestvo* (1939), *Nepobedimye* (1942), and *Valerii Chkalov* (1941), the daredevil pilot championed by Stalin who in 1937 set a world record by flying nonstop from Moscow to Vancouver, Canada.

novskii, the spotlight-seeking head of the misleadingly named Liberal Democratic Party, sexualized political discourse, memorably referring to former Soviet leaders as onanists and impotents and penning *Azbuka seksa* (1999), which, *inter alia*, proposed launching licensed prostitutes into space to alleviate Russian cosmonauts' stress. In this comprehensive sexualization, women's bodies became marketable commodities, quickly co-opted and packaged by sex-traffickers and websites peddling compliant, nurturing young Russian women in marriage to (usually older) Western buyers seeking relief from feminists and proponents of gender parity. In short, *Svoi* welcomed the importation of *Chuzhie* values and cultural practices with arms outstretched.

While perestroika and the early phase of post-Soviet reforms gave Western masculinity a boost, they manifestly emasculated Russian men. Unease at the abrupt and categorical abnegation of formerly sacrosanct priorities and allegiances eventually expressed itself in the pervasive image of Russia as a whore, succumbing to the lure of Western lucre and unable to depend on the hapless brotherhood of Russian males for salvation or sustenance. Petr Todorovskii's ideologically freighted *Interdevochka* (1990), based on Vladimir Kunin's novella by the same title (1989), was only the first Russian film in a series to warn that betrayal of the Mother/land inexorably leads to its loss and a punitive, violent death.²³ While many segments of Russian society hailed the sudden extensive interaction with the former Enemy, others viewed the rapprochement as a castrating ideological defeat. Rampant inflation, a steep decline in industrial production, capital flight, several financial crashes and scams, the government's default on its debts (1998), and Boris Yeltsin's widely reported erratic behavior led to further deterioration in Russia's relations with the U.S. The latter appeared little more than a predator, the former—a vulnerable victim of misplaced trust. In gendered terms, Russia's role paralleled that of the innocent woman, "seduced and abandoned."

During the tumultuous 1990s the fundamental revolution in professions within a society undergoing ever-expanding change and adjustment necessitated an accelerated reconceptualization of successful masculinity, one,

²³ For elaborations on this theme, see Villen Novak's *Dikaia liubov'* (1993), Dmitrii As-trakhan's *Ty y menia odna* (1993), and Karen Shakhnazarov's *Amerikanskaia doch'* (1995). In all, the choice of a love partner tropes the decision whether "to remain true" to one's Motherland or bind one's fate to a foreigner and abandon Mother Russia.

moreover, based on Western models and their hierarchies.²⁴ In the reshuffled social and economic status of viable professions, specialists in business and law proved in high demand and commanded high salaries and considerable power. Oligarchs such as Boris Berezovsky corroborated the long-standing Western truism that money carries political influence and emanates an aura of masculine potency. Though a minuscule minority of Russian men, subsequently labeled oligarchs, accumulated staggering fortunes during the 1990s, direct or mediated dependence on models borrowed from the ‘triumphant’ capitalist West, which had bested its socialist Eastern counterpart, damaged Russia’s self-esteem. The abortive war in Chechnya (1994-96), as Riabov points out, reinforced the widespread impression of the nation’s impotence. As so-called market experts dispensed ‘sage advice’ to Russians endeavoring to learn business practices, articles in glossy magazines, drawing on Western sources, attempted to initiate Russian males into the secrets of appropriate conduct by “real men” and “gentlemen.”²⁵ On the one hand, this reduction of Russian males to America’s pupils promoted a feminized national identity. Yet, on the other hand, the business ethic adopted by Russian businessmen²⁶ and the efficient, cold-blooded elimination of critics and competitors, combined with the lucrative objectification of women’s bodies, accorded with paradigms of Western masculinity. The brutal drive to succeed at any cost and the criminalization of the political and business spheres, tirelessly discussed by the media, doubtless account for Riabov’s statement, “v tselom postkommunisticheskii diskurs mozhno rassmatrivat’ kak otritsanie femininykh tsennostei (ili, tochnee, tekhn, kotorye markirovalis’ kak ne-muzhskie).” I

²⁴ Among the welter of monographs on the 1990s in Russia, perhaps the most bracingly clear-sighted and informed is Alena Ledeneva, *How Russia Really Works: The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business* (Ithaca: Cornell UP, 2006).

²⁵ During the 1990s, glossy magazines functioned as “how to” manuals or intensive courses in the acquisition of style and behavioral credentials suited to men’s new positions as bankers, businessmen, accountants, independent consultants, and so forth. On the pedagogical nature of these publications, see Helena Goscilo, “Style and S(t)imulation: Popular Magazines, or The Aestheticization of Postsoviet Russia,” *Russian Culture of the 1990s*. Special issue of *Studies in 20th Century Literature* 24: 1 (Winter 2000): 15-50.

²⁶ On the role of the New Russians as a decisive force in Russia’s transformation, see the cluster of articles, “The New Russians,” ed. Helena Goscilo, *The Russian Review* 62/1 (January 2003): 1-90, especially Alexei Yurchak, “Russian Neoliberal: The Entrepreneurial Ethic and the Spirit of ‘True Careerism’”: 72-90.

would argue that the decade of the 90s constituted a struggle to forge a new, empowered masculinity and its appropriate discourse.

If the early 1990s witnessed Russia's self-flagellation and ambivalent reliance on American financial aid and training, as the decade drew to a close, disillusionment with the intentions and efficacy of the Western 'ally' gradually soured Russians' view of the U.S. Like a betrayed lover, Russia found comfort in a discourse of proud rejection. The Russian émigré writer Petr Vail' neatly encapsulated the shifts in Russia's attitude to the Enemy as a movement "ot kazennogo lozunga 'My luchshe vsekhn' sovetskoi epokhi k uni-chizhitel'nomu 'My khuzhe vsekhn' vremen perestroiki i vrozhdeniiu tezisa 'I vse-taki my luchshe vsekhn' postperestroichnogo perioda, osobenno s poiavleniem svoikh effektnykh bogachei."²⁷ Amidst the financial and political turmoil of the 1990s, a discourse of self-affirmation increasingly contrasted an affluent but superficial, pragmatic West and a spiritually profound, cultured Russia. That refurbished binary of *Chuzhie/Svoi* found its most jingoistic expression in Nikita Mikhalkov's *Sibirskii tsiuriul'nik* (1998), which, tellingly, had its media-hyped premiere in the Kremlin. In many ways Mikhalkov's expensive fantasy of a noble (indeed, ideal) imperial Russia capable of imposing its mark on a crass America prepared the way for the new millennium, with its nostalgia for empire under Vladimir Putin.

Putin's presidency introduced not only relative stability but also a concerted national remasculinization that Riabov perceptively analogizes with the Reagan years in America as analyzed in Susan Jeffords' incisive *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era*.²⁸ Frosty-eyed, self-controlled, and laconic, Putin has generated an entire cultural industry of Putiniana—biographies, portraits, songs, watches, calendar and T-shirts with his image, fan clubs, labels of products ranging from a tomato to a café, nationalist organizations, and articles verging on hagiography that spotlight his prowess as a sportsman, his steadfastness and reliability, and his determination to recapture Russia's former glory. Touted as an exemplar of masculinity, just a few months after assuming the country's leadership (2000), on International

²⁷ Petr Vail', "Postsovetskoe iskusstvo v poiskakh novoi ideologii," *Iskusstvo kino* 2 (1996), 159. [Symposium organized by Daniil Dondurei]

²⁸ Susan Jeffords, *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era* (New Brunswick, NJ: Rutgers UP, 2000).

Women's Day (8 March) Putin reaffirmed sacrosanct hierogamous traditions by lending his imprimatur to the nation's feminine-maternal image, astutely linking "Rodina, vera, mat'." True to his customary rhetorical strategies, Putin honors the present by intimating its continuity with an instantly identifiable and emotionally freighted past.

Dismissing feminism and postmodernism as symptoms of the West's emasculation and enervation, contemporary Russian discourse claims a true and tested masculinity. Yet various studies cited by Riabov indicate that a segment of the population continues to attribute compassion and emotionalism to Russia, and individualism, rationality, and independence to the West, while simultaneously viewing Russia as more "manly." Some view the symbol of Mother Russia as outworn, archaic, and retrograde or incapable of encouraging responsible behavior and a critical relationship to official power. Though the image and discourse of Mother Russia may be contested from various competing perspectives, the majority of Russians insist that everyone has only one biological mother and one Motherland—Rodina-mat'. And the extraordinary approval rating enjoyed by Putin testifies to the nation's perception of him as 'Her [sic] champion and protector.'

To convey the intellectual richness of Riabov's monograph requires more extensive comments than the generic conventions of an introduction permit. Erudite, admirably balanced and lucid, devoid of both partisanship and essentialism, and teeming with *aperçus*, Riabov's examination of Mother Russia in the gendered discourse of nation casts light on multiple aspects of Russia's cultural history spanning more than a century. Though deceptively modest in length, "*Rossia-Matushka*" engages a wealth of diverse Russian and Western critics/theorists and addresses a host of issues that no contemporary scholar can afford to ignore. In short, it is a major work.

Мы широки, широки,
как вся наша матушка Россия, мы
всё вместим и со всем уживемся!
*Ф. Достоевский*¹

Введение

«Россия-Матушка» – один из наиболее известных символов русскости в России и за рубежом. Материнский образ России является очевидной иллюстрацией переплетения гендерного и национального дискурсов. Тема России-Матушки неотделима и от военной темы: наиболее востребованным этот символ становится именно во время войн.² По каким причинам и в каких формах осуществляется это взаимовлияние «России-Матушки», с одной стороны, и национального, гендерного и военного дискурсов в России, с другой?

Интерес к данным вопросам представляется тем более актуальным, что «Россия-Матушка» приобрела широкую популярность в массовой культуре, став частью повседневности и превратившись, если пользоваться понятием М. Биллига, в факт «обыкновенного национализма». Этим термином называют романы, публицистические произведения, рок-композиции, сорта водки. «Россия-Матушка» смотрит на нас с плакатов и открыток, монет и почтовых марок; этот образ увековечен в монументах. Он широко используется и в дискурсе современных СМИ при объяснении самых разнообразных событий, будь то рост цен на энергоносители, «цветные революции» на постсоветском пространстве или тенденции мировой моды. «Россия-Матушка» является фактором политического дискурса, включаясь в предвыборные агитационные материалы или выступления политиков. Нередко этот образ становится центральным в историософских концепциях или националистических памфлетах. Нако-

¹ Достоевский Ф. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 15 т. Т. 10. Л., 1991. С. 212.
² Например, образ Родины-Матери сегодня, как показывают социологические исследования, ассоциируется, в первую очередь, с Великой Отечественной войной (Воронцова Е.О., Рябов О.В. Представления ивановцев о Родине и Отечестве // Границы: Альманах Центра национальных и этнических исследований ИвГУ. Вып. 1: Этническая ситуация в Ивановской области. Иваново, 2007 (готовится к изданию)).

нец, «Россия-Матушка» – это факт академического дискурса; показательно, что крупнейшие исследователи теоретических проблем и нации, и гендера используют данный термин.³

Проблема получила различные виды интерпретаций – от метафизических спекуляций до академических штудий. Ею интересовались многие российские авторы (достаточно вспомнить имена Н. Бердяева, Г. Федотова, Г. Гачева). Заметим, что анализ мифа зачастую сопровождался его переконфигурацией, что, в свою очередь, составляет часть дискурса о России-Матушке. Большой интерес этот символ вызывает в западной науке; особое внимание «России-Матушке», ее связи со спецификой гендерного порядка в стране уделяют феминистские исследователи. Важным этапом в изучении проблемы стала монография Дж. Хаббс «Мать Россия. Мифологизация женственности в русской культуре» (1988).⁴ Эта книга вызвала немало споров и в то же время дала значительный импульс анализу проблемы, библиография которой насчитывает сейчас десятки работ специалистов по различным дисциплинам (в том числе по истории, философии, лингвистике, литературоведению, культурологии, искусствоведению и др.).⁵

Вместе с тем многие аспекты проблемы далеки от решения, и к ее новой интерпретации исследователи будут возвращаться еще не раз, что обусловлено потребностью обобщения появляющихся исследований на эту тему, возможностью привлечения оригинальных методологических парадигм, необходимостью учета новых эмпирических данных. Попытку подобного исследования представляет собой и настоящая книга. Ее целью является анализ причин, форм и социальных функций разви-

³ Напр.: Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1983. P. 172; Yuval-Davis N. *Nationalism, Feminism, and Gender Relations* // G. Eley, R.G. Suny (Eds.) *Becoming National: A Reader*. New York, 1996. P. 128; Smith A.D. *The «Golden Age» and National Renewal* // G. Hosking, G. Schöpflin (Eds.) *Myths and Nationhood*. New York, 1997. P. 46; Connell R.W. *Gender*. Cambridge, 2002. P. 64.

⁴ Hubbs J. *Mother Russia: The Feminine Myth in Russian Culture*. Bloomington, 1988.

⁵ Основные положения критики работы Дж. Хаббс систематизированы в книге Эдмондсон Л. *Гендер, миф и нация в Европе: Образ матушки России в европейском контексте* // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. Вып 3. М., 2003. С. 141–143. Обзор публикаций по проблеме см.: Там же. С. 140–142.

тия «России-Матушки» как национального символа на протяжении XX столетия – периода, когда Россия переживала и взлеты, и падения, не раз меняя свое название и свои границы.

Вопросы, на которые я бы хотел получить ответ, сформулирую следующим образом. Каковы причины появления «России-Матушки» в русской культуре? Какую роль этот символ играет в русском национализме? Как он используется в легитимации и делегитимации политической системы в России? Какие функции он выполняет в имперском дискурсе, в репрезентациях русскости и российскости? Какова его роль в военном дискурсе? Как он включается в геополитический и внешнеполитический дискурсы, в конструирование образов Своих и Чужих в международных отношениях? Как можно обозначить влияние этого символа на гендерный порядок в России? В каких формах и под влиянием каких факторов дискурс о России-Матушке изменялся в течение последнего века? Какова его роль в идентичности Запада? Наконец, в какой степени гендерные характеристики национальной идентичности, заключенные в концепте России-Матушки, являются уникальными, присущими только русской культуре, и как он может быть интерпретирован в кросс-культурном контексте?

Определение «оптики» исследования, создание его инструментария через уточнение ключевых понятий (в числе которых «гендер», «национализм», «идентичность», «дискурс»), выявление причин и форм взаимовлияния национального, гендерного и военного дискурсов – это цель Главы I *«Национализм, гендер, война: методология исследования»*. В Главе II *«'Россия-Матушка' сквозь призму постколониальных исследований»* я предлагаю свой вариант объяснения природы и функций «России-Матушки», привлекая для этого методологию постколониальной теории и акцентируя тем самым внимание на роли оппозиции «Запад – Все Остальное» в развитии исследуемого концепта. В Главе III *«'Россия-Матушка' в истории XX века»* рассматриваются этапы, факторы и формы развития данного символа на протяжении последнего столетия.

Книга представляет собой продолжение моих работ «Женщина и женственность в философии Серебряного века», «Русская философия

женственности (XI–XX века)», «‘Матушка-Русь’: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии», в которых была предпринята попытка выявить содержание концептов мужественности и женственности в русской философии, показать влияние дискурса национальной идентичности на образ женского начала в русской культуре, объяснить природу дискуссий вокруг идеи женственности России в русской и западной философии истории.

Работа над этой книгой продолжалась несколько лет, на протяжении которых мои исследования поддерживались грантами и стипендиями Министерства образования Российской Федерации, Американских Советов, Фонда Дж. и К. Макартуров, Программы Корпорации Карнеги, администрируемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER), Программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», Института «Открытое общество»; считаю своей приятной обязанностью выразить признательность данным организациям. Я с благодарностью вспоминаю гостеприимство коллег из университетов Мичигана, Вайоминга, Вашингтона, из Смольного Коллегиума Санкт-Петербургского государственного университета, в которых я проходил стажировки. Книга была бы невозможна без сотрудничества с коллегами из Ивановского государственного университета, Центра этнических и национальных исследований, с моими студентами и аспирантами. Мне бы хотелось персонально поблагодарить тех, чья помощь и поддержка оказались наиболее значимыми в работе над этим исследованием: Ольгу Боронину (Ивановский государственный университет), Льюиса Бэгби (Университет Вайоминга), Хелену Гоцило (Университет Питтсбурга), Биргитту Ингеманнсон (Университет штата Вашингтон), Аллу Кирилину (Московский государственный лингвистический университет), Анджея де Лазари (Лодзинский университет), Марию Литовскую (Уральский государственный университет), Ольгу Михайлову (Уральский государственный университет), Татьяну Рябову (Ивановский государственный университет), Ирину Савкину (Университет Тампере), Елену Трофимову (Московский государственный университет).

I. Национализм, гендер, война:

Методология исследования

I. 1. Гендер

Мужчина и женщина – одновременно
пустые и переполненные категории.

*Дж. Скотт*¹

Гендерные исследования развивались стремительно и получили распространение среди представителей самых различных академических дисциплин, поэтому едва ли стоит удивляться многообразию подходов к интерпретации гендера, равно как и отсутствию устоявшегося, «канонического» определения ключевого термина. В качестве рабочих буду пользоваться двумя дефинициями.

Гендер – это организованная вокруг репродуктивной сферы структура социальных отношений, а также обусловливаемый ею набор практик, которые помещают репродуктивные различия между телами в социальные процессы.²

Гендер – это созвездие значений, которые культура приписывает биологическим различиям между полами.³

В парадигме гендерных исследований решающая роль в различиях между мужчинами и женщинами отводится не биологическим (особенности тела) или институциональным (социальные структуры) факторам, но дискурсивным.⁴ Уточняя понимание дискурса, отметим, что данное понятие определяют как относительно ограниченный набор утверждений, которые устанавливают пределы того, что имеет значение, а что значения

¹ Скотт Д. Гендер: Полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования: В 2 ч. Харьков; СПб., 2001. Ч. 2. Хрестоматия / Под ред. С. Жеребкина. С. 430.

² Connell R.W. Gender. P. 10.

³ Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War // M. Cooke, A. Woollacott (Eds.) Gendering War Talk. Princeton, 1993. P. 228.

⁴ Hooper C. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York, 2001. P. 20.

не имеет.⁵ Дискурс, следовательно, это не только разрешение думать и рассуждать одним способом, но также и запрет делать это любыми другими способами.⁶ Истина, согласно М. Фуко, создается дискурсивно; «режим истины» устанавливается дискурсом, который тем самым выполняет регулятивную и властную функции.⁷ Дискурсивная практика – это практика производства значений; все социальные практики имеют дискурсивный аспект.⁸ При этом дискурсивный анализ исходит из того, что производство истины одновременно представляет собой производство и воспроизводство Других, которые должны «сделаться невидимыми» для достижения единства, непротиворечивости доктрины. Иными словами, установление нормы-истины идет через определение того, чем она не является, то есть через Другого.⁹

Таким образом, «истина» включена в производство иерархий; дискурс оказывается самым непосредственным образом связанным с проблемой власти, которая, по мысли М. Фуко, осуществляется в том числе через конструкцию дискурсов. Дискурс поэтому – это и то, ради чего сражаются, и то, чем сражаются. Кроме того, дискурс определяет, кто и от имени кого будет говорить и действовать, поэтому его часто характеризуют как систему репрезентаций.¹⁰ В свою очередь, те, кто находится у власти, имеют больше шансов быть услышанными, а их истина – быть принятой.¹¹ В связи с этим необходимо различать доминантные и подчиненные дискурсы,¹² которые вовлечены в постоянную борьбу за достижение права определить собственный взгляд на мир как единственно

⁵ Йоргенсен М.В., Филипс Л.Д. Дискурс-анализ: Теория и метод. Харьков, 2004. С. 31.

⁶ Cohn C. Op. cit. P. 238; Hall S. The West and the Rest: Discourse and Power // S. Hall, B. Gieben (Eds.) Formations of Modernity. Cambridge, 1992. P. 329.

⁷ Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 79. «Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем» (Там же).

⁸ Hall S. The West and the Rest. P. 291.

⁹ Steans J. Gender and International Relations: An Introduction. New Brunswick, 1998. P. 25–26.

¹⁰ Hall S. The West and the Rest. P. 280.

¹¹ Steans J. Op. cit. P. 25.

¹² Tickner J.A. Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era. New York, 2001. P. 144.

возможный.¹³ Наконец, следует принимать во внимание, что дискурс также производит публику или аудиторию для этих актеров.

Гендерный дискурс представляет собой способ символической организации мира в бинарных оппозициях, стороны которых ассоциируются с мужским или женским полом.¹⁴ Поле гендерного дискурса формируется суждениями об идеалах мужественности и женственности, об отношениях между полами, о положении женщины, о нормах сексуального поведения, о семейных устоях. В таком контексте гендер следует интерпретировать в качестве дискурсивного средства, при помощи которого те или иные различия между мужчинами и женщинами начинают выглядеть как естественные и единственно возможные.¹⁵ Сущность дискурсивного анализа гендера, таким образом, может быть обозначена как проблематизация эссенциалистского понимания пола.

Появление гендерных исследований и самого термина «гендер» позволило внести ряд принципиальных положений в теорию пола, наиболее важные из которых, на мой взгляд, можно определить как *референтность* пола, *контекстуальность* пола, *гетерогенность* пола, *потестарность* пола (его роль в отношениях власти/подчинения).

Гендерная теория постулирует **референтный** характер мужественности и женственности. Рассматривая вопрос об онтологическом статусе пола (является он вещью, свойством или отношением), отметим, что категория «пол» имеет не один план: уместно говорить о его *реалистической*, *атрибутивной* и *реляционной* интерпретациях. Во-первых, словом «пол» обозначают группу людей (то есть *вещь* или совокупность вещей) – потому принято употреблять выражения «сильный пол», «прекрасный пол» и говорить в связи с этим, что, например, «люди делятся на два пола». Во-вторых, пол – это *свойство*, признак. Подобно тому как возраст делит человечество на поколения, а вероисповедание – на конфессии, признак пола делит людей на мужчин и женщин. Характерной особенностью этого признака является то, что им не только обладают, но и *демонстрируют* такое обладание, что было отмечено, скажем, в ра-

¹³ Йоргенсен М.В., Филипс Л.Д. Указ. соч. С. 22.

¹⁴ Cohn C. Op. cit. P. 230.

¹⁵ Steans J. Op. cit. P. 14.

боте И. Гофмана, посвященной «гендерному дисплею».¹⁶ Уже такое понимание пола – как обретающего значимость лишь в определенном контексте, в процессе взаимодействия – заставляет обратить внимание на роль *взаимоотношения* полов. Таким образом, в-третьих, гендер может быть проинтерпретирован и как *отношение*, как некий порядок вещей – в отличие от биологического пола. Дихотомизация и различие составляют сущность понятия гендера.¹⁷ Поэтому мужественность и женственность не просто противоположны – они обуславливают друг друга.¹⁸ По оценке Дж. Скотт, гендерный анализ исходит из того, «что информация о женщинах есть обязательно информация о мужчинах, что одно требует изучения другого».¹⁹ Положение о референтности пола предполагает учитывать также взаимообусловленность исторической динамики маскулинности и фемининности. Так, английский джентльмен как идеальный тип может существовать только одновременно с идеалом леди. С изменением идеала женщины меняется идеал мужчины, и наоборот.

Еще один постулат, позволяющий говорить об эвристическом потенциале понятия гендера, связан с учетом **контекстуальности** пола; в свою очередь, в данной характеристике следует различать ряд аспектов.

Первый аспект требует принимать во внимание все многообразие смыслов, заключенных в концептах маскулинности и фемининности; в зависимости от контекста эти смыслы актуализируются по-разному. Как заметила Дж. Скотт,

мужчина и женщина – одновременно пустые и переполненные категории. Пустые, потому что они не имеют окончательного, трансцендентного значения. Переполненные, потому что если даже кажутся фиксированными, они все же содержат внутри себя альтернативные, отрицаемые или подавляемые дефиниции.²⁰

Очевидно, в различных дискурсах меняется как оценочная, так и содержательная сторона гендерных концептов.²¹ Подобная пластич-

¹⁶ Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. С. 306–335.

¹⁷ Connell R.W. Gender. P. 9.

¹⁸ Bourdieu P. Masculine Domination. Stanford, 2001. P. 53.

¹⁹ Скотт Д. Указ. соч. С. 409.

²⁰ Там же. С. 430.

²¹ Образ женского начала (как и образ Другого вообще) по своей сущности амбивалентен, что было проанализировано еще в труде С. де Бовуар «Второй

ность, заключенная в концептах мужественности и женственности, возможность самых различных интерпретаций обусловлена не в последнюю очередь постоянной борьбой за право их трактовать.

Второй аспект контекстуальности может быть проиллюстрирован словами Р. Коннелла: «Быть мужчиной или женщиной – это не фиксированное застывшее состояние, но, скорее, становление».²² Особое значение для данного тезиса имеет исследование перформативной природы гендера, проведенного Дж. Батлер.²³

Третий аспект связан с учетом исторического контекста. Маскулинность и фемининность – это исторические феномены; гендерные концепты в их современном варианте появились лишь в эпоху Модерности, то есть не ранее второй половины XVIII в.²⁴ Вместе с тем не следует абсолютизировать элемент изменчивости в гендерных ожиданиях и нормах; наряду с переменными чертами, очевиден элемент стабильности, который связан, прежде всего, с различием функций полов в процессе воспроизводства человеческого рода. Тело, действительно, является не только природным, но и культурным феноменом и связано с функционированием власти/подчинения.²⁵ Однако это не означает, что оно представляет собой чистый лист; объективная материальность тела ограничивает изменчивость гендерных норм.²⁶

Следующая характеристика пола, имеющая методологическое значение для гендерных исследований, – это его **гетерогенность**. Гендер – это всё множество отношений, вытекающих из деления человечества на две группы; отношения между мужчинами, связанные с их принадлежностью к этой группе, также являются гендерными – равно как и отношения внутри класса женщин.²⁷ В связи с этим большое значение имеет тезис о

пол» (Об идее двойственности женского начала, «идеала Мадонны» и «идеала содомского», в русской философской культуре см.: Рябов О.В. Русская философия женственности XI – XX века. Иваново, 1999). Иное, «чужой» – это начало и дьявольское, и Божественное, это всегда и страх, и надежда – надежда на чудо, на спасение.

²² Connell R.W. Gender. P. 4.

²³ Butler J. Gender Trouble. London, 1990.

²⁴ Напр.: Connell R.W. Masculinities. Berkeley, 1995. P. 68; Mosse G.L. The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity. New York, 1996. P. 5.

²⁵ Steans J. Op. cit. P. 27.

²⁶ Connell R.W. The Men and the Boys. Berkeley, 2000. P. 62.

²⁷ Connell R.W. Gender. P. 54.

множественной маскулинности (*multiple masculinities*), выдвинутый Р. Коннеллом. Маскулинность не есть нечто однородное и единое, в гендерном дискурсе идет борьба ее различных типов; эти различия определяются классом, расой, этничностью, сексуальной ориентацией, политическими пристрастиями и другими факторами.²⁸ Маскулинность, следовательно, может быть интерпретирована как поле конкурирующих дискурсов. Идея дискретного характера маскулинности позволила Р. Коннеллу сформулировать положение об иерархии маскулинностей – гегемонной (*hegemonic*), с одной стороны, и подчиненных и маргинализируемых маскулинностях, с другой. Понятие гегемонной маскулинности, которое появилось в работе австралийского исследователя в 1983 г., основывалось на интерпретации гегемонии А. Грамши; в его работах 30-х гг. XX в. этим понятием обозначено культурное доминирование.²⁹ Успешное функционирование гегемонной маскулинности зависит от способности предложить объяснение той или иной ситуации, установить набор терминов, в которых происходит осмысление событий и обсуждение проблем, формулировать идеалы и определять мораль.³⁰ Гегемонная маскулинность, таким образом, – это маскулинность, которая занимает господствующую позицию в определении того, что именно считать нормой гендерных отношений.³¹ Этот вид доминирования не исключает открытого насилия, но осуществляется, прежде всего, через образование,

²⁸ Например, в гендерном дискурсе британского колониализма храбрость – это характеристика не просто мужчины, но *белого* мужчины; трусость же ассоциируется не только с женщинами, но и с цветными *мужчинами* (Blom I. *Gender and Nation in International Comparison* // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) *Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century*. Oxford; New York, 2000. P. 10). Еще раз обратим внимание и на отмеченную выше референтность пола: гегемонная маскулинность конструируется через противопоставление женственности, а также подчиненным маскулинностям (Connell R.W. *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Cambridge, 1987. P. 186; см. также: Hooper C. *Masculinist Practices and Gender Politics: The Operation of Multiple Masculinities in International Relations* // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) *The «Man» Question in International Relations*. Boulder, 1998. P. 34).

²⁹ Tosh J. *Hegemonic Masculinity and the History of Gender* // S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh (Eds.) *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History*. Manchester; New York, 2004. P. 43.

³⁰ Connell R.W. *Gender and Power*. P. 107.

³¹ Connell R.W. *Masculinities*. P. 76.

религию, масс-медиа и другие средства культуры.³² Наиболее заметные носители гегемонной маскулинности далеко не всегда являются наиболее могущественными людьми; в роли своеобразной иконы, легитимирующей данную иерархию, могут выступать, например, звезды спорта, а также киноактеры или их герои.³³

Отмеченная господствующая позиция – предмет острой конкуренции,³⁴ и в истории различимы несколько основных типов гегемонной маскулинности: древнегреческая модель гражданина-воина; иудейско-христианская модель патриарха; средневековая модель рыцаря; буржуазно-рационалистская модель.³⁵ Наконец, претендентом на роль гегемонной маскулинности в последние годы становится маскулинность транснационального бизнеса.³⁶

Схожие черты обнаруживает и женственность, также представляющая собой поле конкурирующих дискурсов, определяемых различными социальными идентификаторами. Самый очевидный и наглядный способ соревнования идеалов – конкурсы красоты, разумеется, не исчерпывает проблемы, однако весьма показателен. Красота может быть интерпретирована в качестве социального конструкта; установление же канона красоты одновременно является продуцированием иерархий – как типов женственности, так и ассоциируемых с ней социальных групп, культур и цивилизаций.³⁷ Особый интерес представляет соревнование фемининностей на глобальной арене, о чем подробнее речь пойдет в дальнейшем.

При этом следует учитывать, что в целом роль женщины в производстве гендерных дискурсов ограничена. П. Бурдье охарактеризовал женское бытие как «бытие воспринимаемых»; женщины существуют, прежде всего, через взгляд других и для взгляда других. По оценке исследователя, маскулинистское доминирование производит женщин как

³² Connell R.W. *Gender and Power*. P. 184–185.

³³ Connell R.W. *Masculinities*. P. 77.

³⁴ Там же. P. 76.

³⁵ Hooper C. *Masculinist Practices and Gender Politics*. P. 33.

³⁶ Connell R.W. *The Men and the Boys*. Berkeley, 2000. P. 63; см. также: Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера» в современной России // *Личность. Культура. Общество*. Т. VIII. Вып. 4 (32). 2006.

³⁷ Анализ конкурсов красоты см.: Banet-Weiser S. *The Most Beautiful Girl in the World: Beauty Pageants and National Identity*. Berkeley, 1999.

символические объекты, что сохраняет их в состоянии постоянной символической зависимости.³⁸

В работах Р. Коннелла, наряду с понятием гегемонной маскулинности, используется термин «акцентированная женственность» (Emphasized Femininity),³⁹ призванный показать гетерогенность фемининности. «Акцентированная женственность», возглавляющая иерархию фемининностей в гендерном порядке патриархатного общества, ориентирована на соответствие интересам и желаниям мужчин – представителей гегемонной маскулинности. Она призвана укреплять глобальную субординацию женщин, в то время как другие фемининности организованы – в большей или меньшей степени – вокруг сопротивления подобному режиму. Этот термин также показывает отсутствие фемининности, которую можно было бы обозначить как гегемонную;⁴⁰ все разновидности фемининности являются подчиненными.⁴¹

Данное обстоятельство обусловлено той характеристикой пола, на которую, очевидно, обращается наибольшее внимание в гендерных исследованиях, а именно его **потестарностью**, то есть ролью в отношениях власти/подчинения. Одно из ключевых положений гендерных исследований – это идея несправедливости существующего гендерного порядка (чаще всего он обозначается термином «патриархат»),⁴² при котором мужчины находятся в привилегированном положении по сравнению с женщинами. Гендер есть первичное средство означивания отношений власти – так сформулирована эта мысль у Дж. Скотт.⁴³ Р. Коннелл вводит понятие патриархатного дивиденда – преимущества, извлекаемого мужчинами как группой из несправедливого гендерного порядка.⁴⁴ Поскольку иерархическими являются и отношения *внутри* полов, постольку гендерный анализ должен принимать во внимание, что, во-первых, не все

³⁸ Bourdieu P. Masculine Domination. P. 63, 66. Женственность же, по мнению исследователя, зачастую является не чем иным, как формой индальгенции, выдаваемой в соответствии с реальными или предполагаемыми мужскими ожиданиями (Там же. P. 66).

³⁹ Connell R.W. Gender and Power. P. 183.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Hooper C. Masculinist Practices and Gender Politics. P. 35.

⁴² О дискуссиях вокруг термина «патриархат» см.: Tosh J. Op. cit. P. 44–46.

⁴³ Скотт Д. Указ. соч. С. 422.

⁴⁴ Connell R.W. Gender. P. 142.

мужчины в равной степени получают выгоду от неравенств гендерного порядка; во-вторых же, в получении патриархатного дивиденда принимают участие и некоторые группы женщин.⁴⁵

Таким образом, гендер как система отношений между полами и внутри полов – это важнейшая часть социального порядка. Вместе с тем гендерный дискурс принимает участие в создании картины мира в целом и организации социальных отношений между другими социальными группами (нациями, классами, культурами), а также между человечеством и природой. Переплетаясь с другими видами дискурса, он испытывает их влияние и, в свою очередь, определяет их.⁴⁶ Что позволяет рассматривать гендер за пределами собственно отношений полов?

Самой общей причиной является способность гендерного дискурса выполнять функции маркера, механизма включения/исключения, конструирующего символические границы между сообществами. Н. Ювал-Дэвис одной из первых обратилась к анализу роли гендерного дискурса в построении социальных границ. Исследуя национальные сообщества, она предложила интерпретировать гендерные символы в качестве «пограничников», которые, наряду с другими маркерами, идентифицируют индивидов в качестве членов или же не-членов определенного сообщества.⁴⁷ К работам этой исследовательницы мы еще вернемся; пока же отметим, что она опиралась на книгу Дж. Армстронга,⁴⁸ который впервые применил для анализа национальных сообществ идеи Ф. Барта.⁴⁹ Положения норвежского антрополога о роли границ в обеспечении культурной специфики и коллективной идентичности представляют для нашего исследования особый интерес. Ф. Барт показал, что сами содержательные компоненты культуры в значительной степени определяются необходимостью границы между сообществами. Первична сама граница, а не удерживаемое ею культурное содержание. Социальные границы создаются при помощи этнических маркеров, или диакритиков, – элементов культуры, отбираемых (иногда достаточно произвольно) самими членами

⁴⁵ Там же. P. 6, 142.

⁴⁶ Cohn C. Op. cit. P. 228.

⁴⁷ Yuval-Davis N. Gender and Nation. London, 1997. P. 23.

⁴⁸ Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.

⁴⁹ Barth F. Introduction // F. Barth (Ed.) Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference. London; Bergen, 1969.

группы для подчеркивания своих отличий от окружающих (например, одежда, язык, стиль жизни).⁵⁰

Реляционная парадигма идентичности, на которую рассмотренные идеи Ф. Барта оказали большое влияние, постулирует понимание коллективной идентичности как, в первую очередь, отношения между Своими и Чужими.⁵¹ Таким образом, репрезентации Своих и Чужих обуславливают друг друга; конструкция инаковости одновременно представляет собой нормативный образец идентичности.⁵²

Я исхожу из того, что коллективная идентичность существует как процесс конкуренции различных дискурсов, соревнующихся между собой за определение «наших» и «не-наших» и, соответственно, за определение нормы и девиации. Различные дискурсы утверждают символические границы между Своими и Чужими на собственный манер, определяя при этом «более Своих» и «менее Своих» (или «внутренних Чужих»). Та же русскость представляет собой поле конкурирующих дискурсов, и мы можем наблюдать множество самых различных, порой взаимоисключающих, интерпретаций на тему, что такое Россия и что означает «быть русским». Процесс создания, поддержания и корректировки социального порядка, следовательно, предполагает продуцирование иерархий и асимметрий внутри социума: одни модели поведения признаются эталонными, другие же подвергаются маргинализации или вовсе выносятся за границы Своего. Такой эталон будет обуславливаться различными нормами; важное место среди них занимают нормы гендерные.

Гендерные идентификаторы не только помогают определить Своих и Чужих, но и вырабатывают систему оценок и предпочтений. Гендерный порядок Своих, как правило, репрезентируется в качестве нормы, в то время как гендерный порядок Чужих – в качестве девиации (Свои мужчины – самые мужественные, Свои женщины – самые женственные и т. д.). То есть при помощи гендерного дискурса утверждаются и подтверждаются отношения неравенства и контроля; он, следовательно, может

⁵⁰ Там же. P. 14.

⁵¹ Jenkins R. Social Identity. London; New York, 1996.

⁵² Sharp J.P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American Identity. Minneapolis, 2000. P. 29.

быть рассмотрен – воспользуемся терминологией П. Бурдьё – в качестве формы «символического насилия».⁵³

В гендерном дискурсе функцию маркеров могут выполнять символы, образы, метафоры. Дж. Скотт, анализируя роль гендерного дискурса в историческом нарративе, отмечает: «Критика Французской Революции Эдмунда Берка основана на контрасте между безобразными, кровожадными ведьмами-санкюлотами ('фурии ада в захваченных телах отвратительных женщин') и мягкой женственностью Марии Антуанетты...».⁵⁴

Особый интерес для нашего исследования представляет такой механизм производства границ и иерархий, как гендерная метафоризация. Широкое использование гендерных метафор становится возможным благодаря целому ряду характеристик процесса мышления. Прежде всего, это сам способ концептуализации реальности при помощи бинарных оппозиций как наиболее привычный и «экономный» способ организации картины мира, берущий начало в противопоставлении Своих и Чужих.

Далее, картина мира всегда «очеловечена»; наделение вещей и отношений гендерными характеристиками, соотнесение их с мужским или женским началом является частным случаем ее антропоморфизации.

Наконец, метафора, как отметили Р. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой механизм, используемый человеком для того, чтобы упростить мир, приблизить его к собственному жизненному опыту.⁵⁵

Таковы условия гендерной маркировки социальных и природных феноменов. Но какие же именно вещи, свойства и отношения соотнесены с мужским, а какие – с женским началом? И каковы последствия подобной метафоризации для гендерного порядка в обществе? Одним из принципиальных положений гендерных исследований стал тезис о том, что в культурно-символической составляющей пола содержатся ценно-

⁵³ Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action. Stanford, 1998. P. 103. Символическое насилие рассматривается в качестве вида «символической борьбы», целью которой является символический капитал и символическая власть как «*власть творить мир при помощи слов*» (Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 204).

⁵⁴ Скотт Д. Указ. соч. С. 426.

⁵⁵ См.: Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations: Notes on Gender and Nationhood // *Kvinner, køn og forskning*. 2002. No 2. P. 52–65, [http://folk.uio.no/geirthe/Sexual life.html](http://folk.uio.no/geirthe/Sexual%20life.html) (последнее посещение в декабре 2006 г.).

стные ориентации и установки. Природа и культура, эмоциональное и рациональное, духовное и телесное – данные феномены отождествляются с мужским или женским таким образом, что внутри этих пар создается своеобразная иерархия – «гендерная асимметрия», которая позволяет ставить вопрос об андроцентризме культуры. Определяемое как мужское помещается в центр и рассматривается в качестве позитивного и доминирующего; определяемое как женское – в качестве негативного и периферийного. В результате «символическая женщина конструируется как отклонение от нормы».⁵⁶ Иерархия мужественности и женственности как ценностей оказывает влияние на иерархию социальных субъектов (и отдельных индивидов, и, например, культур), маркировка которых как женственных или как мужественных влечет за собой атрибутирование им соответствующих качеств и – что принципиально – соответствующего места в социальной иерархии. Поскольку гендерная метафоризация принимает участие в формировании социальных иерархий, постольку, на мой взгляд, допустимо выделять такую функцию гендерной метафоризации, как установление и поддержание властных отношений – наряду, скажем, с когнитивной или художественной функциями.

Властная функция гендерной метафоры проявляет себя в различных типах дискурса, например, в дискурсе социальном, поддерживающем и корректирующем иерархию социальных слоев и классов. Это показывает, в частности, гендерный анализ скульптурной композиции В. Мухиной «Рабочий и колхозница» (1937). Сама по себе акцентированная маскулинность не только рабочего, но и колхозницы несет вполне определенную информацию о той стороне советского мироощущения, которую Н. Бердяев назвал «социальным титанизмом».⁵⁷ Вместе с тем мужчина – именно рабочий, а женщина – колхозница, а не наоборот. Это связано, во-первых, с гендерной асимметрией отношений господства и подчинения: мужская фигура символизирует гегемона-пролетария, в то время как женская – колхозное крестьянство, функция которого в движении к светлому будущему была определена как значительно более

⁵⁶ Spike Peterson V., True J. «New Times» and New Conversations // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) Op. cit. P. 16.

⁵⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 123.

скромная.⁵⁸ Во-вторых, эта композиция отражает и закрепляет представления о «природности» фемининного, противостоящего мужскому началу культуры. Традиционный же ассоциативный ряд качеств природы – стихия, материя, бессознательное, интуиция, а также необходимость просветления, оформления, руководства, контроля.⁵⁹

Трактовка фемининного в качестве девиантного, нуждающегося в контроле, определяет основную – хотя и не единственную – форму гендерной метафоризации: маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих.

Отметим еще одно принципиальное для уточнения методологии положение. Как подчеркивает К. Кон, гендерная метафоризация работает и в «обратную сторону» (*in reverse*); проявление таких качеств, как, например, способность абстрактно мыслить, умение быть беспристрастным, привычка апеллировать к разуму, а не к чувствам, служит одновременно демонстрацией маскулинности – что означает «быть в привилегированной позиции в дискурсе».⁶⁰ Иными словами, атрибутирование какой-либо культуре, скажем, «загадочности», «хаотичности», «иррациональности» представляет собой ее гендерную характеристику, причем вполне определенную. В свою очередь, феминизация, к примеру, Востока в равной мере является ориентализацией женственного и женщины – со всеми вытекающими для ее статуса последствиями.

Стремление поддержать или изменить гендерный порядок, таким образом, выступает одной из причин переплетения гендерного дискурса с иными дискурсами.

Другой причиной столь активного участия гендерного дискурса в идентификационных стратегиях является то, что в самой оппозиции

⁵⁸ Waters E. *The Female Forms in Soviet Political Iconography* // B.E. Clements, B.A. Engel, C.D. Worobec (Eds.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991. P. 240–241; см. также: Bonnell V.E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art* // *Russian Review*. 1991. Vol. 50. No 3. P. 288.

⁵⁹ Об отражении гендерной асимметрии двух классов советского общества в других формах визуальных репрезентаций см.: Bonnell V.E. *The Representation of Women in Early Soviet Political Art*; Она же. *The Peasant Women in Stalinist Political Art of the 1930s* // *The American Historical Review*. 1993. Vol. 99. No 1; Hobsbaum E. *Man and Woman in Socialist Iconography* // *History Workshop*. Oxford, 1978. No 6. P. 126–127; Goscilo H., Lanoux A. *Introduction: Lost in the Myths* // H. Goscilo, A. Lanoux (Eds.) *Gender and National Identity in Twentieth-century Russian Culture*. DeKalb, 2006.

⁶⁰ Cohn C. *Op. cit.* P. 229.

«мужское – женское» заключена возможность использовать его и для четкой маркировки границы между Своими и Чужими, и для продуцирования отношений неравенства и контроля.

Наконец, еще одна причина – постулируемая «естественность» эталонов мужественности и женственности: эссенциализация, которая содержится в гендерных концептах, переносится, например, на обоснование сущностного и потому неустранимого характера противоречий между враждующими социальными субъектами. Особый эмоциональный заряд использования гендерного дискурса обусловлен тем, что отношения между полами воспринимаются обыденным сознанием как едва ли не наиболее очевидный, понятный и безусловный, а потому легитимный и не подлежащий рефлексии пласт человеческой культуры.⁶¹

I. 2. Национализм

Национализм – это опиум народа.
У. Озкirimли⁶²

Национализм – это любовь.
М. Афлак⁶³

Нация – другой феномен, который претендует на то, чтобы выглядеть максимально естественным и безупречно легитимным. Национализм является одной из наиболее изучаемых в наши дни проблем; тем не менее едва ли не единственное, в чем сходятся современные исследователи, – это невозможность выработать в настоящее время общую теорию национализма. Поэтому, по оценке К. Калхуна, «общее у разных типов национализма только одно – дискурс национализма».⁶⁴ Другими словами, то, что объединяет различные национализмы, есть риторика национальности.⁶⁵ Рассмотрим основные элементы национализма как дискурсив-

⁶¹ Blom I. Op. cit. P. 6.

⁶² Ozkirimli U. Theories of Nationalism: A Critical Introduction. New York, 2000. P. 60.

⁶³ См.: Smith A.D. Nationalism: Theory, Ideology, History. Cambridge; Malden, 2001. P. 1.

⁶⁴ Calhoun C. Nationalism. Minneapolis, 1998. P. 22.

⁶⁵ Ozkirimli U. Op. cit. P. 10–11.

ной формации⁶⁶ – той «вселенной значений, в которой нации стали возможными».⁶⁷

Национализм – это классифицирующий дискурс, в котором нация понимается в качестве базового оператора всеохватывающей системы социальной классификации.⁶⁸ Подобно тому как, скажем, расизм утверждает приоритетность деления человечества на расы, а марксизм – на классы, национализм призывает рассматривать деление человечества на нации в качестве основного.⁶⁹ Этот призыв, следует признать, находит отклик: хорошо известны слова Б. Андерсона о том, что человек не станет жертвовать жизнью во имя лейбористской партии или медицинского сообщества, к которым он принадлежит наряду с нацией, но за нацию он готов умирать.⁷⁰ Чтобы выразить особую значимость национализма, академический дискурс избирает различные метафоры. Доктриной о сущности бытия называет его Б. Капферер.⁷¹ Другая известная характеристика национализма – «светская религия» – появляется в работах Э. Дюркгейма о Французской революции;⁷² в дальнейшем выражение «**политическая религия**» получило широкое распространение.⁷³

⁶⁶ В качестве дискурсивной формации национализм предложено рассматривать в трудах К. Калхуна (Calhoun C. Nationalism. Minneapolis, 1998. P. 3, 123) и М. Биллига (см.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 56); в российской науке такой подход отстаивается в работах А. Миллера (Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4).

⁶⁷ Suny R.G., Kennedy M.D. Toward a Theory of National Intellectual Practice // R.G. Suny, M.D. Kennedy (Eds.) Intellectuals and the Articulation of the Nation. Ann Arbor, 1999. P. 3.

⁶⁸ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 297.

⁶⁹ Smith A.D. National Identity. Reno, 1991. P. 74.

⁷⁰ Anderson B. Op. cit. P. 132.

⁷¹ См.: Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives. London; East Haven, 1993. P. 107.

⁷² См.: Manzo K.A. Creating Boundaries: The Politics of Race and Nation. Boulder, 1996. P. 7, 15.

⁷³ Ozkirimli U. Op. cit. P. 33–34. Наиболее подробно данная проблема исследована в книге К. Хайеса (Hayes C.J.H. Nationalism: A Religion. New York, 1960). Политической религией называют национализм многие современные авторы. У. Озкirimли предлагает именно национализм, а отнюдь не религию считать «опиумом народа» наших дней (Ozkirimli U. Op. cit. P. 60); Э. Смит отмечает такие черты этого феномена, как мессианизм и идею избранного народа (Smith A.D. Nationalism. P. 24, 35, 133). Анализ параллелей между Священным Писанием и дискурсом национализма см.: Manzo K.A. Op. cit.

Подобно религии, национализм обещает **бессмертие**. Б. Андерсон, анализируя на примере феномена могилы Неизвестного солдата роль идеи коллективного (и индивидуального) бессмертия в национальном дискурсе, подчеркивает компенсаторные функции национализма.⁷⁴ Проецируя собственную судьбу на коллективное воображаемое будущее, человек удовлетворяет психологическую потребность в принадлежности к чему-то более прочному и устойчивому, чем он сам. Нация «переживается страстно, как некое весьма реальное и конкретное сообщество, в котором мы можем найти определенную гарантию нашей идентичности и даже – через наших потомков – нашего бессмертия».⁷⁵ Идентификация с нацией помогает преодолеть чувство страха, вызванного конечностью индивидуального бытия и перспективой забвения. Однако национализм не только устремлен в будущее; не менее значимую роль в нем играет обращенность в прошлое, точнее, к вечности, к мифологическому времени. В таксономии мифов нации особое значение имеет миф о Золотом веке.⁷⁶ То обстоятельство, что нации стремятся представить себя настолько древними, насколько это возможно, отмечают приверженцы различных исследовательских парадигм.⁷⁷

Роль прошлого (или, точнее, «полезного прошлого», по выражению Э. Смита) в национализме значительна. «Прошлое и есть то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые ‘производят’ это прошлое».⁷⁸ Нация, как заметил Х. Баба, это нарратив, который рассказываете себе и другим.⁷⁹

В связи с этим необходимо уточнить собственную позицию по проблеме «изобретенности традиций», имеющей методологическое значение для исследования. Наиболее убедительной мне представляется точка зрения Э. Смита, который, с одной стороны, соглашается с тем, что каждое новое поколение дает новые формулировки национальной иден-

⁷⁴ Anderson B. Op. cit. P. 18.

⁷⁵ Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 261.

⁷⁶ Smith A.D. The «Golden Age».

⁷⁷ См.: Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. P. 101.

⁷⁸ Хобсбаум Э.Д. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. С. 332.

⁷⁹ См.: McCrone D. The Sociology of Nationalism: Tomorrow's Ancestors. London; New York, 1988. P. 51.

тичности.⁸⁰ С другой стороны, по мнению британского исследователя, существующая преемственность и предыдущие интерпретации ограничивают возможности коренного изменения,⁸¹ отбор и переработка традиций происходят в строгих рамках, определяемых культурой – или культурами – данного народа: его языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями и т. д.⁸² Помимо этого, необходимо учитывать, что «процесс отбора традиций сообщества и их интерпретаций нельзя просто свести к интересам и нуждам конкретных элит и нынешних поколений»;⁸³ по его выражению, этническая символическая коммуникация – это коммуникация между мертвыми и живыми.⁸⁴

Соглашаясь со многими своими оппонентами в том, что нация возникает в эпоху Модерности, Э. Смит в то же время пишет:

Выступая против социального конструктивизма и изобретения как надежных объяснительных категорий, я не собираюсь отрицать множественные попытки 'конструирования' и 'изобретения'. Моя мысль состоит лишь в том, что для того, чтобы увенчаться успехом, такие попытки должны основываться на важных социальных и культурных связях, существовавших ранее.⁸⁵

Таким образом, дискурс национализма позволяет индивиду ощутить себя частью бесконечной цепи поколений. Без представлений об общности происхождения мифология бессмертия и Золотого века в значительной мере утрачивает свою эффективность. Идея **родства** – важнейший элемент национального дискурса. Вновь процитируем Э. Смита:

Это чувство расширенного родства, родни и друзей, связанное с определенной 'родиной', лежит в основе национальных идентичностей и сплоченности многих современных наций и наделяет их представителей живым чувством родственной связанности и давней преемственности.⁸⁶

Идея родства, включающая восприятие нации в виде семьи, может эксплицироваться через образы родства как кровного, так и духовного,

⁸⁰ Смит Э. Указ. соч. С. 90.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 242. Иногда для обозначения этих аспектов культуры этносимволисты (к числу которых принадлежит Э. Смит) используют термин «мифосимволический комплекс» (напр.: Armstrong J. Op. cit.).

⁸³ Смит Э. С. 91.

⁸⁴ Там же. С. 331–332.

⁸⁵ Там же. С. 243.

⁸⁶ Там же. С. 96–97; см. также: Smith A.D. National Identity. P. 22.

культурного. Органицистские теории рассматривают нацию как единый организм, обладающий телом и душой. Национальная душа (или дух) в более «респектабельных» теориях часто получает название национального характера. Однако, заметим, даже идея национального характера делает связь индивида с определенным национальным сообществом значительно более устойчивой и значимой, чем, скажем, гражданство или членство в политической партии. Тенденция персонификации нации, по оценке К. Вердери, получила выражение уже у И. Гердера. Нации воспринимаются как индивиды, действующие лица истории, обладающие собственным характером или душой, миссией, волей. У них есть источник (место рождения) и родословная (обычно по отцовской линии), а также жизненные циклы, включающие рождение, расцвет и увядание, смерть. В качестве своего материального референта они имеют территории, ограниченные, подобные человеческому телу.⁸⁷ К. Калхун обратил внимание на связь национализма с идеологией индивидуализма и идеей личности.⁸⁸ Нации обычно понимаются как индивиды и в буквальном смысле, будучи не-делимыми, и в метафорическом, как единичные существа, которые обладают неуничтожимой идентичностью и движутся по истории, подобно тому как обычные люди движутся по их индивидуальной судьбе.⁸⁹ Заметим, что подобное восприятие национального сообщества в качестве личности создает условия для широкого распространения аллегорий нации (включая и «Россию-Матушку»).

Идея родства, общности происхождения, связана с еще одним традиционным для дискуссий о природе национализма вопросом – о соотношении политического и этнического как в нации, так и в национализме. Для нашего исследования вопрос о том, обладает ли *нация* этническими корнями – «пупком», по выражению Э. Геллнера, не является принципиальным. Гораздо важнее, как этничность и родство репрезентируются в *национализме*. В этой связи представляется продуктивным принимать во внимание различия между двумя уровнями национализма – идеологическим и дискурсивным. Действительно, деление идеологии национализма на два типа (гражданский и этнический) известно хорошо

⁸⁷ Вердери К. Указ. соч. С. 300.

⁸⁸ Calhoun С. Op. cit. P. 45.

⁸⁹ Там же. P. 44.

и с определенными оговорками может быть принято. Однако больший интерес представляет то, что, как считает Э. Смит, даже политический, гражданский национализм репрезентирует себя как этнический.⁹⁰ По оценке Т. Эриксона, национальное государство получает важную часть своей политической легитимности, убеждая граждан в том, что те представляют собой некую однородную культурную общность.⁹¹ Даже те исследователи, которые полагают, что нация не имеет этнической основы (например, Э. Балибар и И. Валлерстайн), соглашаются, что она репрезентируется так, как если бы представляла собой естественное сообщество.⁹² К. Калхун в связи с этим обращается к примеру американского национализма, который считается классическим случаем национализма гражданского. Между тем в Америке, отмечает исследователь, наряду с идеями «плавильного котла», воспроизводится этническая по своей сущности идентичность «белого англосаксонского протестанта (WASP)».⁹³ Многие национализмы, более того, обнаруживают сходство с расизмом – если понимать расизм как естественное различие, которое не может быть ни устранено, ни скрыто.⁹⁴

Следует отметить еще одну импликацию из положения о нации как родственной группе – идею **чистоты нации**. По оценке К. Вердери, национализм есть гомогенизирующий дискурс по самой своей сути.⁹⁵ «Представления о чистоте и испорченности, о крови как носителе культуры или, наоборот, скверны являются фундаментальными для проектов национального строительства».⁹⁶

В гражданском национализме эту же функцию гомогенизации выполняет идея **горизонтального товарищества**.⁹⁷ Национализм, в действительности продуцируя иерархическое и гетерогенное сообщество, стремится представить его горизонтальным и однородным.

⁹⁰ Smith A.D. Nationalism. P. 129.

⁹¹ Eriksen T.H. Ethnicity and Nationalism. P. 101.

⁹² См.: Smith A.D. National Identity. P. 96; Он же. Nationalism. P. 100.

⁹³ Calhoun C. Op. cit. P. 57, 49.

⁹⁴ Manzo K.A. Op. cit. P. 19.

⁹⁵ Вердери К. Указ. соч. С. 298.

⁹⁶ Там же. С. 303.

⁹⁷ Anderson B. Op. cit. P. 7.

«**Национализм – это любовь**»⁹⁸ – такими словами сирийского политика М. Афлака проиллюстрируем положение, указывающее на еще один существенный элемент дискурса о нации. Эротизация политического не является прерогативой национализма: тот же Перикл у Фукидида призывает «влюбиться в родной полис». В национализме, однако, национальный Эрос возводится в высшее достоинство, в политическую добродетель.⁹⁹ Э. Смит – один из наиболее горячих приверженцев идеи значимости аффективного компонента в национализме – отмечает особую роль эстетизации нации, которая осуществляется, в первую очередь, благодаря созданию картин родной природы и сакрализации **территории**, «родины».¹⁰⁰

Вместе с тем, разумеется, национализм – это далеко не только любовь. Поскольку конечность, как отметил Б. Андерсон, представляет собой одну из фундаментальных характеристик нации как воображаемого сообщества,¹⁰¹ постольку **граница, отделяющая Своих от Чужих**, – это ключевой элемент нации. Без образа Чужих было бы невозможно объяснить, зачем ту или иную группу людей необходимо выделять в отдельную нацию (почему, скажем, шотландцы – это не англичане, а украинцы – это не русские). Это заставляет исследователей обращать самое пристальное внимание на роль негативной идентичности в национализме, на значимость репрезентаций Чужих. Включение и исключение, иными словами, представляют собой две стороны процесса создания и функционирования нации.

По всей вероятности, первой работой, в которой подробно рассматривался вопрос о роли межнационального дискурса в национализме, стала уже упоминавшаяся книга Дж. Армстронга «Нации до национализма». Отправная точка рассуждений исследователя – этнические

⁹⁸ См.: Smith A.D. Nationalism. P. 31.

⁹⁹ Manzo K.A. Op. cit. P. 42. Патриот – это любовник, а не просто читатель или писатель текстов, отмечает Дж. Ландэ (Landes J.B. Visualizing the Nation: Gender, Representation, and Revolution in Eighteenth-Century France. Ithaca, 2001. P. 141).

¹⁰⁰ Напр.: Smith A.D. Nationalism. P. 31–32. О мифе территории в национальной мифологии см.: Hosking G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // G. Hosking, G. Schöpflin (Eds.) Op. cit. P. 28–29; Smith A.D. National Identity. P. 8–11.

¹⁰¹ Anderson B. Op. cit. P. 19.

исключения, граница между Своими и Чужими; функцию пограничников выполняют национальные символы.¹⁰² Образ Другого, таким образом, становится знаком идентичности.

Принципиально, что дискурс национализма проводит не только внешние границы, но и внутренние. Ф. Барт обратил внимание на то, что диакритики становятся предметом острой конкуренции, связанной с проблемой власти. Борьба ведется как за право проведения границ, так и за выбор самих маркеров. Различные политические группы утверждают ценность одних маркеров и ставят под сомнение значимость других различий.¹⁰³ Борьбу за символы в качестве важнейшего элемента национализма расценивает и К. Вердери. Она предлагает рассматривать национализм как имеющий множество значений, выдвигаемых в качестве альтернатив и оспариваемых различными группами, которые маневрируют, пытаясь застолбить свое право на определение символа и его легитимирующие воздействия.¹⁰⁴

Крайним случаем Чужого является **Враг**. Враг может быть рассмотрен как социальный конструкт;¹⁰⁵ он определяется не только реальными качествами соперничающей стороны, но и его функциями: во-первых, поддержание идентичности социального субъекта за счет четкого отделения Чужих от Своих; во-вторых, обоснование собственного превосходства (военного, нравственного, эстетического), что призвано способствовать победе над Врагом; в-третьих, упрочение внутреннего порядка и проведения символических границ в собственном социуме.¹⁰⁶

Отмеченные функции этого образа обуславливают редукцию и референцию составляющих его черт. Он должен порождать чувство опасности. Эффективно сконструированный образ врага, далее, вызывает убежденность в моральной правоте Своих и неправоте – Чужих. Гнев, отвращение, безжалостность – еще один кластер чувств, который должен вызывать данный образ; это предполагает использование такого

¹⁰² Armstrong J. Op. cit. P. 6.

¹⁰³ Barth F. Op. cit. P. 35.

¹⁰⁴ Вердери К. Указ. соч. С. 299.

¹⁰⁵ Aho J.A. This Thing of Darkness: A Sociology of the Enemy. Seattle, 1994. P. 26.

¹⁰⁶ Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: Гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Под ред. Н.А. Купиной и О.А. Михайловой. Екатеринбург, 2004.

приема, как дегуманизация врага. Наконец, Враг должен быть изображен достаточно слабым и комичным, чтобы Своих не покидала уверенность в том, что их победа неизбежна.¹⁰⁷

Проблема Врага, внешнего и внутреннего, непосредственно связана с другим элементом национализма – **образом войны**. Нация не существует вне военного дискурса. История нации воспринимается в значительной степени в качестве истории ее войн; войны же, во всяком случае, их репрезентации в дискурсе Модерности, – это, в первую очередь, соперничество наций.¹⁰⁸ Исследователи, изучающие национализм, подчеркивают значение войны для создания национальной идентичности – идентичности, которая обеспечивает готовность человека убивать других и жертвовать собой.¹⁰⁹ Поскольку жертва есть высшая ценность в христианстве, постольку принесение собственной жизни на алтарь Отечества становится доказательством и веры в Бога, и любви к соотечественникам.¹¹⁰ Неизвестный солдат символизирует и подобную жертву, и саму идею национального бессмертия. Национальный герой же – это постоянный мотив в нарративе национализма.¹¹¹

Наконец, в исследованиях последних лет признается значимость **повседневного опыта**, микроуровня национализма – того, который воспроизводится ежедневно.¹¹² Наиболее известной работой по этой проблеме является «Обыкновенный национализм» (Banal Nationalism) М. Биллига (1995). Метонимическим образом «обыкновенного национа-

¹⁰⁷ Напр.: Frank J.D. *Sanity and Survival: Psychological Aspects of War and Peace*. New York, 1967. P. 182–185; Keen S. *Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination*. San Francisco, 1986; Rieber R.W., Kelly R.J. *Substance and Shadow: Images of the Enemy* // R.W. Rieber (Ed.) *Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy*. New York, 1991; Harle V. *The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History*. Westport, 2000.

¹⁰⁸ Goldstein J.S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge, 2001.

¹⁰⁹ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 56; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism*. P. 107.

¹¹⁰ Manzo K.A. *Op. cit.* P. 42. Как высшая икона национальной жертвы и страданий, военный мемориал представляет собой современный аналог распятия, пишет исследовательница (Там же).

¹¹¹ Ozkirimli U. *Op. cit.* P. 67–68; см. также: Hedetoft U. *Signs of Nations: Studies in the Political Semiotics of Self and Other in Contemporary European Nationalism*. Aldershot; Brookfield, 1995. Chapter VI.

¹¹² Ozkirimli U. *Op. cit.* P. 194.

лизма» исследователь предлагает считать не тот флаг, который вывешивается осознанно и вызывает бурю эмоций – но тот, который висит на общественном здании незамеченным.¹¹³

I. 3. Национализм и гендер

Любовь к своей стране в сотни раз более пылкая и восторженная, чем к любовнице.
*Ж.Ж. Руссо*¹¹⁴

Отечество... требует от нас любви... такой, какую вложила природа в один пол к другому.
*А.С. Шишков*¹¹⁵

«Национализм с самого своего возникновения конституировался как гендерный дискурс и не может быть понят вне этого»,¹¹⁶ – утверждает Э. Макклиток, и многие исследователи готовы согласиться с этой мыслью. Сейчас библиография проблемы «национализм и гендер» насчитывает тысячи наименований, и ею занимаются сотни исследователей. Отметим, что отношения гендерных исследований и исследований национализма складывались непросто. Тот же Э. Смит, отмечая большой исследовательский потенциал проблемы, высказывает вместе с тем мысль, что авторы лишь немногих работ в данном исследовательском поле интересуются происхождением наций и ролью гендерных отношений в этих процессах; факторами распространения наций и национализма по всему миру; причинами того, почему национализм пробуждает столь сильные страсти у столь многих людей (в том числе и женщин).¹¹⁷ В свою очередь, Н. Ювал-Дэвис в работе 1992 г. посетовала, что большая часть ведущих теорий национализма, включая созданные женщинами, игнорирует гендерные отношения как иррелевантные. Более того

¹¹³ См.: Там же. Р. 200.

¹¹⁴ См.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 20–21.

¹¹⁵ Шишков А.С. Рассуждения о любви к Отечеству. СПб., 1812. С. 25.

¹¹⁶ McClintock A. «No Longer in a Future Heaven»: Nationalism, Gender, and Race // G. Eley, R.G. Suny. (Eds.) Op. cit. P. 261.

¹¹⁷ Смит Э. Указ соч. С. 381–382. Позволю себе на этот раз поставить под сомнение справедливость суждений мэтра – более того, именно гендерные исследования, на мой взгляд, обращают особое внимание на роль страстей в национализме, о которых так много пишет британский автор.

– даже в феминистских текстах в течение длительного времени не придавалось значения этим вопросам, что объясняется исследовательницей тем, что они берут начало в западном социально-гуманитарном знании.¹¹⁸ По мнению У. Озкиримли, который пытается определить место гендерных исследований в массиве теорий национализма, все «классические» теории принадлежали к гегемонному дискурсу; ни одна из них не принимала во внимание опыт маргинальных групп, например женщин или населения колоний. Появление новых парадигм он связывает с развитием *Cultural Studies*; ключевым вопросом анализа наций и национализма сегодня становится вопрос о неодинаковом участии различных социальных групп в националистических проектах.¹¹⁹

Необходимо особо подчеркнуть, что интерес к означенной проблеме для гендерных исследований был и остается вполне органичным.

Во-первых, феминистский анализ национальных сообществ позволил эксплицировать включенность гендерных отношений в систему неравенств и противоречий социальной жизни, пролить дополнительный свет на вопросы о механизмах продуцирования асимметрий, о логике власти, выявить то общее, что создает и каждый день воспроизводит систему неравенств/дифференциаций и – одновременно – идентичностей/солидарностей.

Во-вторых, многие вопросы, являющиеся предметом анализа в гендерных исследованиях, не могут быть поняты адекватно без учета национального фактора. Этническое и национальное (так же, как классовое или расовое) могут быть отнюдь не менее значимыми в жизни каждого человека (в том числе женщины), нежели гендерное.

Среди основных положений, которые стали результатом гендерного анализа нации, в первую очередь следует остановиться на вопросе о самой природе переплетения гендерного и национального дискурсов.

¹¹⁸ Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations // G. Eley, R.G. Suny (Eds.) Op. cit. P. 120–121. С. Уолби в статье, написанной в 1992 г., сочла возможным отметить только три работы, посвященные проблеме гендерного характера наций и национализма; это труды К. Джайявардены (1986), С. Энлоэ (1989), Ф. Антиас и Н. Ювал-Дэвис (1989) (Уолби С. Женщина и нация // Нации и национализм. С. 308).

¹¹⁹ Ozkirimli U. Op. cit. P. 191–193.

Каким же образом гендер способствует рождению и распространению национализма?

Основная теоретическая посылка гендерного анализа национализма – которую я разделяю – заключается в том, что гендерный и национальный дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Отмеченные выше черты дискурса национализма обеспечиваются в том числе и гендерным дискурсом; в свою очередь, гендерный порядок невозможен без дискурса национализма. Процесс репрезентации нации при помощи женских или мужских образов – это отнюдь не случайность или поэтическая вольность; он отражает принципиальные закономерности функционирования как национального, так и гендерного дискурсов. Конституирование именно национального сообщества – очевидно, в большей степени, чем любого иного – предполагает обращение к гендерному дискурсу. В первом параграфе были рассмотрены общие причины включения гендерного дискурса в идентификационные стратегии различных сообществ. Теперь нам предстоит выделить те специфические факторы, которые обуславливают переплетение гендерного дискурса и дискурса национализма. Прежде всего, важной функцией гендерного дискурса в национализме является «очеловечивание» нации, приближение ее к повседневному опыту индивида.¹²⁰

Абстрактный общественный долг приобретает облик поэтически очеловеченной, зовущей на подвиг Родины-матери, государственная служба уподобляется служению 'отцу'-Отечеству, и эти отвлеченные общественные обязанности становятся понятны с простой человеческой точки зрения, применимы к масштабу одной жизни, сопоставимы с размерами личной памяти, с опытом детства и юности, с ценностями частного, индивидуального существования.¹²¹

Кроме того, напомним, что сама идея национального сообщества выражает отношения родства. Аналогия с семьей – это тот элемент дискурсивных практик национализма, который во многом определяет его концепты и символы, его иерархию ценностей. Как уже было отмечено, значимость идеи родства и семейной метафоры для национализма по-

¹²⁰ Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*.

¹²¹ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001, <http://www.rus-lang.com/education/discipline/PR/sl/> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

лучила освещение в академической литературе. В рамках же гендерных исследований акцентировано внимание на том, что тем самым нация представлена в качестве некой формы взаимодействия мужского и женского начал¹²² (потому в репрезентации нации активно используются такие атрибуты мифологии семьи, как картины совместного ведения хозяйства, обеспечения защиты и питания, рождения и воспитания потомства и др.). Концепты территории, государства, подданных облекаются в образы «матери», «сыновей», «братьев» и т. д. Троп семьи играет исключительно важную роль в легитимации нации, в постулировании «натуральности», природности национального сообщества.¹²³ Эссенциализация, которая имплицитно содержится в картине отношений между полами, переносится и на отношение к национальному сообществу: обращение к гендерным метафорам как бы снимает все вопросы при рефлексии по поводу национального чувства или межнациональных отношений.¹²⁴

Очевидно, представления о стране как союзе двух начал, мужского и женского, берут начало в идее иерогамии – священного брака Правителя и Земли. Метафора брака правителя и его мистического тела известна и на Древнем Востоке, и в античном мире, и в средневековье;¹²⁵ проекцией идеи иерогамии на религиозные представления стал, как отмечает К. Юнг, миф о священной свадьбе Жениха Христа и Невесты Церкви.¹²⁶

¹²² McClintock A. «No Longer in a Future Heaven». P. 262; Blom I. Op. cit. P. 8; Wenk S. Gendered Representations of the Nation's Past and Future // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) Op. cit. P. 66.

¹²³ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 54.

¹²⁴ Anderson B. Op. cit. P. 133.

¹²⁵ Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in National Political Theology. Princeton, 1957. P. 212.

¹²⁶ Юнг К.-Г. Душа и миф. Киев, 1996. С. 130. Идея иерогамии остается востребованной в дальнейшем – например, в идеологических конструкциях нацистской Германии. Фюрер как жених Германии, немецкого народа – мысль, которая, появившись в «Майн Кампф», затем активно используется в фашистской пропаганде (Гитлер А. Моя борьба. Б.м., 1992. С. 292; Bluel H.P. Sex and Society in Nazi Germany. Philadelphia; New York, 1973. P. 203). Отзвуки воззрений о священном браке Правителя и Земли обнаруживают себя в представлениях о государстве как воплощении мужского начала и о подданных – как воплощении женского (другой вариант – атрибутирование правящему классу маскулинных черт, а подчиненному – фемининных. (См., напр.: Герцен А.И. Prolegomena // Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 517)).

В качестве модуса этой идеи можно рассматривать представления о родине и отечестве как двух ипостасях нации. Так, согласно исследованиям дискурсивных практик сербского национализма, первая ассоциируется с пассивным, восприимчивым и уязвимым началом, в то время как второе – с началом активным, с правительством, с военными акциями.¹²⁷ Оппозиция «Родина – Отечество» становится предметом рефлексии и на страницах сочинений российских авторов, например Г. Федотова. К текстам этого философа мы еще вернемся; сейчас лишь отметим, что в них «Отечество» (отцовское начало нации) соотнесено скорее с политической и потому публичной составляющей (история, политическая сфера, идеология, рациональное), «Родина» (материнское начало нации) – скорее с этнической и потому приватной («земля», природа, язык, коллективное бессознательное, иррациональное).¹²⁸

Подобная этнизация фемининного обнаруживает себя и в аллегориях нации. По мнению Дж. Моссе, в XIX–XX вв. главным национальным символом был мужчина, ибо именно мужчина воплощал качества, которые в империалистическую эпоху обретают особую ценность: самоконтроль, волю, динамизм, агрессивность. Женские образы были призваны персонифицировать другую сторону национальной жизни – нечто незыблемое, те вечные ценности, которые противостоят «современной порочной цивилизации»; одно из проявлений этого исследователь усматривает в том, что если символизирующие страну мужчины были облачены в современный костюм (например, Джон Буль в Англии), то женщины – символы страны были представлены в античных (например, «Брита-

¹²⁷ Mostov J. Sexing the Nation / Desexing the Body: Politics of National Identity in the Former Yugoslavia // T. Mayer (Ed.) Gender Ironies of Nationalism: Sexing the Nation. London; New York, 2000. P. 91.

¹²⁸ Напр.: «От матери ребенок слышит первые слова на родном 'материнском' языке, народные песни и сказки, первые уроки религии и жизненного поведения. Отец вводит отрока в хозяйственный и политический мир: делает его работником, гражданином, воином. Разделение между рациональным и иррациональным содержанием культуры до известной степени совпадает с различием материнского и отцовского в родовой и национальной жизни. <...> Не совершая насилия над русским языком, легко убедиться, что отечество (страна отцов) связывает нас с миром политическим, а родина-мать с матерью-землей» (Федотов Г.П. Новое отечество // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: (Избр. ст. по философии русской истории и культуры): В 2 т. СПб., 1991. Т. 2. С. 252).

ния») или средневековых (например, «Германия») одеяниях.¹²⁹ По оценке Л. Эдмондсон, изображение нации как женщины культивировалось с конца XVIII – начала XIX в. для того, чтобы представить собственную нацию легитимной наследницей древней традиции.¹³⁰

Таким образом, «пол» национального символа отражает важные стороны репрезентаций наций.¹³¹ Наиболее древней аллегорией нации является «Британия». Визуализация «Британии» берет начало еще с изображений на римских монетах времен императоров Адриана и Антонина Пия.¹³² «Британия» портретировалась как молодая женщина, облаченная в римский шлем и тогу, с обнаженной правой грудью. Обычно она изображалась сидящей на скале, опиравшейся спиной на щит и держащей в руке копье. Важнейшим символом нации «Британия» становится в XVII в. В викторианской Англии она символизирует превосходство Британской империи на морях, поэтому отныне в ее руках трезубец Посейдона, а у ног – британский лев, еще один национальный символ.¹³³

Сходством с «Британией» отмечены национальные символы Швеции («Мать Свея»), Швейцарии («Гельвеция»), Ирландии («Иберния»), история которых восходит к XVII в.¹³⁴

К середине XVIII в. относится первое упоминание о женском символе Исландии – «Женщина гор» (Fjallkonan). Данный образ опирается на предания о прошлом Исландии, закрепленные в сагах.¹³⁵

¹²⁹ Mosse G.L. Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe. New York, 1985. P. 23, 64. Подобные закономерности отмечают и другие авторы: McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Conquest. New York, 1995; Blom I. Op. cit. P. 14.

¹³⁰ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 135–136.

¹³¹ Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations. P. 128.

¹³² Warner M. Monuments and Maidens: The Allegory of the Female Form. New York, 1985.

¹³³ <http://en.wikipedia.org/wiki/Britannia> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹³⁴ Hunt T.L. Defining John Bull: Political Caricature and National Identity in Late Georgian England. Aldershot; Burlington, 2003. P. 67; Douglas R., Harte L., O'Hara J. Drawing Conclusions: A Cartoon History of Anglo-Irish Relations, 1798–1998. Belfast, 1998. P. 67, 135. Известен и другой женский образ Ирландии – «Мать Ирландия» (Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations. P. 128).

¹³⁵ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 148. Зафиксируем также мысль британской исследовательницы об определенном сходстве исландского национального дискурса с русским: нация, Исландия, представлена в нем как мать и правительница, а датский король – как отец, что напоминает иерархические отношения властной, но вместе с тем подчиненной Матушки-Руси с царем – ее мужем (Там же).

«Германия» как мать всех немецких земель начиная с эпохи Романтизма символизирует интеграционные процессы в Германии. В качестве персонификации единой германской нации она ассоциируется и с революцией 1848 г., и с созданием Германской империи.¹³⁶ Известны материнские образы Болгарии, Сербии, Хорватии, Индии, Украины.¹³⁷

Материнство – не единственная ипостась фемининного, мобилизованная дискурсом национализма. Исследуя образ нации как «Девы», Л. Эдмондсон отмечает, что во многих случаях подобная иконография имела религиозные корни. Так, традиция воспринимать Деву Марию как покровительницу Испании прослеживается начиная с XVI в.; этот образ активно эксплуатировался режимом Ф. Франко после победы над «безбожными республиканцами». Покровительницей Польши считалась Дева, символизируемая Черной Мадонной Ченстоховой; после разделов Польши символом нации стала фигура мученицы Полонии.¹³⁸ Похожий образ использовался в венгерском национализме.¹³⁹ «Юная Дева Косова» символизировала героическую и трагическую судьбу сербов после

¹³⁶ Herminhouse P., Mueller M. Looking for Germania: Introduction // P. Herminhouse, M. Mueller (Eds.) *Gender and Germanness: Cultural Productions of Nation*. Providence, 1997. Имперский статус страны были призваны отразить скульптурные изображения новой «Германии», созданные в 1870–1880-х гг., наиболее известным из которых является Нидервальдский монумент (Там же. Р. 6).

¹³⁷ Образ Матери Болгарии получает распространение в середине XIX в.; бедная Мати Болгария предстает в образе болгарской крестьянки и символизирует печальную судьбу родины (Злыднев В.И. *Болгарская литература [первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: В 9 т. М., 1989. Т. 6. С. 506–508*). Любопытно, что детьми «Матери Сербии» назывались не только сербы, но и отдельные части «сербского этнического пространства»; так, дочерьми Матери Сербии становятся Республика Сербская и Черногория (Čolović I. *The Politics of Symbol in Serbia: Essays in Political Anthropology*. London, 2002. Р. 32–33). В период балканских войн 1990-х гг. появляется поэма «Мать Хорватия» (Там же. Р. 55). Широко известен образ Матери Индии, особенно после выхода одноименного фильма в 1957 г. (Yuval-Davis N. *Nationalism, Feminism, and Gender Relations*. Р. 128; Blom I. *Op. cit.* Р. 8). Высказывается мнение, что уже в XVI в. формируется образ Украины как «пышнотелой крестьянки в венке», «живучей» и «плодовитой» – образ тела-земли, матери-природы, порождающей и питающей и человека, и животных (см.: Журженко Т. *Старая идеология новой семьи: Демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки / Под ред. С. Ушакина. М., 2004. Кн. 2. С. 285*).

¹³⁸ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 146–147.

¹³⁹ Weaver E.B. *Madonna Crucified: A Semiotics of Motherland Imagery in Hungary // Slovo. Vol. 14 (2002)*.

поражения в битве на Косовом поле в 1389 г.¹⁴⁰ Скорее как Дева, олицетворяющая Свободу, представлена и «Колумбия» – еще один знаменитый женский образ, достигающий известности во второй половине XVIII в.¹⁴¹ С конца XIX в. Финляндия также была представлена в облике светской, земной девушки (Suomi-neito), символизирующей молодость и силу поднимающейся нации в ее противостоянии с имперской Матерью-Россией. Данный образ Финляндии, очевидно, вытеснил более ранний, материнский.¹⁴²

Наконец, нация может принять облик возлюбленной, жены, невесты. Здесь особый интерес представляет другая известнейшая аллегория нации – «Марианна». Образ, по всей вероятности, позаимствован с изображений Свободы на римских монетах, а имя было взято, видимо, из новеллы П. Мариво (конец XVIII в.).¹⁴³ Прежде всего, следует отметить, что в дореволюционный период Франция изображалась как супруга короля, что было призвано визуализировать идею иерогамии.¹⁴⁴ Образ Марианны первоначально символизировал не Францию, а Республику: женские персонификации республиканских ценностей замещали сакральное тело короля; тем самым его бессмертие и легитимность переходили новой власти.¹⁴⁵ Изменения в национальном образе в период падения монархии символизировали утверждение мужества взрослого народа, сбросившего бремя отцовской власти монарха и относящегося теперь к государству не как к отцу, которому нужно повиноваться, но как к супруге, которой нужно восхищаться.¹⁴⁶ Идея о том, что новый гражданин – не ребенок, но муж нации, рассматривается в работах Дж. Ландэ. Мужчин поощряют любить нацию, как муж любит жену; не король, а каждый гражданин становится ее возлюбленным.¹⁴⁷ Патриотическая любовь

¹⁴⁰ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 147.

¹⁴¹ Первоначально Колумбия как аллегория Америки была индейской женщиной, символизирующей плодородие новых земель; см. рисунок автора начала XVII в., на котором Америка изображена в виде обнаженной туземной женщины (Hall S. *The West and the Rest*. P. 303).

¹⁴² Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 147.

¹⁴³ См.: McCrone D. *Op. cit.* P. 46.

¹⁴⁴ Landes J.B. *Visualizing the Nation*. P. 143.

¹⁴⁵ Wenk S. *Op. cit.* P. 69–72.

¹⁴⁶ См.: McCrone D. *Op. cit.* P. 46.

¹⁴⁷ Landes J.B. *Republican Citizenship and Heterosocial Desire: Concepts of Masculinity in Revolutionary France* // S. Dudink, K. Hagemann, J. Tosh (Eds.) *Op. cit.*

понимается теперь как эрос, как желание, как страсть, а не только как публичный долг; не удивительно, что «Марианна» в революционной традиции изображается подчеркнуто эротично.¹⁴⁸ Изображение нации в виде обнаженной женщины – это к тому же знак возвращения ее к «естественному состоянию».¹⁴⁹

Анализируя национальные аллегории, необходимо также принимать во внимание, что каждый из этих символов, помимо «магистральной» интерпретации, получает – в различные периоды истории и в различных дискурсах – ряд дополнительных. Например, «Марианна» со временем приобретает черты «матери всей нации»; в Третьем рейхе «Германия» трактовалась скорее как дева и поэтому не пользовалась популярностью – в качестве же идеала арийского материнства позиционировалась королева Луиза Прусская.¹⁵⁰

Теперь нам предстоит ответить на вопрос, какое влияние отмеченное переплетение гендерного и национального дискурсов, отраженное в том числе в национальной символике, оказывает на гендерный порядок общества. Очевидно, если бы не было национализма, то не существовало бы и мужчин и женщин в их современном варианте. Если национализм имеет сходство с религией, то сложно представить себе в секулярный век более эффективный фактор легитимации социальной системы, включая и гендерный порядок. Ценность национальной сферы для персональной идентичности человека эпохи Модерности создает особый эмоциональный фон для восприятия «посланий», содержащихся в дискурсе национализма. Соответственно, нормативность гендерных характеристик далеко не в последнюю очередь обосновывается тем, что *такая* мужественность или *такая* женственность полезны для нации. Нация, таким образом, натурализует конструкции маскулинности и феминности.¹⁵¹

Р. 111. Хотя в дискурсе Просвещения высказывалась и идея о том, что любовь к родине, патриотизм, подобна любви к матери (например, Ж.Ж. Руссо – см.: Там же. Р. 109).

¹⁴⁸ Landes J.B. Visualizing the Nation. P. 143–145 (например, на известной работе Л.С. Буазо «Республиканская Франция», 1789 (Там же. Р. 152)).

¹⁴⁹ Там же. Р. 142.

¹⁵⁰ Mosse G.L. Nationalism and Sexuality. P. 91, 160.

¹⁵¹ Mostov J. Op. cit. P. 89.

Дискурс национализма представляет собой один из важнейших ресурсов создания мужественности. Прежде всего, ценности национализма – автономия, рациональность, агрессивность, решительность вплоть до готовности проливать кровь – коррелируют с теми чертами, которые в эпоху Модерности предписываются мужчинам. Далее, горизонтальность национального сообщества в дискурсе национализма приобретает форму «мужского братства».¹⁵² Кроме того, национальный дискурс апеллирует к гендерной идентичности мужчины: настоящий мужчина должен иметь независимую нацию, в которой должен быть установлен определенный гендерный порядок.¹⁵³ Иными словами, воедино связываются нормы гендерные и нормы национальные: если ты настоящий мужчина, то ты националист; если же ты не отвечаешь критериям национализма, то становишься Чужим не только в политическом отношении – при помощи различных дискурсивных практик под сомнение ставится и твое качество быть «настоящим мужчиной». Национализм, таким образом, является важнейшим ресурсом в конкуренции маскулинностей, оказывая серьезное влияние на определение гегемонной и маргинальных маскулинностей. В частности, определение гетеросексуальности как нормы обосновывается при помощи того аргумента, что гомосексуальность представляет собой угрозу и космологическому порядку вещей, и воспроизводству нации – как биологическому, так и символическому.¹⁵⁴

Каноны женственности также корректируются национальным дискурсом; «именем нации» устанавливается, что именно считать подлинной женственностью. Национальная мифология оперирует образами мужественности и женственности, которые по преимуществу соответствуют традиционным гендерным ролям. Например, образ нации как семьи воспроизводит разделение сфер на мужскую публичную и женскую при-

¹⁵² Anderson B. Op. cit. P. 7; Mosse G.L. Nationalism and Sexuality. P. 86; Mayer T. Introduction // T. Mayer (Ed.) Op. cit. P. 10.

¹⁵³ Spike Peterson V. Sexing Political Identities / Nationalism as Heterosexism // S. Ranchod-Nilsson, M.A. Tetreault (Eds.) Women, States and Nationalism: At Home in the Nation? Routledge, 2000. О том, как культ «крутого мужчины» связывается с национализмом в постсоветский период, см.: Жеребкин С. Мужские и женские фантазии: Политики сексуальности в постсоветской национальной литературе // Гендерные исследования. № 3 (1999).

¹⁵⁴ Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

ватную, придавая такому делению дополнительную легитимность.¹⁵⁵ Эти роли закрепляются и аллегориями нации. Так, образ родины как матери включается в обращенные к реальным женщинам призывы быть матерями будущих воинов, определяя материнство в качестве естественного предназначения и главной жизненной цели женщины.¹⁵⁶ Кроме того, в центр такого рода символики помещается картина отношения «сынов» к матери-родине; «дочери» же отодвигаются на второй план. Поэтому в феминистской литературе высказывается мысль о том, что материнский образ нации и реальный статус женщины часто имеют мало общего.¹⁵⁷

Взаимоотношения между национализмом и феминизмом достаточно сложные. Как отметили Н. Ювал-Дэвис и Ф. Антиас, от национализма могут получать выгоду не только мужчины, но и женщины.¹⁵⁸ Национализм и феминизм могут выступать в роли союзников, прежде всего, в рамках антиколониальной борьбы в странах Третьего мира; среди атрибутов национализма здесь – образ освобожденной женщины как один из символов прогресса.¹⁵⁹

Вместе с тем, феминизм и национализм рассматривают друг друга как конкурентов. Феминизм может объявляться изобретением Врага, чуждым национальным традициям и губительным для нации.¹⁶⁰ Поэтому в дискурсе национализма, особенно во время мобилизационных процессов, феминизм нередко трактуют как идеологию, направленную против материнства и потому расценивают как «национальную измену». Дом рассматривается в качестве «первой линии обороны нации».¹⁶¹ Соответ-

¹⁵⁵ Женщины конструируются как символическое воплощение нации, но при этом исключаются из ее политической жизни (McClintock A. «No Longer in a Future Heaven». P. 260).

¹⁵⁶ Darrow M.H. *French Women and the First World War: War Stories of the Home Front*. Oxford; New York, 2000. P. 24.

¹⁵⁷ Эдмондсон Л. Указ. соч. С. 152. Встречаются и более жесткие оценки, например: «Поскольку нация и гендер исторически связаны, постольку проблема патриархата не может быть решена без решения проблемы нации. Нация есть и его строительный материал, и важнейший инструмент, и его функция и условие» (Iveković R., Mostov J. Introduction // R. Iveković, J. Mostov (Eds.) *From Gender to Nation*. Ravenna, 2002. P. 22–23).

¹⁵⁸ См.: Steans J. *Op. cit.* P. 68.

¹⁵⁹ Первое исследование этой проблемы принадлежит К. Джайявардене (1986) (см.: Blom I. *Op. cit.* P. 5–6).

¹⁶⁰ Mayer T. *Op. cit.* P. 11.

¹⁶¹ Davin A. *Imperialism and Motherhood // History Workshop: A Journal of Socialist Historians*. No 5. (1978). P. 29.

ственно, женщины, которые отказываются быть матерями или имеют детей от представителей других наций, становятся потенциальными врагами нации, ее предателями.¹⁶²

Проиллюстрируем переплетение политического, национального и гендерного дискурсов материалом американского национализма периода Холодной войны. С одной стороны, гегемонная американская маскулинность в качестве необходимого элемента включала в себя антикоммунизм. С другой стороны, частью идентификационных стратегий американизма этого периода являлась гомофобия. Достаточно подробно исследован вопрос о том, что пресловутая «охота за ведьмами» сенатора Дж. Маккарти ассоциировалась с борьбой не только против коммунизма, внешнего и внутреннего, но и против зачастую связываемого с ним гомосексуализма.¹⁶³ Гетеросексуальное же поведение, согласно общепринятым взглядам того времени, должно было иметь кульминацией брак, который рассматривался как доказательство «зрелости» и «ответственности». Э. Мэй отмечает, что мужа, особенно отца, носили знак «семейного мужчины» как свидетельство и мужества, и патриотизма.¹⁶⁴ Соответственно, к тем женщинам, которые не подчинялись идеалу семейной жизни, крестоносцы антикоммунизма относились с подозрением: самостоятельные американки в каком-то смысле не американки (un-American).¹⁶⁵ Иными словами, быть домашними означало для женщин выполнять национальный долг.¹⁶⁶

Следующий элемент дискурса национализма – это образ Другого. Уже отмечалось, что гендер выступает в качестве эффективнейшего диакритического элемента, маркера. Матери, жены и дочери обозначают пространство национального сообщества; как маркеры собственности нации, они требуют защиты и покровительства со стороны патриотиче-

¹⁶² Mostov J. Op. cit. P. 91.

¹⁶³ May E.T. *Homeward Bound: American Families in the Cold War Era*. New York, 1988. P. 94–95; De Hart J.S. *Containment at Home: Gender, Sexuality, and National Identity in Cold War America* // P.J. Kuznick, J. Gilber (Eds.) *Rethinking Cold War Culture*. Washington, 2000. P. 128; Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 55.

¹⁶⁴ May E.T. Op. cit. P. 98.

¹⁶⁵ Там же. P. 19.

¹⁶⁶ Там же. P. 102.

ских сынов.¹⁶⁷ Роль женщин как маркеров, символических пограничников обуславливает те требования, которые национализм предъявляет им во имя чистоты, этнической и культурной гомогенности нации: только чистые и непорочные женщины могут воспроизводить чистую нацию.¹⁶⁸ Принимая это во внимание, легко понять, почему женщины становятся объектом контроля не только в аспекте деторождения, но и в плане достойного репродуктивного поведения, пишет Н. Ювал-Дэвис. Например, это касается сексуальных отношений с членами других этнических групп.¹⁶⁹ Национализм, таким образом, политизирует женскую сексуальность.¹⁷⁰ В связи с этим говорят о «бремени репрезентаций», которое возлагается на женщин как носителей коллективной чести и символа нации.¹⁷¹

Использование гендерного дискурса для установления символических границ между сообществами, для конструирования их идентичности и выстраивания отношений с Чужими, внешними и внутренними – это практика, достаточно распространенная в различных географических ареалах и в различные периоды истории. Тенденция инаковизации Другого при помощи гендерных (и сексуальных) характеристик обнаруживает себя уже в концепте варвара, занимавшем важное место в античной культуре.¹⁷² Образ Чужих, маркируя границы сообщества Своих и тем самым определяя девиацию, принимает активное участие в определении нормы, равно как и в конструировании коллективной идентичности. Образы мужественности и женственности Чужих оказывают влияние на содержание и оценку гендерных моделей собственной культуры. Именно

¹⁶⁷ Iveković R., Mostov J. Op. cit. P. 10.

¹⁶⁸ Mayer T. Op. cit. P. 7–10.

¹⁶⁹ См.: Ozkirimli U. Op. cit. P. 208.

¹⁷⁰ См.: Manzo K. Op. cit. P. 45. Подчеркнем, что именно женщины призваны хранить чистоту нации. Например, связь норвежской девушки и германского мужчины в Норвегии, оккупированной во время Второй мировой войны, осуждалась гораздо более жестко, чем связь норвежского мужчины и германской девушки (см.: Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*).

¹⁷¹ Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 45; см. также: Spike Peterson V. *Gendered Nationalism: Reproducing «Us» versus «Them»* // L.A. Lorentzen, J. Turpin (Eds.) *The Women and War Reader*. New York, 1998.

¹⁷² Davies M.W., Nandy A., Sardar Z. *Barbaric Others: A Manifesto on Western Racism*. London; Boulder, 1993. P. 28.

поэтому, заметим, гендерные характеристики внешних и внутренних Чужих нередко оказываются схожими.

Выше уже шла речь о роли образов коммунистического Другого в определении гендерного порядка американского общества периода Холодной войны.¹⁷³ Образ Другого, в том числе в его гендерном измерении, активно используется в современном украинском национализме для конструирования национальной идентичности. Т. Журженко пишет о том, что

украинская женщина репрезентирована в современном политическом дискурсе как 'другая', отличная от западной, благодаря своему 'природному' альтруизму, преданности, прежде всего интересам семьи и нации. С другой стороны, украинская женщина представлена одновременно как... менее ограниченная патриархальными нормами и институтами по сравнению с российской женщиной. Таким образом, образ Украины как нации, 'исторически' высоко оценивающей женщину, семью и материнство, противопоставляется 'патриархальной' империалистической России.¹⁷⁴

Дискурсивный анализ международных отношений также показывает широкое вовлечение гендерных образов во внешнюю политику для того, чтобы легитимировать одни точки зрения и дискредитировать другие.¹⁷⁵ Соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности, чем объясняется использование в дискурсе международных отношений гендерных и сексуальных метафор, актуализирующих самые разнообразные аспекты взаимоотношений полов. В свою очередь, международные отношения – это дискурсивное пространство производства гендерного порядка.¹⁷⁶ Сама историческая конструкция государства репрезентирует маскулинную модель.¹⁷⁷ Образ политика, как правило, ассоциирован на Западе с элитарными белыми

¹⁷³ См. подробнее: Рябов О.В. «Красный кошмар»: Репрезентации советской семьи в американском антикоммунизме периода «холодной войны» (1946–1963) // *Семья: между насилием и толерантностью* / Под ред. М.А. Литовской, О.В. Шабуровой. Екатеринбург, 2005.

¹⁷⁴ Журженко Т. Указ соч. С. 294.

¹⁷⁵ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 53.

¹⁷⁶ Hooper C. *Manly States*. P. 115.

¹⁷⁷ В феминистских исследованиях подчеркивается андроцентризм государства как института (Verdery K. *From Parent-State to Family Patriarchs: Gender and Nation in Contemporary Eastern Europe* // *East European Politics and Societies*. 1994. Spring. Vol. 8. No 2. P. 243) и отмечается, что репрезентации женщин как жен и матерей по преимуществу вносят вклад в ограничение их гражданских прав (Steans J. *Op. cit.* P. 68).

мужчинами и репрезентациями гегемонной маскулинности.¹⁷⁸ Маскулинизации международных отношений служит и традиция персонифицировать государства при помощи образов государственных деятелей, в результате чего отношения между нациями принимают вид отношений между мужчинами.¹⁷⁹ Порой репрезентации мировой политики напоминают мыльные оперы со своим набором «хороших и плохих парней».¹⁸⁰

Межнациональные и международные отношения включены в более широкий контекст – в межкультурные (межцивилизационные) отношения. Очевидно, в современном мире некоторые культуры «равнее других», что отчетливо проявляется в глобализационных процессах.¹⁸¹ Подобная асимметричность развития различных культур породила тот феномен, который, на мой взгляд, лучше всего отражен в названии известной работы С. Холла «Запад и Все Остальное: Дискурс и власть».¹⁸²

В последнее время особый интерес вызывает роль знания в межкультурном взаимодействии. Критический анализ «глобальной гегемонии западного социально-гуманитарного знания, то есть производства, публикации, распространения и потребления информации и идей»,¹⁸³ был предложен в постколониальных исследованиях, предметом анализа которых является характер взаимодействия между культурами в современную эпоху. В качестве одной из форм такого взаимодействия интерпретируется и феминизм; собственно, и сам дискурс гендерных исследований может быть рассмотрен в рамках понимания фемининности в

¹⁷⁸ Tickner J.A. *Gender in International Relations*. New York, 1992. P. 54.

¹⁷⁹ Cohn C. *Op. cit.* P. 239–241.

¹⁸⁰ Hooper C. *Manly States*. P. 88. Ряд авторов интерпретирует дебаты между реалистами и либералами, представителями основных парадигм в теории международных отношений, в качестве формы конкуренции маскулинностей. Так, реализм рассматривают как воплощение гегемонной маскулинности элитарных белых мужчин. Воспеваемый здесь образ воина считается моделью поведения государств; иконой реализма выступают Джеймс Бонд и герои Джона Вэйна. Среди высших ценностей – власть, автономия, объективность, рациональность. Либерализм же расценивается как позиция неудавшихся, несостоятельных мужчин (Tickner J.A. *Gender in International Relations*. P. 14; Hooper C. *Manly States*. P. 96, 103).

¹⁸¹ Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2.

¹⁸² Hall S. *The West and the Rest*.

¹⁸³ Mohanty C.T. *Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses* // A. McClintock, A. Mufti, E. Shohat (Eds.) *Dangerous Liaisons: Gender, Nation, and Postcolonial Perspectives*. Minneapolis, 1997. P. 255.

качестве поля конкурирующих дискурсов. В «феминизме Третьего мира» (развивающемся в интенсивном диалоге с постколониальными исследованиями) был поставлен вопрос о том, что представления о патриархате, сформулированные в либеральном феминизме, отражают лишь перспективу «белой женщины среднего класса» западного мира.¹⁸⁴ Между тем им присваивается статус универсальных, а все прочие подходы в таком «режиме истины» маргинализируются. Это фактически означает «дискурсивную колонизацию» западными феминистками бытия женщин не-западных стран. По оценке Э. Макклиток, западно-центристский феминизм объявил гендерный конфликт приоритетней всякого другого,¹⁸⁵ игнорируя взаимоотношения между гендером, классом и расой. Подобный «пангендеризм» фактически затушевывает другие виды неравенств и асимметрий современного мира, хотя в эксплуатации женщин «периферии» принимают участие не только мужчины «периферии», но и женщины «центра». Кроме того, такая трактовка патриархата позволяет западным женщинам репрезентировать себя как образованных, современных, обладающих свободой принимать собственные решения и контролирующих свои тела и свою сексуальность.¹⁸⁶ Определяя иерархию фемининностей, Запад (пусть своим только «женским лицом») выступает в качестве всеобщего референта. Есть лишь один универсальный критерий того, какими должны быть гендерные отношения в обществе, – и кто этому критерию соответствует в наибольшей степени, догадаться несложно.

Время появления постколониальных исследований обычно возводят к публикации труда Э. Саида «Ориентализм»,¹⁸⁷ в котором был предложен новый способ концептуализации истории отношений между Востоком и Западом. Ориентализм понимается как дискурс эпохи Модерности, в котором знания Запада о Востоке связаны с доминированием над последним. Используя идею М. Фуко о том, что все формы знания есть производство власти (конституирование чего-то или кого-то как объекта знания предполагает узурпацию власти над ним), Э. Саид вы-

¹⁸⁴ Там же. P. 256; M.J. Collier (Ed.) *Constituting Cultural Difference Through Discourse*. Thousand Oaks, 2001. P. 19.

¹⁸⁵ McClintock A. *Imperial Leather*. P. 7.

¹⁸⁶ Mohanty C.T. *Op. cit.* P. 256.

¹⁸⁷ Said E. *Op. cit.*

двинул тезис о том, что репрезентации Востока, производимые данным дискурсом, были востребованы для того, чтобы определить природу Востока и восточного как низшую и отличную от Запада, во-первых, и легитимировать западное управление им, во-вторых.¹⁸⁸

Среди ключевых элементов ориентализма – убеждение, что Запад способен понимать Восток, представлять его интересы и управлять им лучше, чем это делает или мог бы сделать сам Восток.¹⁸⁹ Запад при этом трактуется в качестве универсального референта: есть только одна модель, все остальное репрезентируется как девиация. Восток оценивается в терминах «отсталости» и «недоразвитости»; его настоящее – это прошлое Запада. Среди тех функций, которые выполняет ориентализм, отметим, во-первых, его роль в конструировании идентичности Запада. «Запад» есть отрицание восточности; внутренние Чужие Запада, напротив, подвергаются ориентализации. Помимо прямого отождествления этих социальных групп с «восточными дикарями», им приписываются те же лень, чувственность, иррациональность, хаотичность, недостаток самоконтроля и др.¹⁹⁰ Во-вторых, ориентализм помогает установить и поддерживать власть над Востоком за счет репрезентаций данной культуры как низшей и неспособной к самоуправлению. Амбивалентность Другого обуславливает и то восхищение, которое нередко вызывает экзотический Восток; однако «хорошая» сторона стереотипа Другого, «благородного дикаря», неразрывно связана с его «плохой» стороной.¹⁹¹

Со времени выхода в свет работы Э. Саида прошло четверть века; за это время она приобрела значительное влияние – несмотря на то, что многие ее положения подвергаются критике.¹⁹² Выявив черты ориента-

¹⁸⁸ Lewis R. *Gendering Orientalism: Race, Femininity and Representation*. London; New York, 1996. P. 23.

¹⁸⁹ Там же. P. 16.

¹⁹⁰ Hall S. *The West and the Rest*. P. 280. Скажем, так в британской прессе XIX в. портретировались ирландцы (Pickering M. *Stereotyping: The Politics of Representation*. Houndmills; New York, 2001. P. 142–144).

¹⁹¹ Hall S. *The West and the Rest*. P. 309.

¹⁹² Так, ставилась под сомнение правомерность генерализаций, сделанных исследователем на основе отношения к Востоку лишь в британской и французской культурах. Критику вызывали и недостаточный учет социального и экономического контекста, и известная эссенциализация характера взаимодействия двух цивилизаций, и игнорирование существования гибридных форм в самих восточных культурах, и недооценка дискретного характера ориентализма, который функционирует в виде множества ориенталистских дискурсов

лизма как продукта колониальной эпохи, исследователи отмечают, что тот не просто сохраняется в отношении Запада к прежнему Востоку, но воспроизводит себя в новых формах. Так, любопытной представляется модификация ориенталистских паттернов в условиях униполярного мира. В культуре США идет формирование нового «Запада» и нового «Востока»: американские репрезентации Европы следуют классическим образцам ориентализма.¹⁹³ Все культуры, включая европейские, рассматриваются сквозь призму американского опыта, который объявляется подлинной вершиной человеческой истории.¹⁹⁴ Понимание прогресса как отрицания восточности, идея движения цивилизации с востока на запад, вдохновлявшие Европу в колониальную эпоху, в полной мере соответствуют этой модификации ориентализма.

Вопрос о гендерных аспектах ориентализма был поставлен уже в труде Э. Саида. Автор подчеркнул, что отношения между западным человеком и Востоком сексуализированы и гендеризированы: *homo occidentalis* представлен как мужчина, в то время как для репрезентации восточности используется метафора женственности. Дальнейшие исследования показали, сколь значительна роль гендера в ориентализме.¹⁹⁵ Женственность как «пронзаемость» – классический ориенталистский троп в описании неисследованной земли.¹⁹⁶ Восток ассоциируется с

(например, отмечается, что если бы Э. Саид принял во внимание позицию западных женщин, то его картина западного взгляда на Восток была бы менее унифицированной). Наконец, как «отступничество» от заявленной исследователем приверженности фукианской методологии проинтерпретировали допущение – пусть неявное – существования некоего «подлинного» знания о Востоке, противопоставленного «не-подлинному» (Dobie M. *Foreign Bodies: Gender, Language, and Culture in French Orientalism*. Stanford, 2001; Lewis R. *Op. cit.* P. 67; Kennedy V. *Edward Said: A Critical Introduction*. Oxford; Malden, 2000; Sardar Z. *Orientalism*. Buckingham; Philadelphia, 1999).

¹⁹³ По оценке З. Сардара, в американских фильмах и телесериалах ориентализации подвергаются, например, англичане. Подобно тому, как не-европейский Другой был представлен в свое время опутанным традициями, иррелевантными его действительным потребностям, Лондон теперь репрезентируется как нечто законсервированное в истории (Sardar Z. *Op. cit.* P. 114–115). Архаичный, традиционный, экзотический, он содержит весь набор признаков арабских террористов в сознании западного обывателя, иронизирует исследователь (Там же. P. 4).

¹⁹⁴ Там же. P. 109.

¹⁹⁵ Напр.: Dobie M. *Op. cit.*; Eriksen T.H. *The Sexual Life of Nations*; Johnson J.J. *Latin America in Caricature*. Austin, 1980. P. 72–73.

¹⁹⁶ Kennedy V. *Op. cit.* P. 42.

чувственностью, желанием, сексуальным обещанием, приглашая к проникновению и оплодотворению.¹⁹⁷ Так, феминизация Индии и индийских мужчин – одна из дискурсивных практик британского колониализма.¹⁹⁸ Заметим, что важную роль в этом играла идея матрифокальности индуизма; подобная феминизация усиливалась нередко за счет маскулинизации образа индийской женщины – властной, доминирующей, привыкшей контролировать мужчину.¹⁹⁹

Отмеченные функции ориентализма реализуют себя и в гендерном дискурсе. Во-первых, это натурализация и легитимация колониализма. Так, репрезентации индийской культуры как женственной используются для объяснения и оправдания того, что Индия находится под британским управлением.²⁰⁰ Метафора брака между британской мужественностью и индийской женственностью служит «облагораживанию» образа колониального владычества, и истинные интересы британского империализма обретают необходимую респектабельность.²⁰¹ Во-вторых, феминизация Востока конструирует гендерную идентичность Запада – как абсолютно маскулинной культуры: сильной, рациональной, организованной, построенной на принципах права и индивидуализма. Ориентализм, следовательно, определяет гендерные отношения в самой метрополии.²⁰² Так, мужественность эталонного образца британского джентльмена была бы невозможна не только без идеала леди – но и без феминизированной маскулинности, например, бенгальских мужчин.²⁰³

Таким образом, гендерный анализ отношений между культурами обнаруживает отмеченные закономерности гендерной метафоризации, связанные с понятиями андроцентризма и гендерной асимметрии, то есть маскулинизацию Своих и феминизацию Чужих. Однако, подчерки-

¹⁹⁷ Lewis R. Op. cit. P. 5.

¹⁹⁸ Krishnaswamy R. *Effeminism: The Economy of Colonial Desire*. Ann Arbor, 1998. P. 35. По оценке С. Холла, в колониальном дискурсе обычным является соотнесение «дикарей» с женщиной, с ребенком, с природой (Hall S. *The Spectacle of the «Other»* // S. Hall (Ed.) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. Thousand Oaks; New Delhi, 1997); см. также: Caine B., Sluga G. *Gendering European History, 1780–1920*. London; New York, 2000. P. 88–89.

¹⁹⁹ Krishnaswamy R. Op. cit. P. 61.

²⁰⁰ Kennedy V. Op. cit. P. 23.

²⁰¹ Там же. P. 35.

²⁰² Lewis R. Op. cit. P. 14.

²⁰³ Hooper C. *Manly States*. P. 80.

вая эвристический потенциал данных методологических положений, заметим, что именно исследования межкультурного дискурса выявили ограниченность подобного подхода и необходимость дополнений к нему.

Во-первых, должна быть принята во внимание вариативность представлений о маскулинности и фемининности в различных культурах. Культуры – подобно тому как они различаются в производстве материальных благ, в природных условиях, религиозных и политических традициях, языке – различаются и в гендерных порядках, интерпретируя содержание гендерных концептов на свой собственный манер. Скажем, образ могущественной женщины-матери, образы богинь из индуистского пантеона определяли и содержание, и оценку образа Матери-Индии, которая символизировала отнюдь не только жертвенность и страдание.²⁰⁴ Другой пример: в дискурсе Модерности жертвенность маркировалась как фемининная и, плохо согласовываясь с принципом «заботы о себе», расценивалась как девиация; в индийской же культуре ценность философии самоотрицания, напротив, была очень высока и принята как в женском, так и в мужском идеалах.²⁰⁵ Иными словами, в зависимости от системы ценностей, господствующей в культуре, оценка мужественности и женственности будет различной – соответственно, и гендерная метафоризация носит различный характер.

Во-вторых, влияние на гендерную метафоризацию оказывает и пластичность представлений о мужском и женском. Так, оппозиция «телесность – духовность», несущая в себе вполне определенную гендерную маркировку, занимает важное место в ориентализме,²⁰⁶ между тем в ориентализме США Америка была представлена мускулистым, атлетическим, «империалистическим» телом, в то время как Индия была призвана символизировать духовное начало.²⁰⁷ При этом «Колумбия» – женский символ Америки – ассоциировалась с активностью, властью,

²⁰⁴ Blom I. Op. cit. P. 8–9.

²⁰⁵ Там же. P. 10. Более того, даже в рамках западной цивилизации вариативность гендерных норм достаточно очевидна: например, слезы на глазах мужчин средиземноморской и латинской культур не ставят под сомнение их «мачизм» (Hooper C. Manly States. P. 51).

²⁰⁶ Said E. Op. cit. P. 5.

²⁰⁷ Schueller M.J. U.S. Orientalisms: Race, Nation, and Gender in Literature, 1790–1890. Ann Arbor, 1998. P. 5–6.

мощью, стремлением к экспансии, то есть с такими качествами, которые традиционно кодируются как мужские.²⁰⁸

В-третьих, следует учитывать фактор гетерогенности пола. Так, своеобразная иерархия создается внутри маргинализируемых маскулинностей Востока: например, бенгальцы подвергались дискурсивной феминизации в большей степени, чем пуштуны.²⁰⁹ Еще одно положение «мужских исследований» представляется весьма эвристичным: гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «экстремальной» степени развития.²¹⁰ Другими словами, отнюдь не во всех случаях маскулинность, скажем, Терминатора (как стопроцентно рационального, организованного, сильного, бесстрашного) будет являться гегемонной. Отмеченные факторы оказывают влияние и на гендерный дискурс. К примеру, в пропаганде США Южный Вьетнам репрезентировался в фемининных характеристиках (что оправдывало как американское присутствие в этом регионе, так и поражения сайгонского режима от коммунистических соперников), между тем как Северный Вьетнам – в качестве извращенной формы маскулинности.²¹¹ «Мачизм» мексиканцев и «брутальность» афроамериканцев также расцениваются как проявление чрезмерной, а потому маргинальной маскулинности.²¹²

В-четвертых, необходимо принимать во внимание влияние образа Чужого на гендерный порядок общества; в частности, должны быть учтены гибридные формы²¹³ гендерной метафоризации, порожденные делением человечества на «Запад и Все Остальное». Так, исследование Р. Кришнасами посвящено феномену, обозначенному автором как «effeminism». Исследователь показывает, что феминизированный образ мужчины Индии, призванный в британском колониальном дискурсе подчеркнуть неполноценность как самой Индии, так и индийской маскулинности, среди местного населения расценивался иначе. Он воспринимался скорее в качестве той формы индийской мужественности, которая,

²⁰⁸ Там же. P. 12.

²⁰⁹ Hooper C. Manly States. P. 71.

²¹⁰ Niva S. Tough and Tender: New World Order Masculinity and the Gulf War // M. Zalewski, J. Parpart (Eds.) Op. cit.

²¹¹ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 53.

²¹² Hooper C. Manly States. P. 55, 71.

²¹³ Bhabha H.K. The Location of Culture. London; New York, 1994.

опираясь на устойчивые традиции индуизма с его андрогинным идеалом мужчины, была призвана стать реальной альтернативой британскому идеалу маскулинности – и тем самым «каждодневной формой сопротивления». ²¹⁴ Данный феномен квалифицируется исследователем в терминах постколониальной теории как «культурная гибридность» и «колониальная мимикрия». ²¹⁵ Подобная аутофеминизация в дискурсе индийского национализма в постколониальный период выражается также в том, что символом индийскости становится женщина; маскулинному Западу приписывается бездуховность и ориентация исключительно на материальный прогресс. ²¹⁶

Подводя итоги параграфа, еще раз отметим, что основные элементы дискурса национализма непосредственно связаны с гендерным дискурсом. Гендерный дискурс позволяет «очеловечить» национальное сообщество, приблизить его к повседневному опыту индивида, обеспечить функционирование «обыкновенного национализма». Аналогия с семьей, включающая восприятие нации как формы взаимодействия мужского и женского начал, является эффективным способом позиционирования этого сообщества как естественного. Кроме того, семейная метафора (равно как и связанная с ней идея иерогамии) выступает тем фактором, который обеспечивает и подчинение индивида государству, и его готовность жертвовать собственной жизнью во имя нации. Вера в бессмертие, гарантия от забвения – данные человеческие потребности также реализуются через убежденность в том, что нация представляет собой не механическую совокупность случайных людей, а сообщество, связанное единым происхождением и отношениями родства. Нация – это объект страсти, любви; национализм – это в немалой степени эстетический феномен. Большое значение в связи с этим имеют аллегории нации, позволяющие не только «вообразить» данное сообщество, но и «увидеть» его. Но родина – это и политический феномен; наряду с отечеством она помогает созданию представлений о нации как политическом целом. Подобная целостность поддерживается идеей гомогенности и чистоты, ко-

²¹⁴ Krishnaswamy R. Op. cit. P. 8, 19, 42.

²¹⁵ Там же. P. 9.

²¹⁶ Radhakrishnan R. Nationalism, Gender and the Narrative of Identity // A. Parker, M. Russo, D. Sommer, P. Yaeger (Eds.) Nationalism and Sexualities. London, 1992. P. 84–85.

торая часто ставится в зависимость от чистоты и непорочности женщин. Мужское братство (наряду со свободой и равенством) явилось краеугольным камнем национального сообщества как горизонтального. Гендерные образы, символы и метафоры играют важную роль в проведении границ национального сообщества и в создании образа Чужих. Наконец, еще один ключевой элемент риторики национализма связан с войной.

I. 4. Война и мир в гендерном дискурсе

Мужчины порождают войну –
война порождает мужчин.
*Б. Эренрайх*²¹⁷

Тот факт, что проблеме «гендер и война/мир» в современной литературе уделяется большое внимание, едва ли вызывает удивление: сложно представить себе сферу человеческой жизни, более тесно связанную с гендерной дихотомизацией человечества и традиционными гендерными ролями, чем война. Остановимся на трех основных аспектах данной проблемы: гендерный дискурс как средство военной мобилизации; гендерный дискурс как оружие войны; военный дискурс как ресурс создания и корректировки гендерного порядка.

Война – это, прежде всего, «мужская работа». Считается, что мужчины более агрессивны и чаще прибегают к насильственному решению конфликтных вопросов, в том числе в политической сфере.²¹⁸ Однако объяснять эти различия только биологическими факторами вряд ли продуктивно. Война невозможна без апелляции к гендерной идентичности как мужчин, так и женщин: ее привлекательность связана с тем значением, которое имеет гендерный компонент в структуре идентичности индивида.²¹⁹

Что заставляет человека убивать себе подобных и подвергаться опасности быть убитыми? Логика, лежащая в основе мобилизационного дискурса военной пропаганды, может быть представлена в виде следующей импликации: если ты настоящий мужчина, то ты должен под-

²¹⁷ См.: Hooper C. Manly States. P. 82.

²¹⁸ Goldstein J.S. Op. cit. P. 303; Уолби С. Указ. соч. С. 322–323.

²¹⁹ Goldstein J.S. Op. cit. P. 252.

держивать военные акции и принимать в них активное участие. Апелляция к гендерной идентичности индивида представляет собой элемент дискурса, устанавливающий взаимосвязь между отношением к войне и миру и определенными моделями маскулинности и фемининности. Эта проблема получает яркое освещение в исследовании Дж. Голдстайна. «Гендерная идентичность, – пишет автор, – становится тем орудием, при помощи которого общество ‘уговаривает’ мужчин воевать».²²⁰ В практиках нормализации военной пропаганды быть «настоящим мужчиной» означает быть воином; все же прочие стороны маскулинности расцениваются как нечто второстепенное и маргинальное по отношению к военности. «Война исторически сыграла важнейшую роль в определении того, что значит ‘быть мужчиной’ в эпоху Модерности на символическом, институциональном и телесном уровнях».²²¹ Вместе с тем непосредственно связаны с военной сферой далеко не все маскулинности. Помимо этого следует учитывать, что, по оценке Р. Коннелла, в основе самой военной организации лежит соревнование между двумя формами маскулинности. Одна из них базируется на физическом насилии, но при этом предполагает жесткое подчинение приказам командиров; другая – доминирующая – на организационной компетентности.²²² Военный дискурс, таким образом, представляет собой пространство конкуренции различных форм маскулинности и способ установления их иерархии. Наконец, заслуживает внимания и то обстоятельство, что военный дискурс переплетается не только с гендерным, но и с национальным; иными словами, национализм связывает мужественность с героизмом не просто воина, но того Неизвестного солдата, который отдает жизнь за свою нацию.

Военный дискурс эксплуатирует как позитивную, так и негативную идентичность индивида. С одной стороны, воинское братство – это, пожалуй, наиболее очевидная иллюстрация идеи «горизонтального товарищества», указывающая на гомосоциальность военных сообществ.²²³ С другой стороны, активно используются образы «маменькиных сынков» и

²²⁰ Там же.

²²¹ Hooper C. Manly States. P. 81. Роль военного дискурса в истории маскулинностей рассматривается в работе Дж. Моссе (Mosse G.L. The Image of Man).

²²² См.: Hooper C. Manly States. P. 84.

²²³ Goldstein J. Op. cit. P. 5; Rawls W.H. Wake Up, America! World War I and the American Poster. New York, 1988.

«изнеженных франтов», от которых аудитория пропагандистского дискурса старается максимально отличаться. Прекрасной иллюстрацией здесь служит американский плакат периода Первой мировой войны «По какую сторону окна находишься ты?» (Л. Брэй, 1917).²²⁴ Особую роль в мобилизации гендерной идентичности играют образы женщин, ставящих под сомнение маскулинность тех мужчин, которые уклоняются от выполнения воинского долга перед нацией или ведут себя недостойно на полях сражений.²²⁵

В свое время в феминистской литературе была популярна идея, согласно которой ответственность за ужасы войны целиком должна быть возложена на мужской пол, поскольку по самой своей природе мужчины агрессивны, между тем как женщины миролюбивы. Однако в ряде работ последних лет обращено внимание на то, что подобный подход фактически эссенциализирует гендерные различия. Эту мысль высказывает, например, Э. Тикнер, подчеркивая при этом, что маркировка миролюбия как фемининного укрепляет гендерную иерархию.²²⁶ Еще более парадоксально эта идея сформулирована в работе Дж. Голдстейна: феминизируя мир и маскулинизируя тем самым военную сферу, активистки антивоенного движения работают на войну.²²⁷ Действительно, логика военного дискурса в этом случае может быть и такой: если и только если ты женщина, то ты борешься за мир; если ты мужчина, то ты не женщина. Если же ты борешься за мир, то ты не настоящий мужчина, который должен быть жестким и безжалостным. В статье К. Кон на материале Холодной войны показано, как боязнь политика-мужчины показаться недостаточно жестким, не-мужественным ограничивает возможности принятия оптимального внешнеполитического решения; в итоге политики сами оказываются заложниками эксплуатации гендерной идентичности.²²⁸ Таким образом, обозначение миролюбия как женского (то есть, не-мужского) еще больше дифференцирует войну и мир в гендерном ас-

²²⁴ Brey L. On Which Side of Window Are You? (Rawls W.H. Op. cit.).

²²⁵ Goldstein J. Op. cit. P. 309; см., напр., мобилизационный плакат периода Первой мировой войны «Ты пойдешь сражаться во славу Ирландии – или же это сделать мне?» (For the Glory of Ireland Will You Go or Must I?) (Gallo M. The Poster in History. New York, 2001. P. 158).

²²⁶ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 59–60.

²²⁷ Goldstein J. Op. cit. P. 5.

²²⁸ Cohn C. Op. cit. P. 234–235.

пекте; антивоенная пропаганда женского миролюбия может объективно способствовать укреплению позиции сторонников войны.

Культ героизма, силы и беспощадности как атрибутов мужественности представляет собой одну из важнейших дискурсивных практик, делающих войну привлекательной. Другая же акцентирует внимание на репрезентациях воина как защитника женщин и детей. Такой образ не просто легитимирует участие в войне, но нередко вменяет в обязанность уничтожение человеческих существ.²²⁹ Поэтому образы страданий Своих женщин (или страданий нации, которая символизируется женской, материнской фигурой) в качестве апелляции к гендерной идентичности Своих мужчин широко используются в военном дискурсе.²³⁰ Особый модус подобных репрезентаций связан с созданием картин бесчестья или сексуального насилия, которым Свои женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины. Враг как сексуальный агрессор – постоянно действующий персонаж как в нарративах о судьбах отдельных женщин, так и в репрезентациях обесчещенной родины. Во многих исследованиях отмечается огромный мобилизующий эффект подобных картин.²³¹

Одним из наиболее известных образов в истории военной пропаганды является образ Бельгии, ставшей жертвой германского вторжения в начале Первой мировой войны. На знаменитом плакате «Помни Бельгию» (Э. Янг, 1917) она изображена как обесчещенная девушка.²³² Метафора «изнасилование Бельгии» тем самым становится одним из факторов этой войны. Заметим, что с самого своего возникновения дискурс национализма активно эксплуатирует образ обесчещенной женщины в качестве символа нации (например, в XVIII в. использовались образы

²²⁹ Tickner J.A. *Gendering World Politics*. P. 57; Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 15.

²³⁰ Yuval-Davis N. *Gender and Nation*. P. 94. В качестве примера приведем слова Й. Геббельса: «Если кто-нибудь ударит кнутом вашу мать по лицу, разве вы станете его благодарить? Разве он человек? <...> Столько же тяжелых страданий причинил и причиняет еврей нашей матери Германии!» (см.: Райх В. *Психология масс и фашизм*. СПб., 1997. С. 82).

²³¹ Напр.: Keen S. *Op. cit.*; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism*. P. 108; Эдмондсон Л. *Указ. соч.* С. 153.

²³² Rawls W.H. *Op. cit.* P. 65. Другие примеры использования метафоры изнасилования в пропаганде Первой мировой войны см.: Mellman B. *Introduction* // B. Mellman. (Ed.) *Borderlines: Genders and Identities in War and Peace*. New York, 1998. P. 10–11.

«изнасилованной Британии» и «изнасилованной Марианны»²³³ Как насильники были представлены Япония и Германия в американской пропаганде Второй мировой войны.²³⁴ Во время Холодной войны в аналогичном облике выступал коммунизм (например, в комиксах, в беллетристике);²³⁵ «изнасилование» – популярная метафора для репрезентаций внешней политики коммунистического Другого в отношении, например, Австрии, Тибета, Чехословакии.²³⁶ Кипр, Кувейт, Сербия – агрессии против этих стран были представлены при помощи аналогичной символики в сравнительно недавнем прошлом;²³⁷ данную метафору используют западные СМИ, характеризуя политику правительства России в Чечне.²³⁸ Угроза сексуальных отношений между белыми южанками и чернокожими мужчинами использовалась для мобилизации сторонников Конфедерации в период Гражданской войны в США.²³⁹ Метафора насилия, в том числе гомосексуального, включается в антииммигрантский дискурс современной Франции; в риторике Ж.-М. Ле Пэна угроза «иностранного вторжения» выражается как «изнасилование нации иммигрантами-сифилитиками», которые «оскорбляют, бесчестят наших жен, наших дочерей, наших сыновей».²⁴⁰

²³³ Manzo K.A. Op. cit. P. 54; Landes J.B. Visualizing the Nation. P. 167.

²³⁴ Keen S. Op. cit. P. 58.

²³⁵ Barson M., Heller S. Red Scared! The Commie Menace in Propaganda and Popular Culture. San Francisco, 2001. P. 153, 159; Costigliola F. «Unceasing Pressure for Penetration»: Gender, Pathology, and Emotion in George Kennan's Formation of the Cold War // Journal of American History, Vol. 83 (March 1997). P. 1310.

²³⁶ Chapman C., Sayle M. August 21st; the Rape of Czechoslovakia. Philadelphia, 1968; Swerling A. The Rape of Czechoslovakia: Being Two Weeks of Cohabitation with her Soviet Allies, August-September 1968. Cambridge, 1968; Sharp J. Op. cit. P. 193.

²³⁷ Anthias F. Women and Nationalism in Cyprus // N. Yuval-Davis, F. Anthias (Eds.) Woman–Nation–State. New York, 1989. P. 155; Parker A., Russo M., Sommer D., Yaeger P. Introduction // A. Parker, M. Russo, D. Sommer, P. Yaeger (Eds.) Op. cit. P. 6; Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

²³⁸ Хартман Й. Чечня. Изнасилованная страна // Die Welt. 2002. 3 июля, <http://www.inosmi.ru/full/151598.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²³⁹ Eriksen T.H. The sexual life of nations. Подчеркнем, что миф о черном насильнике, не способном контролировать собственную сексуальность, занимает важное место в дискурсе расизма (Дэвис А. Расизм и миф о черном насильнике // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск, 2000).

²⁴⁰ Manzo K.A. Op. cit. P. 54.

Другой вариант репрезентаций Чужих как сексуальной угрозы включает в себя обвинения их в «порче нравов»: распространении порнографии, насаждении проституции, растлении молодежи, разрушении семьи. В облике грязного и настойчивого соблазнителя, проникающего в святая святых домашней безмятежности при помощи рекламы и телевидения, представлен в дискурсе исламской революции в Иране «американский империализм»; нация же изображалась как мать, которую насилует «дядя Сэм».²⁴¹ В нацистской пропаганде в роли растлителей арийских женщин выступали евреи.²⁴² В антикоммунизме такая роль была отведена СССР;²⁴³ в мифологии «коммунистического заговора» важное место занимала идея, согласно которой одним из приемов, позволяющих Москве вербовать сторонников среди молодых людей, являлась пропаганда сексуальной вседозволенности.²⁴⁴ Более того, фундаменталистские течения американского антикоммунизма и усматривали в начале сексуальной революции свидетельство коммунистического проникновения; например, А. Кинси обвиняли в том, что его известный доклад помогает коммунистам.²⁴⁵ Чего стоит хотя бы пассаж из журнала «Христианский антикоммунистический крестовый поход»:

Коммунисты не брезгуют никакими методами для достижения своих целей, сколь бы низкими они ни были... Сталин приказал разрушать мораль пропагандой разврата и внедрением ее в сознание школьников и студентов... Для того чтобы помочь воплотить эти идеи в жизнь, несколько лет назад сотни сексуальных преступников, извращенцев и проституток были помещены в один уединенный городок в Польше, чтобы фотографировать их оргии. Были сделаны тысячи снимков. Миллионы отпечатанных фотографий затем были отправлены по морю на корабле из Турции в Мобил, штат Алабама. Эти фотографии или им подобные сегодня отравляют умы несчетного количества юных американцев.²⁴⁶

Другой аспект исследуемой проблемы предполагает анализ дискурса военной пропаганды как оружия войны. Анализируя историю Холодной войны, С. Энлоэ заметила, что послевоенная конфронтация представляла собой множество поединков за определение маскулинно-

²⁴¹ См.: Eriksen T.H. The sexual life of nations.

²⁴² Keen S. Op. cit. P. 58.

²⁴³ Рябов О.В. «Красный кошмар».

²⁴⁴ Sharp J. Op. cit. P. 102–103.

²⁴⁵ May E.T. Op. cit. P. 101.

²⁴⁶ Christian Anti-Communism Crusade. 1965. Vol. 5. No 9. P. 2.

сти и фемининности.²⁴⁷ Поскольку гендерный дискурс является формой символического насилия, постольку он становится полем жесткой борьбы: аудитории навязываются представления о том, какие именно модели мужского и женского поведения должны быть признаны эталонными.

Действительно, дискурс военной пропаганды определяет гендерный порядок Своих в качестве нормы, а Чужих – в качестве девиации. Соответственно, Свои – это настоящие мужчины, хотя критерии этой мужественности могут быть различные, и данные различия определяются не только особенностями той или иной культуры, того или иного исторического периода, но и отмеченной контекстуальностью пола, гибкостью, пластичностью содержания самих гендерных концептов, которую пропаганда использует в собственных целях. Превосходство собственной маскулинности эксплицируется через моральные и эстетические преимущества; активно используются каноны телесности.²⁴⁸

Эксплуатация военной пропагандой утверждений о женственной природе Врага – тенденция, достаточно хорошо исследованная. Например, в работах К. Хагеманн показано, что во время наполеоновских войн немецкая нация репрезентировала себя в терминах с маскулинными коннотациями; французская нация, напротив, характеризовалась при помощи качеств, обычно ассоциируемых с женственностью.²⁴⁹

Отсутствие мужества, трусость представляет собой одно из главных обвинений, предъявляемых Врагу. Так, достаточно традиционным, особенно для визуальной пропаганды, является пропагандистский сюжет, когда Свои женщины оказываются сильнее неприятельских мужчин.²⁵⁰ Другой вариант подобной демаскулинизации, обвиняющей Врага

²⁴⁷ Enloe C.H. *The Morning after: Sexual Politics at the End of the Cold War*. Berkeley, 1993. P. 18–19. Заметим, что это соперничество велось в самых разнообразных формах и на самых различных уровнях. Например, в таком контексте в качестве оружия Холодной войны может рассматриваться кукла Барби, символизирующая американскую женственность и олицетворяющая ценности гендерного порядка американского общества (De Hart J.S. *Op. cit.* P. 127).

²⁴⁸ О роли эстетического компонента в конкуренции маскулинностей см.: Mosse G.L. *The Images of Man*. P. 59–60.

²⁴⁹ Hagemann K. *A Valorous Volk Family: The Nation, the Military, and the Gender Order in Prussia in the Time of the Anti-Napoleonic Wars, 1806–15* // I. Blom, K. Hagemann, C. Hall (Eds.) *Op. cit.*

²⁵⁰ Riabov O. *Nation and Gender in the Visual Representations of War Propaganda*, http://www.ivanovo.ac.ru/alumni/olegria/nation2_e.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.).

в немужском поведении, представляет собой изображение его прячущимся за женскими спинами (или под женской юбкой).²⁵¹ Например, оппозиция «настоящий мужчина – трус» занимала видное место в пропагандистской риторике как США, так и талибов в период военных действий в Афганистане после 11 сентября 2001 г. «Американцы любят пепси-колу. Мы любим смерть» – так представил эту оппозицию один офицер талибана.²⁵²

Вместе с тем следует принимать во внимание, что маскулинизация Своих и феминизация Чужих – это лишь одна из тенденций пропаганды. Как уже было отмечено, гегемонная маскулинность далеко не всегда включает в себя маскулинные качества в «экстремальной» степени развития. Так, в антииракском дискурсе С. Хуссейн был представлен в качестве «гипермачо», что, помимо прочего, подчеркивало его «отсталость» на фоне новой, «прогрессивной», маскулинности североамериканской культуры.²⁵³ Подобный прием играл не последнюю роль при освещении американскими медиа военной операции в Афганистане: талибов обвиняли в мизогинии и угнетении афганских женщин, которых американские мужчины пришли освободить от «средневековой тирании».²⁵⁴

История войн знает различные способы символической демаскулинизации Врага. Одним из них является, согласно исследованию А. Трекслера, «гендерная резня» – уничтожение всего мужского населения противника; в результате у Врага как бы остается только женский облик.²⁵⁵ Другим способом феминизации побежденного противника ста-

²⁵¹ Напр.: В. Дени Буржуй – Эх, опять от красных удирать надо!.. (Бутник-Сиверский В. Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918–1921. М., 1960. С. 623).

²⁵² Eriksen T.H. The Sexual Life of Nations.

²⁵³ Niva S. Op. cit.

²⁵⁴ Аналогичные дискурсивные стратегии реализовывались и в колониальную эпоху: симпатии к «угнетенным восточным женщинам» со стороны их «белых сестер» были вызваны не только идеалами феминизма, но и теми же идеями о превосходстве и цивилизованности европейцев (и негодованием против отсталых восточных мужчин), что и империалистическая политика (Krishnaswamy R. Op. cit. P. 22). Представляя себя защитниками индийских женщин, британцы преследовали цель скорее демаскулинировать тем самым индийских мужчин, нежели эмансипировать женщин; индийская женщина для колонизатора была, в первую очередь, орудием для демонстрации неполноценности туземной маскулинности (Там же. P. 48).

²⁵⁵ См.: Goldstein J. Op. cit. P. 357.

новится кастрация пленников (или трупов павших воинов). Подобная практика была широко распространена в войнах древности; ее следы можно наблюдать в пропагандистской риторике конфликтов последнего столетия.²⁵⁶ Древний обычай заставлял пленников-мужчин носить женское платье – еще одна форма символической демаскулинизации. Средством демаскулинизации является и гомосексуальное насилие (включая символическое). Пропагандистский дискурс активно пользуется подобными сюжетами: например, среди посланий, начертанных на американских бомбах во время войны в Заливе, было и такое – «Саддам, нагнись!»; имя же иракского лидера часто переименовывалось в «содом».²⁵⁷

О том, что подобные приемы продолжают использоваться в наши дни, свидетельствуют и события в багдадской тюрьме «Абу Грейб» в 2004 г., вызвавшие широкий международный резонанс. Как написала «Вашингтон Пост», трудно придумать более символический пример для высказываемых исламистами предостережений о том, куда может привести западная свобода, чем опубликованный фотоснимок одетой в форму американки, держащей на поводке обнаженного арабского мужчину.²⁵⁸ Одним из мотивов такого поведения американцев называли стремление сломить волю иракцев к сопротивлению.

Наконец, в качестве средства демаскулинизации мужчин противоположной стороны выступает сексуальное насилие над их женщинами – практика, широко распространенная в период военных конфликтов. Систематическое изнасилование женщин на войне представляет собой не только и не столько насилие над конкретной женщиной, сколько способ высшего унижения вражеского сообщества, вторжение в границы Другого, оккупацию его символического места, попрание его мужества.²⁵⁹ «Насилие есть необходимая часть ритуала войны. Случается это редко или часто, война не является выигранной на символическом уровне до тех пор, пока враг не подвергся унижению при помощи унижения, ос-

²⁵⁶ Там же. Р. 358.

²⁵⁷ Там же. Р. 359, 361.

²⁵⁸ Краутхаммер Ч. «Абу Грейб» как символ // The Washington Post. 2004. 7 мая, <http://www.inosmi.ru/print/209471.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²⁵⁹ Yuval-Davis N. Nationalism, Feminism, and Gender Relations. Р. 129; Mostov J. Op. cit. Р. 96.

корбления 'его' женщин». ²⁶⁰ Изнасилованная женщина является знаком того, что мужчина оказался несостоятельным в роли защитника. ²⁶¹ Выявленные закономерности отмечают исследователи различных военных конфликтов. ²⁶²

Таким образом, феминизация Врага призвана показать его слабость. В то же время изображение Врага в женском облике может преследовать цель породить не только ощущение собственной мощи и уязвимости соперника, но и чувство страха перед его силой, коварством и непредсказуемостью – что связано с тем, что в концепте фемининного заключена возможность различных интерпретаций. ²⁶³

В свою очередь, это обуславливает изображение собственной нации в образе женщины. Так, в визуальной пропаганде женские фигуры могут олицетворять силу нации и свидетельствовать о ее военном превосходстве: они не только вдохновляют мужчин на борьбу, но сами оказываются в центре событий, обнаруживая воинскую доблесть. ²⁶⁴

Еще один модус феминизации Своих и маскулинизации Чужих преследует цель обосновать собственное моральное превосходство при помощи атрибутирования себе фемининных качеств. Викторианская парадигма женственности предполагала интерпретацию нравственности (отождествляемой, прежде всего, с бескорыстием и жертвенностью) как фемининного; ²⁶⁵ репрезентации страны при помощи образов непорочных женщин – обычный прием военной пропаганды, призванный убедить в чистоте намерений своей державы и справедливом характере войны с

²⁶⁰ Keen S. Op. cit. P. 120.

²⁶¹ Goldstein J. Op. cit. P. 362. Этим объясняется включение данной темы в риторику войны. Например, во время Первой мировой войны один французский поэт писал: «Немцы, мы будем обладать вашими дочерьми» (Goldstein J. Op. cit. P. 363).

²⁶² Ueno C. Nationalism and Gender. Melbourne, 2004. P. 87–91; Harris R. «Child of the Barbarian»: Rape, Race and Nationalism in France during the First World War // Past and Present. Vol. 41 (Nov. 1993); Keen S. Op. cit. P. 120; Goldstein J. Op. cit. P. 371. Grayzel S. Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France during the First World War. Chapel Hill, 1999.

²⁶³ Об архетипе «Великой Матери» см.: Neumann E. The Great Mother: An Analysis of the Archetype. Princeton, 1963.

²⁶⁴ Rickards M. Posters of the First World War. New York, 1968. P. 25; Riabov O. Op. cit.

²⁶⁵ Elshtain J.B. Public Man, Private Woman: Women in Social and Political Thought. Princeton, 1981.

ее стороны.²⁶⁶ Например, в эпоху наполеоновских войн «Марианна» олицетворяла для французов революцию, жажду свободы, фемининные самоотречение и жертвенность. В пропаганде же соперников Франции «Марианну» представляли воплощением неуправляемой стихии, страсти, распутства, противопоставляя ей собственные национальные символы – «Британию», «Германию», королеву Луизу Прусскую, которые были призваны олицетворять непорочность и материнство.²⁶⁷ Европейские государства трактовали войны с Наполеоном как борьбу за торжество нравственности – и эти женские образы напоминали лишний раз о том, что Добродетель сражается с Пороком. Дж. Моссе подчеркивает, что такой лик женского архетипа, как Непорочная Дева, использовали и пропагандистские машины других стран, участвовавших в наполеоновских войнах, для демонстрации чистоты их намерений. Кроме того, гендерная символика включалась в межконфессиональные (и межэтнические) отношения, поскольку образ Марианны в интерпретации британской и германской пропаганды являлся также аллегорией католического романского мира с его чувственностью, сексуальной свободой, слабым самоконтролем.²⁶⁸

Наконец, в заключительной части параграфа остановимся на вопросе, как в военном дискурсе создается и корректируется гендерный порядок.

С одной стороны, в культурных сценариях войны подтверждаются традиционные роли мужчин и женщин; гендерное неравенство конструируется на войне, подчеркивает Дж. Голдстайн.²⁶⁹ О мужских ролях уже шла речь; как заметила Б. Эренрайх, «мужчины порождают войну – война порождает мужчин».²⁷⁰ Женские роли на войне многообразны, и война так же невозможна без символических женщин, как не существует она и без символических мужчин. Во-первых, как было отмечено, страдания женщин – тот образ пропагандистского дискурса, который обеспечивает успех военной мобилизации. Во-вторых, матери, жены, возлюбленные

²⁶⁶ Mosse G.L. *Nationalism and Sexuality*. P. 90.

²⁶⁷ См. также выразительный рисунок «Контраст» (1792), построенный на противопоставлении «Британии» и «Марианны» (Hunt T.L. *Op. cit.* P. 133).

²⁶⁸ Mosse G.L. *Nationalism and Sexuality*. P. 90; см. также: McCrone D. *Op. cit.* P. 47.

²⁶⁹ Goldstein J. *Op. cit.* P. 412.

²⁷⁰ Hooper C. *Manly States*. P. 82.

благословляют мужчин, легитимируя тем самым их участие в войне. В-третьих, женщины символизируют «нормальное» место, куда солдат возвращается после боев. В связи с этим исключительное значение в пропаганде приобретает образ верной подруги и жены; соответственно, одной из задач контрпропаганды становится попытка посеять сомнения у вражеских солдат в надежности «тыла». В-четвертых, женщины служат воплощением чувств сострадания и жалости, которые нация испытывает по отношению к павшим и раненым на поле боя. В-пятых, они выступают в качестве некой награды, которую получают настоящие мужчины. Лучшие женщины любят тех, кто хорошо воюет, выдавая тем самым мужчинам своеобразный сертификат подлинной мужественности. В-шестых, напротив, женщины ставят под сомнение маскулинность тех мужчин, которые не принимают участие в войне или ведут себя недостойно.²⁷¹

С другой стороны, военный дискурс создает и апробирует новые гендерные модели, ярким примером стало освещение в СМИ войны в Заливе. Во-первых, оно ознаменовало легитимацию новой формы маскулинности, которая сочетает «твердость и нежность». Просвещенной маскулинности Нового мирового порядка разрешены и ориентированность на семью, и сострадание, и чувствительность (хрестоматийный пример – слезы американского генерала Н. Шварцкопфа).²⁷² Однако, как заметил в связи с этим С. Нива, данные отличия от маскулинности периода Холодной войны, олицетворением которой часто называют героев Дж. Вэйна, отнюдь не свидетельствуют о том, что ушли в прошлое патриархат и насилие – просто они приобрели новые формы, позволяющие представить США в качестве страны, имеющей право устанавливать новый гендерный порядок и социальный порядок во всем мире в соответствии с собственным пониманием добра и зла.²⁷³ Во-вторых, в качестве дополнения новой маскулинности (и свидетельства мирового лидерства США) репрезентировалось присутствие в американской армии женщин-военнослужащих – на фоне образов мусульманских женщин, страдаю-

²⁷¹ Типологию женских ролей в военной пропаганде см.: Keen S. Op. cit. P. 60; Goldstein J. Op. cit. P. 306–309; Riabov O. Op. cit.

²⁷² Goldstein J. Op. cit. P. 279.

²⁷³ Niva S. Op. cit. P. 118–119; Hooper C. Manly States. P. 51.

щих от гендерного неравенства в репрессивных, отсталых режимах Востока.²⁷⁴

²⁷⁴ Tickner J.A. Gendering World Politics. P. 55.

II. «Россия-Матушка»

сквозь призму постколониальных исследований

II. 1. «Russianism»: «Mother Russia» в западном дискурсе о России

Россия – жена западного мужчины.
С. Грэм¹

‘Матушка’ Россия против ‘отечества’
западных народов – вот два мира,
которые друг другу далеки.
О. Шпенглер²

Символ русскости в западной культуре – «Mother Russia» – отнюдь не является лишь достоянием истории, оставаясь и сегодня популярным образом беллетристики и кинематографа, комиксов и компьютерных игр, поп-музыки и масс-медиа. Анализ основных значений, которыми наделяется данный концепт в СМИ последних лет, позволяет, на мой взгляд, выявить его главную функцию – функцию символического пограничника. Будучи призванным зафиксировать границу между Россией и Западом, этот термин зачастую используется для обозначения всего того в России, что противоположно или даже враждебно Западу.³

Так, термин «Mother Russia» включается в тексты, рассказывающие о русском национализме. Характер лояльности русских своей стране таков, что следует говорить скорее о «националистической паранойе». Интересы России-Матушки затмевают для русских все, включая нравст-

¹ Graham S. Undiscovered Russia. London, 1912. P. 327.

² См.: Голосенко И.А., Султанов К.В. Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России», <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³ В частности, он используется для характеристики антизападной позиции православной церкви (Кэрил К., Конант Е. Война религий // MSNBC. 2002. 22 августа, <http://www.inosmi.ru/print/156043.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.)). Демонстрируя неспособность русских мыслить в западных категориях права и индивидуализма, авторы также привлекают этот термин (Янсен С. Российские вооруженные силы: «Трансформация без изменения» // Троиш. 2004. 11 июня, <http://inosmi.rian.ru/print/210339.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.)).

венные или правовые принципы – и это может иметь опасные последствия и для самой России, и для других стран. К примеру, в статье «Русский медведь возвращается» американского читателя информируют, что, поскольку «для большинства русских Украина – неотъемлемая часть ‘России’... то для них подтасовки на выборах не играют никакой роли. Для них главное – ‘Россия-Матушка’, ее история, слава и безопасность».⁴ В редакционной статье «The Guardian» утверждается, что причина популярности В. Путина в стране заключается в том, что тот обеспечивает защиту России-Матушки, а как он это делает, россиян не особенно заботит.⁵ Другой автор так объясняет эту популярность: главной мечтой России стала не демократия, но порядок; многие проклинают Б. Ельцина за то, что он позволил сформироваться волчьей стае олигархов, грабящих Россию-Матушку.⁶ Рассматривая в качестве одной из версий причин гибели А. Литвиненко мести ему со стороны бывших коллег из «КГВ», П. Бьюкенен пишет: они вполне могли оставить «послание», написанное полонием-210 – «так будет со всеми, кто предал нас и Матушку-Россию».⁷ Р. Пайпс в статье, опубликованной после событий в Беслане, высказывает мысль о том, что «из-за великодержавной ментальности, не позволяющей им поступиться ни единой пядью России-Матушки», руководство и в определенной степени население страны не хотят предоставлять чеченцам независимость.⁸ Иногда «Россия-

⁴ Брукс П. Русский медведь возвращается // New York Post. 2004. 8 декабря, www.inosmi.ru/translation/215458.html (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁵ Putin power // The Guardian. 2004. March 17, <http://www.guardian.co.uk/print/0,3858,4881453-103682,00.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁶ Starobin P. Russia // Business Week Online. 2003. August 4, http://www.businessweek.com/magazine/content/03_31/b3844022_mz044.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁷ Бьюкенен П.Д. Путина пытаются подставить? // Townhall.com. 2006. 28 ноября, <http://www.inosmi.ru/text/translation/231346.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁸ Pipes R. Give the Chechens a land of their own // The New York Times. 2004. September 9, <http://www.nytimes.com/2004/09/09/opinion/09pipes.html?ex=1252468800&en=5ad63c7f6487f44c&ei=5090&partner=rssuserland> (последнее посещение в декабре 2006 г.); см. также публикации в других западноевропейских и американских изданиях: Osborn A. Mother Russia Looks back to the Soviet Era for a New Patriotism // Sunday Herald. 2005. July 24, <http://www.sundayherald.com/50948> (последнее посещение в декабре 2006 г.); Viktor Yanukovich, Mother Russia's favorite son // Time Europe. 2004. November

Матушка» превращается в самостоятельный персонаж подобного нарратива: она, сообщает автор одной из статей, гордится тем, что ее сын В. Путин «ввергает Грозный в каменный век». «Она балует его не только несмотря на устроенную им бойню в Чечне, а, наоборот, благодаря ей»; и чем больше им пролито крови, тем сильнее его зависимость от России-Матушки.⁹

Помимо шовинизма, «Mother Russia» призвана символизировать «архаичность» России, ее «дикость», «нецивилизованность». Например, в одной испанской газете появляется статья, в которой обиженный автор сообщает немало, мягко говоря, нелицеприятных вещей о «варварской России»; статья же лаконично озаглавлена «Madre Rusia», хотя, заметим, в тексте статьи этот термин не встречается ни разу.¹⁰

В контексте нашего исследования принципиально, что его используют также при характеристике природных богатств и религиозности, языка и земли, демографических вопросов и женской красоты – то есть этнических компонентов нации, которые, как было отмечено в предыдущей главе, маркируются в качестве фемининного.¹¹

29, news.ru/cgi-bin/storedoc.cgi?rec_id=792581826&DM=06.12.2004+15:12&DS=38333&L=ru (последнее посещение в декабре 2006 г.); Пил К. Путин – жертва своих собственных ошибок // *The Financial Times*. 2004. 16 декабря, <http://www.inopressa.ru/print/ft/2004/12/16/09:38:22/putin> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁹ Brezna I. Matuschka Rossija und ihr Sohn // *Freitag*. 2000. 22.9. S. 18, <http://www.freitag.de/2000/39/00391801.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹⁰ Tome J. Madre Rusia // *Diario de Leon*. 28 de Marzo de 2005, http://www.diariodeleon.com/se_opinion/noticia.jsp?CAT=108&TEXTO=2554905 (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹¹ Напр.: Брукс Д. Скорбь по России-матушке // *New York Times*. 2005. 29 апреля, <http://www.inosmi.ru/print/219286.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); Buchanan P.J. The passing away of Mother Russia // *Townhall.com*. 2003. February 26, http://townhall.com/columnists/PatrickJBuchanan/2003/02/26/the_passing_away_of_mother_russia (последнее посещение в декабре 2006 г.); Page J. Mother Russia now sees more abortions than babies born // *The Times Online*. 2005. September 24, <http://www.timesonline.co.uk/article/0,,13509-1794617,00.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); Он же. Mother Russia and a Cash Deal for Babies // *The Times Online*. 2006. May 11, <http://www.timesonline.co.uk/article/0,,13509-2174595,00.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); Штейн М. Смерть матушки-России // *The Spectator*. 2005. 24 октября, <http://www.inosmi.ru/text/translation/223219.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); *Mothering Russia* // *Christian Science Monitor*. 2006. May 19, <http://www.csmonitor.com/2006/0519/p08s02-comv.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

Таким образом, «Mother Russia» призвана промаркировать Россию, во-первых, как Иное, и во-вторых, как фемининное. Подобная ситуация в современных СМИ выявляет важную составляющую западного дискурса о России – идею женственности «русской души», имеющую глубокие исторические корни в западной культуре.¹²

Объяснить эту феминизацию России, на мой взгляд, помогает постколониальная теория. Дискурсивная формация, репрезентирующая Россию в качестве «радикально Иного» Запада,¹³ может быть обозначена как Russianism.¹⁴ Сама идентичность Запада конструируется через исключение России, которая обозначает границу западной цивилизации в географическом, культурном, религиозном, политическом аспектах.

Так, О. Шпенглер пишет:

Россия – это не другой народ, а другой мир. Россия вообще не представляет собой народа, как немецкий или английский. Разницу между русским и западным духом необходимо подчеркивать самым решительным образом. Как бы глубоко ни было душевное и, следовательно, религиозное, политические и хозяйственные противоречия между англичанами, немцами, американцами и французами, но пред русским началом они немедленно смыкаются в один замкнутый мир <...> Настоящий русский нам внутренне столь же чужд, как римлянин эпохи царей и китаец времен задолго до Конфуция, если бы они внезапно появились среди нас. Он сам все это время сознавал, проводя разграничительную черту между 'матушкой Россией' и Европой.¹⁵

Поскольку Россию воспринимали в качестве «периферии» по отношению к Западу-«центру», постольку ей атрибутировали те качества, которые в бинарных оппозициях занимают периферийное место и потому в дискурсе Модерности устойчиво маркируются как фемининные. Таким образом, Россия была «обречена» называться женственной.

¹² См., напр.: Pares V. Russia: Between Reform and Revolution. New York, 1962. P. 166; Graham S. Op. cit. P. 327–330; см. также: Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991. С. 353.

¹³ Термин Б. Гройса (Гройс Б. Поиск русской национальной идентичности // Вопросы философии. 1992. № 1).

¹⁴ Riabov O. «Mother Russia» and Constructing the Images of Enemy in Russian Nationalistic Discourses during World War I: Paper on Seventh Annual ASN World Convention «Peoples, Nations, and States: A Cross-Disciplinary Convention» / Harriman Institute, Columbia University, New York, 2002, April, 13.

¹⁵ Шпенглер О. Прусская идея и социализм. Берлин, б.г. С. 151. См. также: Он же. Закат Европы // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 145.

Эти положения, разумеется, необходимо сопроводить рядом оговорок. Очевидно, западный дискурс о России не является ни неизменным, ни гомогенным.¹⁶ Вместе с тем, как показывают исследования последних лет, основным («стратегическим», по выражению И. Нойманна) дискурсом является репрезентация России в качестве «радикально Иного», в то время как другие дискурсы занимают маргинальное место.

Инаковизация России определяется многими факторами и в различные периоды осуществлялась при помощи различных маркеров. С одной стороны, Russianism – это исторический феномен, связанный с эпохой Модерности и с теми ценностями, на которых та была основана и которые требовалось отрицать в Другом. С другой стороны, ряд обстоятельств, берущих начало в более раннюю эпоху, способствовал превращению России в Другого Запада (а иногда и во Врага № 1).

Отметим важнейшие диакритики. Прежде всего, инаковизация России осуществлялась при помощи оппозиции «цивилизация – варварство». Именно с идеей цивилизации, родившейся в трудах философов эпохи Просвещения, связывается «изобретение» всей Восточной Европы в исследовании Л. Волфа.¹⁷ Россия воспринимается как нечто отсталое, как то, что принадлежит прошлому. Так, Г. Лейбниц назвал русских «крещеные медведи».¹⁸ Медведь, заметим, заслуживает особого внимания – в силу того, что и по сей день он является популярным символом России, особенно в западных СМИ. Мотив угрозы, заключенный в этом образе, очевиден; не меньший интерес представляет использование его в качестве символа природности России. Как отмечает П. Меллер, в текстах европейских авторов XVIII в. русские, ассоциируемые с телесным и

¹⁶ Динамика взглядов на Россию получает освещение в фундаментальном исследовании М. Малиа (Malia M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge; London, 1999); см. также: Wolff L. *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, 1994; Neumann I.B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London; New York, 1996.

¹⁷ Wolff L. *Op. cit.*

¹⁸ См.: Кантор К. Кентавр перед Сфинксом // Кентавр перед Сфинксом: (Германо-российские диалоги) / Под ред. К. Кантора. М., 1995. С. 36. Фридрих II упрекал Вольтера за его решение «писать историю сибирских волков и медведей», то есть обратиться к истории России, а его отец, Фридрих-Вильгельм, считал московитов медведями, которых нельзя спускать с цепи, ибо потом их обратно не посадишь (Лиштенан Ф.Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I // Вольтер и Россия / Под ред. А.Д. Михайлова, А.Ф. Строева. М., 1999. С. 83, 80).

природным, противопоставлялись европейцам, ассоциируемым с разумом и цивилизацией; именно это явилось отправной точкой представлений о России как об *ursa major*.¹⁹ Русских «варваров» сравнивают со скифами,²⁰ гуннами,²¹ вандалами.²² А. Гобино пишет, что славяне (русские, поляки, сербы) цивилизованы только на поверхности: высшие классы усваивают идеи Запада лишь благодаря постоянному приливу английской, французской и германской крови; массы же невежественны относительно достижений западной цивилизации.²³ Согласно его «диагнозу», славяне (подобно кельтам) утратили свой арийский характер и стали опасны как фактор расового вырождения.²⁴

Детство – еще один маркер отсталости, который используется для характеристики России-Иного; так, еще в начале XVIII в. англичанин В. Ричардсон написал: «Русские – это бородатые дети».²⁵ Между тем, как было отмечено в предыдущей главе, детскость активно использовалась для маркировки «Всего Остального».

Разделение христианства на западную и восточную ветви, взаимные обвинения в ереси обеих церквей также способствовали дискурсивному вытеснению православной России за пределы нормы под назва-

¹⁹ См.: Neumann I.B. *Uses of the Other: «The East» in European Identity Formation*. Minneapolis, 1999. P. 80–81.

²⁰ Наполеон, ужасаясь московскому пожару, восклицал с восхищением и осуждением одновременно: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди! Это – скифы!» (См.: Тарле Е.В. *Наполеон*. М., 1991. С. 274). Заметим, что сравнение со скифами – распространенный прием инаковизации и «варваризации» Другого; так обозначали, например, ирландцев в английском колониальном дискурсе (Jones A.R., Stallybrass P. *Dismantling Irena: The Sexualizing of Ireland in Early Modern England* // A. Parker, M. Russo, D. Sommer, P. Yaeger (Eds.) *Op. cit.* P. 159–160). И. Нойман отмечает, что этот маркер остается востребованным в репрезентациях России и в настоящее время (Neumann I.B. *Uses of the Other*. P. 69).

²¹ «Гунны» – так обозначаются русские в «Завещании Фридриха Великого» (1768) (Malia M. *Op. cit.* P. 74); «гуннландия» – обычное название России в Германии в годы Первой мировой войны (Лакер У. *Россия и Германия: Наставники Гитлера*. Вашингтон, 1991. С. 65).

²² *Rußland und Deutschland von einem Engländer*. Stuttgart, 1883.

²³ Gobineau A. *Essay on the Inequality of the Human Races* // Gobineau A. *Selected Political Writing*. London, 1970. P. 83.

²⁴ Biddiss M.D. *Father of Racist Ideology: The Social and Political Thought of Count Gobineau*. New York, 1970. P. 123, 125.

²⁵ Richardson W. *Anecdotes of the Russian Empire* // Putnam P. (Ed.) *Seven Britons in Imperial Russia, 1698–1812*. Princeton, 1952. P. 174.

нием «Запад».²⁶ Необходимо упомянуть другую модификацию конфессионального маркера: нередко русскому православию вообще отказывали в праве считаться ветвью христианства.²⁷ Со времени Реформации христианство означало и определенный уровень цивилизованности, проявляющейся в том числе в типе политического режима – тот же, кто не отвечал этим критериям, не считался и настоящим христианином.²⁸ Иными словами, «христианство» здесь – это не столько соответствие канонам религии, сколько тот диакритический элемент, который призван отделить «цивилизованных» Своих от «варварских» Чужих.

Иногда роль идентификатора выполнял «расовый» фактор: например, в годы Холодной войны коммунизм (со всеми его не-западными коннотациями) выводился из «сущности славянства».²⁹ Впрочем, нередко, особенно авторами из Восточной Европы, по понятным причинам избираются другие диакритики. Ф. Духинский, польский славянофил, разделяя идеи высокого призвания славянства, русским в праве называться славянами отказывает, утверждая, что те скорее угро-финны.³⁰

Гораздо чаще русских записывали в азиаты, и наиболее заметной формой инаковизации России стали репрезентации ее как воплощения Востока.³¹ Россия с ее «азиатским деспотизмом» рассматривается в качестве наследницы империи Ахеменидов, когда-то угрожавшей свободолюбивым грекам.³² Ф. Гизо, Ж. Мишле, Л. Ранке, создавая свои истории европейской цивилизации, оставляли за скобками повествования исто-

²⁶ Harle V. Op. cit. P. 68–71.

²⁷ Не случайно войны против России получали статус крестовых походов – например, Ливонская война или Холодная война (Neumann I.B. Uses of the Other. P. 74).

²⁸ Там же. P. 72–73.

²⁹ Wolff L. Op. cit. P. 371.

³⁰ См.: Prizel J. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge, 1998. P. 44. Об аналогичных умопостроениях в современном украинском национализме см., напр.: Палий А. Неизвестная Россия // Украинская правда. 2006. 20 декабря, <http://www.inosmi.ru/text/translation/231784.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³¹ Параллели между ориентализмом и дискурсом «русских исследований» отмечены в статье Е. Ярской-Смирновой (Ярская-Смирнова Е. Взгляды снаружи, взгляды изнутри. «Мать Россия» в постсоветской антропологии // Гендерные исследования. № 4. (1999).

³² Malia M. Op. cit. P. 3.

рию России.³³ В том, что в русских сильно влияние Азии, сходились И. Кант и А. де Кюстин, А. Гобино и Н. Гартман.³⁴ Многие грани русскости объясняют влиянием азиатского начала. В XIX в. получила распространение следующая сентенция: «Поскребите русского, и вы обнаружите татарина».³⁵ Одним из проявлений азиатской природы русских считали кочевнический характер их жизни.

Настоящий русский остается кочевником в своем жизнеощущении, подобно китайцу из северных провинций или тюрку. Его дом — не деревня, но бесконечная равнина, Россия-Матушка. Душа этого бесконечного ландшафта управляет им в его бесцельных блужданиях. 'Воля' отсутствует.³⁶

Несложно догадаться, что чаще всего подобная ориентализация преследовала цель пробудить не самые добрые чувства по отношению к России. Скажем, это было характерно для обоснования наполеоновских войн, Первой и Второй мировых войн.³⁷ Как победа монголо-татарского начала над арийским компонентом русской цивилизации интерпретируется Октябрьская революция, например, в текстах А. Розенберга.³⁸ В геополитическом лексиконе времен Холодной войны, как отметил Э. Саид, Восток обозначал прежде всего СССР и его союзников.³⁹ В разгар борьбы Эстонии за выход из Советского Союза эстонский политик Т. Маде опубликовал статью, в которой утверждал, что русских женщин на протяжении веков насиловали монголо-татары — поэтому ментальность русских имеет больше схожего с азиатской, нежели с европейской.⁴⁰ Заметим, что подобный аргумент был призван показать не только цивилизационную ущербность (и расовую чуждость), но и гендерную неполноценность русских: они не в состоянии защитить своих женщин.

³³ Там же. P. 102.

³⁴ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798 // Соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 352, примеч.; Кюстин А. де. Резюме путешествия // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 91; см.: Biddis M.D. Op. cit. P. 251; см.: Слонимский Л. Германские ученые и милитаризм // Вестник Европы. 1914. Кн. 9. С. 313.

³⁵ Malia M. Op. cit. P. 129.

³⁶ Spengler O. The Hour of Decision. New York, 1983. P. 62; см. также: Neumann I.B. Constructing Europe: Russia as Europe's Other // U. Hedetoft. (Ed.) Political Symbols, Symbolic Politics: European Identities in Transformation. Aldershot; Brookfield, 1998. P. 239.

³⁷ Neumann I.B. Constructing Europe. P. 239.

³⁸ Rosenberg A. Selected Writings. London, 1978. P. 78.

³⁹ Said E. Op. cit. P. 74.

⁴⁰ См.: Neumann I.B. Uses of the Other. P. 107.

Варварство, детскость, восточность – эти маркеры характеризуют Россию как Иное в возрастном, геополитическом и культурно-цивилизационном смыслах и тем объединяются с маркером фемининности, которая есть Иное в гендерном смысле. Еще раз подчеркнем: постулат об инаковости России лежит и в основании представлений западной культуры об ее женственности, ибо «быть Другим» в андроцентрической культуре Модерности означает в числе прочего «быть женщиной».

Важную функцию в демонстрации фемининной инаковости выполняет атрибутируемая русской культуре «матрифокальность». Грани русскости нередко выводятся из преобладания материнского начала в русской культуре, из того, что русский воспринимает Вселенную как своеобразный космос матери;⁴¹ при этом акцентируется внимание на различных формах сакрализации материнства на Руси (культ Богородицы, почитание Софии-Премудрости Божией, поклонение Матери-сырой земле).⁴²

Постоянное место в «архиве» исследуемой дискурсивной формации занимает миф о русской женщине, который становится еще одним фактором инаковизации/ феминизации образа России. Именно женщина объявляется своеобразным воплощением русскости;⁴³ так, С. Грэм, описывая место женщины в российском обществе, заключает: «Россия сильна женщинами».⁴⁴ В глазах В. Шубарта она объединяет в себе все преимущества западных сестер. С англичанкой она разделяет чувство женской свободы, не превращаясь при этом в «синий чулок». Русская

⁴¹ Например, В. Шубарт связывает с этим доверие к бытию – основополагающую, по его мнению, черту русскости. Русский уверен в неиссякаемой питающей силе матери-земли. Для него она не противник, у которого они вырывают плоды своего труда, а мать, которая и милостива, и щедра (Шубарт В. Указ. соч. С. 89). Д. Ранкур-Лаферьер объясняет «матрифокальностью» мазохизм, терпение, смирение, фатализм, упование на «авось»; исследователь называет «любовь-ненависть» русских к России не «патриотизм», а «матриотизм» (Rancour-Laferriere D. The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering. New York; London, 1995. P. 138, 225).

⁴² Еще в средние века некоторые западноевропейские авторы трактовали отмеченный ими в России обычай поклонения земле как свидетельство чуждости русских христианству (Harle V. Op. cit. P. 69). О. Шпенглер уверяет, что «русский начисто лишен отношения к Богу-Отцу», и связывает с этим многие особенности русского культурного кода (Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. М., 1996–1998. Т. 2. С. 308, примеч.); см. также: Шубарт В. Указ. соч. С. 182.

⁴³ Напр.: Шубарт В. Указ. соч. С. 183–184.

⁴⁴ Graham S. Op. cit. P. 326–327.

женщина обладает тонким вкусом француженки, тем же чувством красоты и элегантности, не становясь жертвой тщеславного пристрастия к нарядам. Она обладает добродетелями немецкой домохозяйки, не сводя жизнь к кастрюлям; и она, как итальянка, обладает сильным чувством материнства, не огрубляя его до животной любви. К этим качествам добавляются еще грация и мягкость, свойственные только славянам.⁴⁵

Наконец, феминизация русскости поддерживается за счет привлечения гендерной метафоры. Русскость нередко прямо маркируют как фемининность; основные черты образа России определяются как женственные.⁴⁶ Так, В. Шубарт пишет о «женственном непостоянстве» и «женственной уступчивости» русских.⁴⁷ Гендерная маркировка России очевидна и в тех составляющих ее образа, соотносительность которых с фемининным в гендерной картине мира не вызывает сомнений.

Среди традиционных свойств русскости называют бесформенность⁴⁸ – и связанные с ней склонность к анархии,⁴⁹ стремление во всем доходить до крайностей,⁵⁰ противоречивость, пассивность,⁵¹ упование на

⁴⁵ Шубарт В. Указ. соч. С. 184.

⁴⁶ О феминизации славян в германском антропологическом дискурсе конца XVIII в. см.: Zantop S. The Beautiful, the Ugly, and the German: Race, Gender, and Nationality in Eighteenth-Century Anthropological Discourse // P. Herminghouse, M. Mueller (Eds.) Op. cit. P. 28–29.

⁴⁷ Шубарт В. Указ. соч. С. 85, 181.

⁴⁸ Г. Гессе характеризует русскость как «неоформленный душевный материал» (см.: Malia M. Op. cit. P. 212). Постоянно возрождающаяся протоплазматическая аморфность – это самый глубинный аспект русской экзистенции, отмечает Х. Ортега-и-Гассет (Ortega y Gasset J. España invertebrada. Madrid, 1971. P. 133–134).

⁴⁹ В сфере государственности русские оказались неудачниками больше, чем в какой-либо другой области культуры (Шубарт В. Указ. соч. С. 96).

⁵⁰ «Россия есть империя крайностей и контрастов, идет ли речь об облике страны, ее климате или просто о характере русских» (Lyll R. The Character of the Russians and a Detailed History of Moscow. London, 1823. P. XI). «Ничто не имеет здесь границ: ни горести, ни воздаяния, ни жертвы, ни надежды» (Кюстин А. де. Резюме путешествия. С. 101). «Золотая середина здесь неизвестна...» (Он же. Николаевская Россия. М., 1990. С. 246). «В калейдоскопе идей русский всегда ищет крайнее, абсолютное» (Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 413). В. Шубарт противопоставляет западную «культуру середины» и русскую «культуру конца» (Шубарт В. Указ. соч. С. 86).

⁵¹ Гердер И.-Г. Идеи о философии истории человечества // Избр. соч. М.; Л., 1959. С. 267). Проявление фемининных не-оформленности и пассивности обнаруживают в такой грани русскости, как неспособность к длительному воле-

«авось»,⁵² своеобразную открытость и незавершенность русского бытия⁵³ (потому здесь возможно все, и сама вера в ее будущее проистекает из образа России как «чистого листа», как потенциальности).⁵⁴ Русскость – это природность⁵⁵ и обуславливаемые ею преобладание эмоционального над рациональным и размытость границы, отделяющей одну личность от другой (что имеет следствием сострадание, устремленность к братству между людьми, с одной стороны,⁵⁶ и отрицание персональной

вому усилию (Pares В. Op. cit. P. 254). Русские не доводят до конца то, за что берутся (Шубарт В. Указ. соч. С. 100).

⁵² В подобных условиях, когда жизнь непредсказуема, всякое прогнозирование и планирование лишаются смысла (Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997. С. 30, 78–79). А. Вежбицкая связывает «авось» с темой, пронизывающей насквозь, по ее оценке, русский язык и русскую культуру – темой судьбы, неконтролируемости событий, существования в рационально непознаваемом мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями и подчинили себе окружающий нас мир (Там же. С. 79). Русский стойко верит в неограниченные возможности не собственного активного поведения, но внешней силы, которую он именуется «Бог» или «судьба» (Lanin E.B. (Dillon E.J.) Russian Characteristics. L., 1892. P. 99–100). Русский по натуре – игрок, поскольку любит случай, щекочущий азарт риска и упоение от непредсказуемого (Шубарт В. Указ. соч. С. 11).

⁵³ Незавершенность окружающего космоса порождает веру в его способность радикально меняться. Нет ничего устоявшегося и окончательного; мир не определен. В глубине души русский верит, что Бог или судьба по своему усмотрению могут поменять все на свете. В России не существует окончательности, завершенности. Архангелы и серафимы могут быть низвергнуты с небес; дьявол имеет чудесный шанс к спасению; Каролинские острова в один прекрасный день могут быть обнаружены в Индийском океане, а Земля – стать центром Солнечной системы. Все хорошее может стать плохим – и наоборот. И получается, что твердых правил игры просто не существует. В России невозможно предсказывать будущее. Поэтому русские живут только настоящим (Lanin E.B. Op. cit. P. 21).

⁵⁴ Раз нет ничего раз и навсегда зафиксированного, раз правила игры не установлены – значит, все можно исправить, переделать, перестроить. Россия и воспринимается как страна, в которой возможно всё: и стремительные взлеты, и необъяснимые падения. М. Бэринг замечает, что Россия – это страна, «где ничто не столь абсурдно, что не могло бы случиться» (см.: Лосский Н.О. Указ. соч. С. 335). «Россия – страна неограниченных возможностей» – это весьма популярная характеристика страны (Baring M. The Russian People. London, 1911. P. 5; Шубарт В. Указ. соч. С. 84; Broda M. Najtrudniejsze z rosyjskich wyznan?: Zagadka Leontjewa i Rosja. Lodz, 1995. S. 97–98).

⁵⁵ Гердер И.-Г. Указ. соч. С. 267.

⁵⁶ Русские ощущают себя не просто соотечественниками, но родственниками, одной большой семьей, что хорошо заметно по этикетным формам обращений – «батюшка», «отец» и т. д. (Baring M. Op. cit. P. 81).

ответственности и долга, с другой⁵⁷). Это – приоритет моральных оценок над правовыми; такое искание абсолютного добра, «правды», оборачивается неуважением к праву как добру относительному.⁵⁸ Это – пластичность,⁵⁹ которая интерпретируется и как всечеловечность, и как отсутствие оригинальности.⁶⁰ Постоянная фемининная характеристика русских и славян вообще – это мягкость; в отношении ближнего она проявляется как доброта и милосердие, в отношении других народов – как миролюбие и уживчивость,⁶¹ в отношении обязательств – как непостоянство,⁶² в отношении власти – как покорность,⁶³ в отношении жизненных обстоятельств – как смирение, терпение, жертвенность.⁶⁴ Это – интуитивное познание.⁶⁵ Это, наконец, религиозность.⁶⁶

⁵⁷ «Под этим низким небом не существует никакого 'я'. 'Все виноваты во всем', т.е. 'оно' на этой бесконечно распростершейся равнине виновно в 'оно'... Поэтому и должен Иван Карамазов назваться убийцей, хотя убил другой. Преступник *несчастный* – это полнейшее отрицание фаустовской персональной ответственности» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 307, примеч.).

⁵⁸ «Может быть, то воля провидения, – принизить правовое сознание русских, чтобы где-то когда-то в одном уголке земли могло быть осуществлено учение Христа о примате любви» (Шубарт В. Указ. соч. С. 64). Евангельская мораль с ее максимой «не человек для субботы, а суббота для человека» не может быть реализована в Европе. Римское правовое мышление великолепным образом помогает жить по Ветхому Завету, но оно затрудняет следование Завету Новому (Там же. С. 163).

⁵⁹ Baring M. Op. cit. P. 48–53.

⁶⁰ «Россия – общество имитаторов...» (Кюстин А. де. Резюме путешествия. С. 89). В умении перевоплотиться и склонности к подражанию видели причину способности русских приспособляться к иностранным обычаям (Брандес Г. Наблюдения и размышления // Собр. соч.: В 20 т. СПб., 1904. Т. 19. С. 27). Этими же качествами объясняют их художественную одаренность (Шубарт В. Указ. соч. С. 181).

⁶¹ Напр.: Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians: In 3 vols. Vol. 1. New York, 1893. P. 164.

⁶² Б. Пэрс иллюстрирует эту необязательность словом «отхотел» (Pares V. Op. cit. P. 255). «Прах, дым и хаос: ничего другого не могут дать эти непостоянные умы!» – бросает в сердцах А. де Кюстин (Кюстин А. де. Николаевская Россия. С. 246). Смена крайностей «придает русскому характеру нечто капризно-женственное» (Шубарт В. Указ. соч. С. 85).

⁶³ В Америке в основе деятельности лежит свобода, в России – рабство (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994. С. 296).

⁶⁴ По страницам западных книг о России кочует образ русского мужика, суть философии которого выражает слово «ничего» – как ответ на все житейские неурядицы (Pares V. Op. cit. P. 253; Baring M. Op. cit. P. 40; Mehnert K. The Anatomy of Soviet Man. London, 1961. P. 32; Wallace Mackenzie D. Russia: In 3 vols. London, 1912. Vol. 1. P. 22; Miller W.W. Russians as People. New York, 1961. P. 86; Smith H. The Russians. New York, 1976. P. 111). Сильное впечатление на иностранцев производит отсутствие страха смерти, которое, как они полагают,

В заключение обратимся еще к одной, столь часто отмечаемой, грани русскости – «таинственности», символизирующей восприятие России в качестве «радикально Иного» по отношению к маскулинному рациональному Западу. «Россия – Сфинкс» – эта метафора, ставшая особенно популярной после появления блоковских «Скифов», нередко встречается в западных текстах. Запад в роли Эдипа перед ликом загадочной России – весьма выразительный образ, отражающий устойчивый мотив западного образа России. Миф о русской загадке получил широкое распространение и в массовой культуре, и в историософских концепциях.⁶⁷ Еще в 1855 г. Б. Бауэр написал:

типично для русских, например: «Никто не умеет так страдать, как русский; никто не умеет так умирать, как русский» (Leroy-Beaulieu A. Op. cit. P. 164). В. Шубарт связывает и эту черту русскости с женственностью России, с влиянием на нее азиатских культур, которые «дышат уверенностью жизни, чувствующей себя вечной. Это – женственный склад, поскольку женщина живет в спокойствии своего рода, мужчина – в беспокойстве своего отдельного существования» (Шубарт В. Указ. соч. С. 180). О. Шпенглер отмечает «бесконечное русское смирение и готовность к жертвам» (Шпенглер О. Прусская идея и социализм. С. 154); см. также: Chamberlin W.H. The Russian Enigma. New York, 1943. P. 47; Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 168–169; Камю А. Бунтующий человек. М., 1989. С. 352. Русские любят использовать для обозначения собственной страны термин «многострадальная Русь» (Chamberlin W.H. Op. cit. P. 12), причем они не просто страдают, но сделали из страдания культ (Rancour-Laferriere D. Op. cit. P. 5).

⁶⁵ Напр.: Шубарт В. Указ. соч. С. 104; Lanin E.B. Op. cit. P. 47.

⁶⁶ Так, С. Грэм пишет, что Святая Русь – это душа Европы, это «наш союз с Богом», уподобляя Запад библейской Марфе, которая «печется о многом», Россию же – Марии, которая думает о Боге (Graham S. Op. cit. P. 329–331; см.: Лосский Н.О. Указ. соч. С. 252–253). О. Шпенглер пророчествует: в «глубоких недрах России» готовится «рождение новой религии» (Шпенглер О. Прусская идея и социализм. С. 158). Другой критик идеалов Просвещения, А. Меллер ван дер Брук, с надеждой писал, что только русские способны еще родить Христа или Будду (См.: Malia M. Op. cit. P. 214–215). Тезис о приверженности русских христианству способствовал распространению русофилии среди представителей консервативной идеологии в Европе XIX в.; назовем, в частности, Ф. Баадера (см.: Там же. P. 135–137). «Не будет преувеличением говорить о врожденном христианстве русской, а может быть, даже и славянской души. Русские были христианами до того, как приняли христианство. Они были христианами до Христа» (Шубарт В. Указ. соч. С. 169).

⁶⁷ Рябов О.В. «Умом Россию не понять»: Гендерный аспект «русской загадки» // Женщина в российском обществе. 1998. № 1; Он же. «Россия-Сфинкс»: Гендерный аспект западного образа «таинственной русской души» // Гендер как интрига познания / Под ред. А.В. Кириловой. М., 2000.; Брода М. Понять Россию? М., 1998; Lewandowski E. Rosyjski sfinks: Rosjanie wsrod narodow swiata. Lodz, 1999.

Этот народ с лицом человека и туловищем льва есть Сфинкс, который стоит перед современной Европой и дает ей задачу – истолковать загадку будущего. Глаза этого чудовища неотрывно направлены на Европу, мощные лапы подняты и изготовлены к удару; если Европа ответит на вопрос – она спасена; но если она перестанет трудиться над этим вопросом, оставит его или предоставит дело случаю, то станет добычей Сфинкса, который прижмет ее с железной силой.⁶⁸

Редкая западная книга о России обходится без упоминания о «загадочной русской душе»; о ней писали, например, такие разные авторы, как О. Шпенглер и А. де Кюстин, В. Шубарт и Й. Геббельс.⁶⁹ На Западе, в частности, в сегодняшних СМИ, любят вспоминать слова У. Черчилля, охарактеризовавшего политику России как «загадку, облаченную в тайну за семью печатями».⁷⁰

Теперь обратимся к вопросу о том, какие функции в западном дискурсе выполняет такого рода «воображение» России. Во-первых, тем самым обеспечивается большая отчетливость, «видимость» внешних границ Запада. При этом идентичность Запада – как и в случае с ориентализмом – строится вокруг ценностей, маркируемых как маскулинные (рациональность, сила, организованность, право, индивидуализм). В наши дни, когда восточная граница «Европы» является и границей России, укрепление европейскости за счет противопоставления России, а иногда и откровенной русофобии становится заметной тенденцией.⁷¹

Во-вторых, подобный образ России представляет собой фактор поддержания социального порядка в самих западных обществах. Так, И. Нойманн, анализируя внутривнутриполитические дискурсы ведущих политических сил западноевропейских обществ XIX в. (либералов, консерваторов и радикалов), отмечает активное использование ими данного об-

⁶⁸ См.: Кантор К. Указ. соч. С. 36–37.

⁶⁹ См.: Рябов О.В. «Умом Россию не понять». «Для нас русская душа – за грязью, музыкой, водкой, смирением и своеобразной грустью – остается чем-то непостижимым. Наши суждения о России – суждения поздних и духовно созревших городских жителей совсем иной культуры – мы создаем их сами. То, что мы здесь ‘познаем’ – это не первые проблески теперь лишь рождающейся души... но созданный нашим духом образ этой души; он возникает на основании поверхностного взгляда о русской жизни и русской истории» (Шпенглер О. Прусская идея и социализм. С. 152–153).

⁷⁰ «A riddle wrapped in a mystery inside an enigma» (см.: Chamberlin W.H. The Russian Enigma. New York, 1943. P. 1).

⁷¹ Neumann I.B. Constructing Europe.

раза.⁷² Кроме того, он включается в дискурсивные практики поддержания и корректировки гендерного порядка, выполняя роль своеобразного «послания» западным женщинам и мужчинам. Это заметно в мифологизации русской женщины. Например, М. Бэринг пишет о том, что русским женщинам свойственно разделять все интересы любимого мужчины, но при этом сохранять свою женственность и не оставлять дом.⁷³ В. Шубарт отмечает, что восприимчивость к ценностям и настроениям женственного свойства характерны для культур азиатских; в Европе же женщине удалась эмансипация – благодаря влиянию христианства, которое социально освободило и нравственно возвысило женщину.

И тут вновь проявляется особенность России как христианской части Азии. Когда инстинктивно азиатская склонность к женской сущности встречается с осознанно христианским уважением к ней, можно ждать удивительных результатов. Итогом такого совпадения, которое не повторяется нигде и н и к о г д а на земле, стала *русская женщина*.⁷⁴

Итак, русская женщина одновременно и мать, и возлюбленная, и спутница жизни; она разделяет все духовные интересы мужа и в то же время ни в коем случае не «феминистка» и не «синий чулок». Как возможен этот – наверное, для мужчин всего мира идеальный – вариант решения всех женских вопросов? В андроцентрической культуре женщина представлена либо как «восточная» (со всеми ее плюсами и минусами), либо как «западная» – и третьего не дано. России же как Востоку-Западу и здесь дан этот третий путь, синтезирующий все достоинства и Азии, и Европы. Россия как Иное есть топос, где возможно то, что более невозможно «нигде и никогда», ни в одном «нормальном» месте; Россия-Иное – это идеальное ментальное пространство для конструирования самых произвольных схем. Реальные качества моих соотечественниц в конструировании такого мифа играют отнюдь не решающую роль – если бы русской женщины не было, ее следовало бы придумать. Подтекст приведенных выше рассуждений авторов, пожалуй, таков: «наши», европейские феминистки требуют равноправия, мотивируя это высоким уровнем своего развития. Однако русские женщины несколько не усту-

⁷² Там же. Р. 242.

⁷³ Baring M. Op. cit. P. 275.

⁷⁴ Шубарт В. Указ. соч. С. 183 (разрядка моя. – О.Р.).

пают западным сестрам, но при этом остаются женственными и милыми существами и не стремятся господствовать над мужчинами.

В-третьих, подобного рода репрезентации русской культуры использовались в легитимации определенного отношения к России. Возможный контекст мифа о русской женщине обозначен в сочинении англичанина Р. Лайэля, написанном почти два столетия назад. Тот отмечает, что его соотечественник, некий Э. Кларк, восторгается русской женщиной; русские мужчины же при этом представлены им в самом неприглядном свете. Комментируя столь резкое противопоставление мужского и женского образов, Р. Лайэль высказывает следующее суждение: доктор Кларк почти заставляет нас поверить, что русская женщина происходит из другой расы, совершенно отличной от расы русских мужчин. Однако вряд ли это соответствует действительности; скорее Э. Кларк чрезмерно восхищается женщинами лишь для того, чтобы создать наибольший контраст русским мужчинам.⁷⁵

Действительно, такой образ сильной женщины требует коррелята в виде образа слабого мужчины и соответствующей картины гендерных отношений: в России женщины правят мужчинами. Так, по одной версии, высказанной в период Холодной войны, советская женщина совместила в себе сильные стороны и до-, и послереволюционной эпохи – в то время как советский мужчина унаследовал только их слабые стороны.⁷⁶

На мой взгляд, русофобия и женофобия обнаруживают немало сходных черт. Обратим внимание на то, что России обычно «инкриминируются» те качества, которые в дискурсе Модерности устойчиво маркируются как фемининные: хаотичность, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррациональность, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность ни в чем: доброта и милосердие и те вызывают опасения – ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». Россия как «империя зла» – это рабье смирение, отсутствие уважения к праву, поглощение личности безликим коллективом.⁷⁷

⁷⁵ См.: Lyall R. Op. cit. P. XXVI–XXVIII.

⁷⁶ См.: Mehnert K. Op. cit. P. 57.

⁷⁷ Подробнее об образе СССР в период Холодной войны см.: Рябов О.В. «Красный кошмар».

В этом контексте идея необходимости контроля над ней – подобно постулату о том, что каждой женщине необходим контроль со стороны мужчины, – имеет немало сторонников. И если проанализировать гендерное содержание норманнской теории, то обнаружится все та же модель взаимодействия: славянская бесформенная фемининная стихия оформляется германским маскулинным элементом. Так, А. Розенберг пишет, что в основе арийской культуры лежат мужественные ценности, аполлоническое начало, в то время как в основе культуры неарийской – женственное, дионисийское,⁷⁸ проявлением арийской маскулинной активности он называет культуру трегерскую деятельность варягов на Руси.⁷⁹ И фюрер полагает, что организующее, оформляющее начало в России – это всегда немцы, и в его речах мужественные германцы противопоставлены женственным славянам.⁸⁰ Еще более выразительно эта тема звучит в одном из документов вермахта периода Второй мировой войны – «Двенадцати заповедях поведения немцев на Востоке и их обращения с русскими»:

Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален <...> Русские всегда хотят быть массой, которой управляют. <...> Будучи по натуре женственными, русские хотят также и в мужественном отыскать порок, чтобы иметь возможность презирать мужественное, поэтому будьте всегда мужественными, сохраняйте вашу нордическую стойкость.⁸¹

Представления о Западе и России как противоположных и взаимодополняющих началах получали выражение в гендерных метафорах, среди которых мы видим не только насилие и подчинение, но также любовь и брак. Например, Р. Штайнер с нетерпением ожидал грядущего духовного брака между германством и славянством (рассматривая первое

⁷⁸ Rosenberg A. Op. cit. P. 48–50.

⁷⁹ Там же. P. 102–104.

⁸⁰ Гитлер А. Указ. соч. С. 556; Раушнинг Г. Говорит Гитлер // Раушнинг Г. Говорит Гитлер; Зверь из бездны. М., 1993. С. 20; Hitler's Secret Book. New York, 1983. P. 137.

⁸¹ См.: Смыслов О.С. «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М., 2004. С. 60–61. Еще пример включения гендерной метафоры в геополитический дискурс: в середине XIX в. К. Ширрен, лидер прибалтийских немцев, критиковал идеи славянофилов о возможном мировом лидерстве России, аргументируя это тем, что русским недостает мужского начала: они слишком подвержены настроениям и чувствам; постоянство и умеренность не входят в число их достоинств (см.: Лакер У. Указ. соч. С. 57).

в качестве воплощения мужского начала, а второе – женского).⁸² Амбивалентность Иного обуславливает существование двух модусов дискурса о России – и русофобского, и русофильского. Образ России как «земли будущего», вера в ее спасительную миссию⁸³ базируются не только на представлениях о детстве, молодости, потенциальности русской цивилизации, но и на идее ее женственности. Женственная «Россия» вызывает симпатию благодаря своей близости к природе, открытости, душевности, приоритету любви над законом, братству, преодолевающему западный эгоизм. Само очарование Россией заставляет вспомнить «мистику женственности» Б. Фридан и постулировать существование своеобразной «мистики русскости». Так, восхищение русскостью ее поклонника В. Шубарта неотъемлемо от следующей трактовки миссии России:

Россия не стремится ни к завоеванию Запада, ни к обогащению за его счет – она хочет его спасти. Русская душа ощущает себя наиболее счастливой в состоянии самоотдачи и жертвенности <...> Она переливается через край – на Запад <...> Она намерена не брать, а давать.⁸⁴

Схожим представлялось место России в мире и англичанину С. Грэму. «Англии необходима Россия, живущая по принципам святости и простоты, как каждому мужчине необходима женщина – из-за пищи, которую она готовит ему, и из-за молитв, которые она возносит за него».⁸⁵ Очевидно, России-женщине автором отводится приватная сфера, в то время как Англии-мужчине – публичная. «Святая Русь молится за нас и поддерживает огонь домашнего очага, в то время как мы отправляемся

⁸² См.: Коренева М.Ю. Образ России у Рудольфа Штейнера // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока / Под ред. В.Е. Багно. СПб., 1998. С. 310.

⁸³ См.: Neumann I.B. Constructing Europe. P. 236. «Именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе <...> Россия – единственная страна, которая способна спасти Европу и спасет ее...» (Шубарт В. Указ. соч. С. 33–34).

⁸⁴ Шубарт В. Указ. соч. С. 29. Выходит, Русь потому Святая, что готова пожертвовать собой, пренебречь своими интересами ради спасения Запада? Еще Дж.С. Милль обратил внимание на то, что сакрализация женщины в европейской культуре всегда включала представления об ее жертвенности и альтруизме (Милль Д.С. О подчинении женщины. СПб., 1869. С. 110, 115).

⁸⁵ Graham S. Op. cit. P. 328.

в мир»; она «ближе к земле», она «дает нам хлеб». ⁸⁶ Россия – это «жена западного мужчины». ⁸⁷

II. 2. Женственность России в русском мессианизме

Россию спасет Мать.
*Д. Мережковский*⁸⁸

Будьте мужами!
*Н. Бердяев*⁸⁹

Как же в самой России относились к идее брака комплементарных начал, западного мужского и русского женского? Разумеется, такого рода «предложения» далеко не всегда встречали благосклонное отношение. Феминизация России и русских нередко расценивалась как изобретение русофобской пропаганды; в русскости же подчеркивалось мужское начало – о чем дальше мы будем говорить достаточно подробно. Вместе с тем в русском национализме заметна и традиция своеобразной аутофеминизации, репрезентации России и русскости как женственных.

Идея женственности славян (пока славян, а не России) появляется в середине XIX в. Вероятно, первым из русских авторов высказывает эту мысль А. Герцен; в сочинении «Былое и думы» (данный фрагмент датирован 1855 г.) он пишет:

Восприимчивый характер славян, их женственность, недостаток самостоятельности и большая способность усвоения и пластицизма делают их по преимуществу народом, нуждающимся в других народах, они не вполне довлеют себе. Оставленные на себя, славяне легко 'убаюкиваются своими песнями'... 'и дремлют'. Возбужденные другими, они идут до крайних следствий; нет народа, который глубже и полнее усваивал бы себе мысль других народов, оставаясь самим собою. <...> В этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натуре лежит необходимость отдаваться и быть увлекаемым.

Чтобы сложиться в княжество, России были нужны варяги. Чтобы сделаться государством – монголы. Европеизм развил из царства московского колос-

⁸⁶ Там же. Р. 329, 327.

⁸⁷ Там же. Р. 327.

⁸⁸ Мережковский Д.С. 14 декабря // Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 258.

⁸⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1990. С. 44.

сальную империю петербургскую.⁹⁰

Очевидно, уже здесь рассматриваемая идея встраивается в интерпретацию исторической судьбы России и в хрестоматийный образ «загадочной русской души». Примерно в эти же годы о «женственном славянском элементе» пишут А. Хомяков и К. Кавелин.⁹¹ Тот устойчивый образ русскости, который складывается в XIX в., также позволяет говорить о феминизации России. «Русской душе» приписываются свойства, которые, во-первых, противопоставляются чертам европейского характера, во-вторых, маркируются как фемининные.⁹²

На мой взгляд, следует различать три фактора такой аутофеминизации. Первый связан с отмеченной пластичностью гендерных концептов. Смысловой потенциал, заключенный в фемининности, обеспечивает возможность для любой нации портретировать себя в том числе и в женском облике (так я мог бы ответить на замечание М. Нике, который задается вопросом: почему же французы позиционируют свою страну – западную, подчеркивает автор, державу – как «Марианну», «прекрасную Францию?»).⁹³ Как мы уже могли убедиться на материале Главы I, похожие тенденции обнаруживают себя во многих культурах.

Второй фактор – это специфика образа женского начала в России. Всякая культура андроцентрична; фемининные ценности занимают в ней периферийное место. Вместе с тем характер и степень андроцентрично-

⁹⁰ Герцен А.И. Былое и думы // Соч.: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 229. Еще ранее, в работе «О развитии революционных идей в России» (1851 г., на русском – 1861 г.), А. Герцен отмечает: «В славянском характере есть что-то женственное; этой умной крепкой расе, богато одаренной разнообразными способностями, не хватает инициативы и энергии... Славянской натуре как будто недостает чего-то, чтобы самой пробудиться, она как бы ждет толчка извне» (Герцен А.И. Развитие революционных идей в России // Герцен А.И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987. С. 186).

⁹¹ Хомяков А.С. «Семирамида»: (Исследование истинности исторических и действительных) // Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 268–269, 350; Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 206.

⁹² См. подробнее: Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. Гл. 2. «Жена, облеченная в солнце».

⁹³ Niqueux M. [Рецензия] // La Revue russe. No 21 (2002). P. 120. Рец. на кн.: Рябов О.В. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001.

сти в различных культурах различны.⁹⁴ Анализ источников – в частности, религиозных представлений, концепций власти, педагогических воззрений, законодательства, языка – позволяет исследователям отметить, что для русской культуры характерна высокая оценка материнского начала, а реальная роль матери в экономической жизни России была более значительной, чем в западноевропейских обществах.⁹⁵ Представление о женском начале как начале, в первую очередь, материнском отражает, видимо, одну из характерных черт русской культуры; женственность ассоциируется не только со слабостью, но и с материнской силой, влиянием и мудростью.

Третий фактор связан с делением человечества на «Запад и Все Остальное». Несмотря на то, что Россия никогда не была колонией,⁹⁶ постколониальная теория позволяет пролить дополнительный свет на исследуемую проблему. Нельзя не обратить внимание на то, что начиная с Петровской эпохи «Запад» превращается в некий универсальный референт национального дискурса, того Другого, по отношению к которому в Новое время самоопределяется Россия. «Западники» и «славянофилы», «патриоты» и «демократы», «почвенники» и «безродные космополиты» – представители, пожалуй, всех течений национального дискурса так или иначе соотносили Россию с Западом: проклиная *Запад*, восхищаясь *Западом*, или доказывая, что России нет никакого дела до *Запада*. То есть сама категоризация картины мира определяет необходимость сравнения русскости, скажем, с немецкостью или американскостью, а русской маскулинности – с германской или американской.

⁹⁴ На российском материале тезис о «неравной андроцентричности, то есть неодинаковом соотношении гендерного и метагендерного уровней» сформулирован А. Кирилиной (Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004. С. 108; Она же. Гендер: Лингвистические аспекты. М., 1999. С. 104).

⁹⁵ Напр.: Hubbs J. Op. cit.; Рябова Т.Б. Материнская и отцовская любовь в русской средневековой традиции // Женщина в российском обществе. 1996. № 1; Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: Невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997; Кирилина А.В. Гендер; Она же. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. Об амбивалентности отношения к материнскому началу в русской культуре см.: Rancour-Laferriere D. Op. cit.

⁹⁶ Более того, Российская империя имела собственные колонии на Востоке и собственный ориентализм; см.: Brower D.R., Lazzarini E.J. (Eds.) *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997.

Идея женственности России была принята в первую очередь в дискурсе, который может быть обозначен как «мессианский»; его центральным положением является тезис о том, что на Россию возложена миссия спасения Запада (или всего человечества от Запада).⁹⁷ Отношение к Западу либо как к заблудшей овечке, которую надо спасти, либо как к исчадию ада, от которого Россия должна спасти человечество,⁹⁸ становится важнейшим идентификатором. Национальная идентификация всегда имеет позитивные и негативные черты; в этом же типе дискурса стремление радикально отличаться от Другого становится доминирующим мотивом. В основу идентификации здесь положена противоположность Западу (не уникальность, не своеобразие, не отличие от него, а именно противоположность), которая становится определяющей при создании образа России, его структуры и элементов.

Весьма эвристичной выглядит интерпретация причин подобных умонастроений, предложенная Х. Роджером. Анализ тех поисков идентичности, которые вела русская мысль в XVIII столетии, позволяет исследователю заключить, что для послепетровской России было характерно западническое стремление во всем уподобиться Европе. Описывая национальный характер, представители интеллектуальной элиты России тех лет принимали за эталон «цивилизованного» европейца. Перелом в настроениях произошел в правление Екатерины Великой; Х. Роджер цитирует Д. Фонвизина: если отказ от религии во имя разума приводит к холодности сердец, не являются ли русские из-за их «отсталости» более человечными, чем их просвещенные европейские современники?⁹⁹ Как подчеркивает исследователь, спор отныне будет вестись не об экономических или военных победах, а о человечности, правде, сердечности, способности к любви и счастью.¹⁰⁰ Сама «отсталость» вос-

⁹⁷ Мессианский дискурс составляет один из модусов «русской идеи», но далеко не исчерпывает ее содержание; см. подробнее: Рябов О.В. «Матушка-Русь». С. 62–63.

⁹⁸ «Как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель», – иронизирует Н. Бердяев (Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 9).

⁹⁹ См.: Rogger H. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, 1960. P. 82.

¹⁰⁰ По оценке Х. Роджера, «здесь впервые 'широкая русская душа' была явлена миру» (Там же. P. 83). Похожее объяснение предложено в монографии Л. Гринфилд: «рессентимант», чувство завистливой неприязни, вынуждает

принимается с положительным знаком – как неиспорченность цивилизацией, как близость к христианским идеалам. К концу XVIII – началу XIX в. противостояние России и Запада, пишет Х. Роджер, осмысливается русскими интеллектуалами в таких оппозициях, как природа и культура, деревня и город, сердце и разум;¹⁰¹ аркадский пастух превращается в «мужика». От себя добавлю: очевидна и гендерная маркировка сторон представленных оппозиций, поэтому в XIX в. в роли «благородного дикаря» в русском руссоизме выступает не только «народ», но и женщина.¹⁰² При этом критикуемая западная цивилизация сохраняет все маскулинные характеристики (индивидуализм, рационализм, приоритет права над моралью) и признается мужской, но *избыточно* мужской, а западная маскулинность – чрезмерно (и потому *девиантно*) – маскулинной (напомню, что аналогичные способы иерархизации маскулинностей были отмечены в Главе I). Интерпретация русского типа цивилизации как высшего, как дополняющего и спасающего германо-романскую цивилизацию, предполагала включение в «подлинную русскость» таких ценностей, как смирение, соборность, «правда», религиозность, всечеловечность – то есть тех, которые противоположны ценностям Модерности и маркируются как фемининные. Образно-символическим выражением представлений о России как «радикально Ином» и стала идея ее женственности.¹⁰³

Подчеркнем, что именно фемининные бескачественность, неопределенность, хаос, беспредельность, незафиксированность России как «радикально Иного» трактуются в качестве основы ее «особенной свободы», вера в которую, как заметил М. Брода, занимает важное место в

русскую элиту изобретать другие, альтернативные критерии сравнения с Западом (Greenfeld L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1992).

¹⁰¹ Rogger H. Op. cit. P. 137.

¹⁰² По мнению Л. Олсон, анализ «Войны и мира» позволяет предположить, что Л. Толстой рассматривает женское начало России (с его природой, родом, пассивностью), воплощением которого являются Наташа Ростова и Платон Каратаев, в качестве основного фактора победы над Наполеоном и главного источника силы нации (Olson L.J. Russianness, Femininity, and Romantic Aesthetics in *War and Peace* // Russian Review. Vol. 56, 4 (Oct., 1997). P. 516–517).

¹⁰³ В прославлении отсталости как свидетельства чистоты и превосходства веры, в идеализации русского прошлого усматривает смысл концепта России-Матушки Э. Смит (Smith A.D. The «Golden Age»... P. 46).

русском мессианизме.¹⁰⁴ Идея потенциальности России как незавершенности, как ее устремленности в будущее получает выражение и в западных истоках этой ментальной конструкции (Г. Лейбниц, Д. Дидро, И. Гердер),¹⁰⁵ и в ее первой русской манифестации, связанной с работами П. Чаадаева. Начиная в «Философических письмах» с тезиса о том, что «века и поколения протекли для нас бесплодно»,¹⁰⁶ П. Чаадаев позднее приходит к мысли о всемирной миссии России.¹⁰⁷ Эта эволюция парадоксальна лишь на первый взгляд. Философ сравнивает Россию с «листом белой бумаги», подчеркивая отсутствие «резко очерченной, ярко выраженной народности».¹⁰⁸ Говоря о реформах Петра, он пишет: «Неужели вы думаете, что, если бы он нашел у своего народа богатую и плодотворную историю, живые предания и глубоко укоренившиеся учреждения, он не поколебался бы кинуть его в новую форму?»¹⁰⁹ Но именно вследствие этой бескачественности «для нас не существует непреложной необходимости», «мы никогда не жили под роковым давлением логики времен».¹¹⁰ Впоследствии Н. Бердяев точно выразит особенность чаадаевского варианта мессианского дискурса: «В России есть преимущество девственности почвы. Ее отсталость дает возможность выбора. Скрытые, потенциальные силы могут себя обнаружить в будущем».¹¹¹ Неактуализированность сил русского народа в прошлом делается для П. Чаадаева залогом возможности великого будущего.¹¹² Отказ от соревнования с Западом в прошлом и настоящем, с одной стороны, и устремленность в будущее, с другой, тесно связаны между собой. Мотив потенциальности России, возможности свершения ею чего-то невидан-

¹⁰⁴ Брода М. Указ. соч. С. 86.

¹⁰⁵ См.: Neumann I.B. *Uses of the Other*. P. 75.

¹⁰⁶ Чаадаев П.Я. *Философические письма* // Соч. М., 1989. С. 25.

¹⁰⁷ Чаадаев П.Я. *Апология сумасшедшего* // Там же. С. 152.

¹⁰⁸ Там же. С. 143.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 151–152.

¹¹¹ Бердяев Н.А. *Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века* // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 74.

¹¹² Там же. С. 73. Р. Айзлвуд полагает, что в сочинениях П. Чаадаева можно обнаружить и истоки представлений о женственности России (Aizlewood R. *Berdiaev and Chaadaev, Russia and Feminine Passivity* // P.I. Barta (Ed.) *Gender and Sexuality in Russian Civilization*. London; New York, 2001).

ного и принципиально невозможного ранее проходит через всю историю русского мессианизма и сохраняет свою популярность и сегодня.¹¹³

Системообразующее отношение «Россия-Женщина – Запад-Мужчина» определяет структуру мессианского способа конструирования национальной идентичности, то есть задает порядок расположения ее подсистем и элементов. На первый план выходит то, что отличает Россию от Запада; схожие же черты отодвигаются на второй план. В соответствии с этим отбираются содержательные компоненты идентичности. Разумеется, они возникают не на пустом месте и отражают многие стороны русской культуры: ее языческое наследие, влияние восточного христианства, особенности истории страны и исторической памяти народа. Вместе с тем, это скорее тот «строительный материал», из которого «здание» данной ментальной конструкции возводится сообразно плану, каковым становится отмеченное системообразующее отношение.

Поскольку позитивная оценка России в этом типе дискурса предполагала признание высокой ценности качеств, маркируемых как женственные, постольку это неизбежно оказывало влияние на гендерный дискурс. Национальный дискурс, иными словами, оказывается ресурсом создания гендера. Различные модусы критики «Запада» включали в себя определения мужчины и женщины, человека и человечности. Обратим внимание на то, как дискурс национализма переформатирует или ограничивает отмеченную андроцентричность культуры. Напомним, что в дискурсе Модерности подлинно человеческими считаются качества, ассоциируемые с мужским началом; женщину же характеризуют при помощи тех свойств, от которых человек в своей эволюции якобы отталкивается. Однако в русской философии пола оказываются распространенными и другие варианты ответа на вопрос, является ли женщина человеком. Один из них заключается в том, что мужское начало – это начало человеческое, но *«слишком человеческое»*. Выход из кризиса антропоцентризма сторонники такой позиции усматривают в Богочеловечестве,

¹¹³

Модель русского движения – дорога (Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М., 1988. С. 223). Русь – как потенция, как страна неисчерпаемых возможностей; она всегда в пути, в становлении, накануне, на пороге – эти идеи столь же интимны для русского сознания, как и ощущение беспредельности бытия (Он же. Русская Дума. М., 1991. С. 216).

возможном лишь тогда, когда человечество ощутит себя женственно и вступит в духовный брак с Богом. Другой вариант ответа основывается на положении об андрогинной сущности человека: ни женщина, ни мужчина не являются человеком в полной мере и лишь их единство выражает человеческую сущность. Третий включает в себя утверждение, что именно женщина является подлинным человеком; человечность ассоциируется с женственностью.¹¹⁴ Таким образом, ответ на вопрос о том, является ли женщина человеком, связан с тем, какие свойства культура приписывает себе, а какие – значимым Другим, в данном случае маскулинному Западу.

Отмечая популярность и известную историческую неизбежность этой аутофеминизации, получившей распространение в русской культуре, необходимо сделать ряд оговорок, без которых мы рискуем очутиться в ловушке эссенциалистских схем.

Во-первых, она отнюдь не является уникальной чертой русской культуры; параллели в других культурах, в том числе в западных (хотя, возможно, и в более ситуативном варианте) мы уже отмечали.

Во-вторых, идея женственности России в значительной степени является «изобретением» Запада. Лишь диалог русской и западных культур обеспечивал развитие данной тенденции, определяемой межкультурным дискурсом эпохи Модерности и делением человечества на «Запад и Все Остальное».

В-третьих, это исторический феномен: такие взгляды на русскость и западность не являются раз и навсегда установленными. Русские способны меняться, оставаясь русскими. Кроме того, необходимо подчеркнуть референтный характер этой аутофеминизации. За пределами оппозиции «Россия – Запад» мы можем наблюдать совершенно иные варианты гендерной характеристики Своих и Чужих, а именно феминизацию Чужого, скажем, в дискурсе российского ориентализма (что я постараюсь показать в дальнейшем).

¹¹⁴ Рябов О.В. «Человек ли женщина?»: Русская антропология в контексте историко-философских поисков национальной идентичности // Гендер: Язык, культура, коммуникация / Под ред. И.И. Халеевой. М., 2001; Он же. Русская философия женственности.

В-четвертых, подобные взгляды на отношение России и Запада не являются общепринятыми в коллективной идентичности русских. Мессианская идея жертвенного служения Западу или всему человечеству устраивает в России далеко не всех. Тезис о женственной природе России был и остается предметом острых дискуссий; различные политические дискурсы решают вопрос о «вечно-женственном» и «вечно-мужественном» в русской душе по-разному – подобно тому, как предметом символической борьбы становится «Россия-Матушка».¹¹⁵ Будучи активно используемым в политиках идентичности, этот символ участвует в производстве Своих и Чужих.

II. 3. «Россия-Матушка»

в политиках идентичности русского национализма

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и забитая, ты и всеильная,
Матушка-Русь.
*Н. Некрасов*¹¹⁶

Магический жезл, которым
можно управлять по произволу,
есть Матушка Россия.
*Ф. Булгарин*¹¹⁷

Некрасовские антиномии лишь в незначительной степени передают многообразие значений, которое заложено в исследуемом концепте. Одним из факторов этого многообразия служит то обстоятельство, что история данного символа сопровождается попытками различных дискурсов утвердить собственную, удобную для себя интерпретацию «России-Матушки». Подобно другим национальным символам, он принимает активное участие в идентификационных процессах, и представляется важным остановиться на вопросе, как идет борьба за «Россию-Матушку» между различными дискурсами. К. Эберт в очень содержательной статье «Матушка Русь и ее сыновья» высказывает мысль о том, что

¹¹⁵ Подробнее см.: Рябов О.В. «Матушка-Русь». Гл. 4. «Вечно-мужественное в русской душе».

¹¹⁶ Некрасов Н. Кому на Руси жить хорошо // Избр. соч. М., 1987. С. 588.

¹¹⁷ Булгарин Ф. О книгопечатании в России и о цензуре вообще // Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. М., 1999. С. 193.

в русском национальном стереотипе «матушка Русь» риторика дифференциации (border guard)... вовсе не играет роли, либо ей отводится второстепенная роль. Главное в этом национальном стереотипе – не отмежевание, а включение в тело нации... Ведь и война в Чечне риторически представляется не как борьба с Чужим, а как сохранение, то есть стремление заново включить эту территорию в большое материнское тело матушки Руси.¹¹⁸

На мой взгляд, точнее было бы полагать, что «Россия-Матушка», как и прочие коллективные символы, будучи фактором включения, неизбежно является и фактором исключения. Теперь перед исследованием стоит задача выявить, как репрезентации «России-Матушки» используются в политиках идентичности (определение Своих и Чужих, проведение между ними символических границ, выбор диакритических элементов); нас будут интересовать пять важнейших дискурсов: национальный, военный, политический, имперский и гендерный.

Во-первых, «Россия-Матушка» участвует в производстве Своих и Чужих в процессах национальной идентичности. Этот символ призван сделать из суммы индивидов единую нацию. Кроме того, он выполняет функцию одного из важнейших диакритических элементов коллективной идентичности, отделяя национальных Своих от Чужих. Свои, в отличие от Чужих, – это дети России-Матушки. При этом, определяя норму и девиацию отношения Своих к Чужим, в первую очередь к Западу, «Россия-Матушка» проводит тем самым внутренние границы и иерархии, продуцируя «более Своих» и «менее Своих» – например, в споре западников и славянофилов.

Во-вторых, она отделяет Своих от Чужих в военном дискурсе. Враг – это тот, кто угрожает существованию России-Матушки; Свои – это те, кто ее защищает и объединяется вокруг нее. Мобилизационный потенциал репрезентаций страны в женском (материнском) облике, отмеченный в Главе I, в полной мере присущ «России-Матушке». Не удивительно, что исследуемый образ широко распространен в воинской культуре. О служении Матери-России речь идет уже в «Науке побеждать» А. Суворова (XVIII в.).¹¹⁹ Н. Костомаров приводит текст народной песни,

¹¹⁸ Эберт К. Матушка Русь и ее сыновья: «Архаический симбиоз полов» как топос национальной мифопоэтики // Пол. Гендер. Культура. С. 164–165.

¹¹⁹ Суворов А.В. Наука побеждать, <http://militera.lib.ru/science/suvorov/app.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

посвященной событиям Смутного времени начала XVII в. (записана в 1840-х гг.); К. Минин обращается к нижегородцам: «Пойдем-ка мы сражаться / За матушку за родну землю. / За родну землю, за славный город Москву. / Уж заполонили–то Москву проклятые народы, поляки злы!»¹²⁰ Солдатская песня про взятие Варшавы в 1831 г. (записана в 1880-х гг.) содержит следующие слова: «Хоть и лихи (лихи) вы поляки, / Покоритесь вы нам! / Если нам не покоритесь – / Пропадете, как трава, / Наша матушка ли, мать Россия / Всему свету голова!»¹²¹

Первое визуальное воплощение идеи участия России-Матушки в борьбе с чужеземной агрессией связано с творчеством Ф. Толстого, создавшего серию медалей, посвященных событиям Отечественной войны 1812 г. Медаль «Народное ополчение» (1816) изображает Россию, вручающую своим сыновьям боевые мечи (Прил., рис. 16).¹²² Одно из наи-

¹²⁰ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, 1604–1613. М., 1994. С. 725, примеч.

¹²¹ Смирнов А. Песни польских кампаний // Родина. 1994. № 12. С. 137. Приведем еще два примера. В песне «Дело под Андреевой деревней» рассказывается про сражения на Кавказе в середине XIX в.: «За нас Мать наша Россия / Молит Бога завсегда, / Нам от горского злодея / Нет покоя никогда» (CD «Песенная летопись Кавказской войны». Исполн. мужской хор Института певческой культуры «Валаам». 2002, <http://a-pesni.narod.ru/popular20/dpodandr.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.)). В исторической песне донских казаков про атамана М. Платова, «Ты, Россия, матушка Россия», говорится: «Ой, да вот ты, Россия, матушка наша земля, / Ой, да вот много, много горя, нужды приняла, / Ой, да вот(ы) много, много крови а ты пролила, / Вот(ы) много, много, ей, славы, славы про тебя» (CD «Слава Богу, что мы казаки!»: Антология. Исполн. ансамбль «Казачий круг». 2005).

¹²² См. также медальон Ф. Толстого «Мир Европе» (Прил., рис. 14). История визуализации «России-Матушки», по всей вероятности, берет начало с женского образа с горельефа «Заведение флота в России» (И. Тербенев, 1812), расположенного на аттике нижнего куба башни Адмиралтейства. В центре этого рельефа помещен Петр Первый, которому Нептун вручает трезубец в знак власти над морем. Россия изображена как сидящая справа от императора под лавровым деревом женщина с короной на голове; в правой ее руке палица Геркулеса, символ могущества, в левой – рог изобилия. В образах, созданных Ф. Толстым и И. Тербеневым, национальная специфика «России-Матушки» практически не выражена: сходство с европейскими аналогами (в первую очередь, с «Британией») очевидно. Вместе с тем уже заметны основные функции «России-Матушки» – символизация национального (имперского) единства и мобилизация на борьбу с чужеземной агрессией. Любопытно, что еще в 1762 г. был разработан проект триумфальной арки (автор – А. Уваров) по случаю победы России в Семилетней войне, которую предполагалось установить на Невском проспекте; арку должен был венчать шатер с женской фигурой, олицетворяющей Россию. Проект был отклонен Петром III (Раскин А.Г. Триумфальные арки Ленинграда. Л., 1977. С. 52–53).

более известных изображений России в материнском облике – знаменитый плакат «Родина-мать зовет!» (И. Тоидзе, 1941) (Прил., рис. 1). Обратим внимание на то, что в правой руке женской фигуры – текст воинской присяги, в которой сказано о суровой каре для тех, кто нарушает клятву защищать свою Советскую Родину. Иными словами, Родина-Мать в данном случае отделяет настоящих детей от предателей, верных детей от неверных. Таким образом, символ Родины-Матери требует совершенно определенного поведения в условиях войны, устанавливая норму отношения человека к стране. Показательно, что сторонники Петра I вспоминают Россию-Мать, осуждая поведение гетмана И. Мазепы – «нового Иуды», «второго Каина»; в одном из произведений «Россия» произносит следующие слова: «Аще бы ми враг поносил сугубо, // Претерпела бы казни его любо. // Но от своего чада прелюбима // О, коль матери язва нестерпима!». ¹²³ Г. Бужинский, рассуждая в одной из проповедей времен Северной войны о патриотизме, гневно обличает тех, кто отказывается служить России и проливать за нее кровь. Обосновывая мысль о нравственных обязательствах перед страной, он проводит параллель с долгом перед матерью: человек не может не быть «благодарен земле, яко родившей его матери».

Аще бо помыслиши, человекче, какие они бедствия, колико тяжести в рождении, воспитании, наставлении, учении претерпеша, аще приведеша тебе в уме матернем о тебе болезни, объятия, лобзания, бдения и тцания любовныя и воистину неизреченныя... Аще сия, глаголю, помыслиши, не воспалится ли в тебе желание воздати, како бы любовь любовью народити?

«Отечество есть то общая нас всех мати», продолжает публицист. И даже сам царь Петр, «отец отечества», в этом смысле не свободен от сыновнего долга. ¹²⁴

Идея взаимосвязи внешних и внутренних Чужих предполагает ис-

¹²³ Стефан Яворский. Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. Кн. 3. М., 1989. С. 268; см. также: Феофан Прокопович. Панегирикос // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 200.

¹²⁴ Бужинский Г. Слово о победе, полученной у Ангута галерами // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Юрьев, 1901. С. 434–439. «Какой изверг не любит матери своей? Но Отечество меньше ли нам, чем мать?» – такое обоснование патриотизма избирается в одном из важнейших текстов русского национализма XIX в. (Шишков А.С. Рассуждения о любви к Отечеству. С. 5–6).

пользование аналогичной риторики в дискурсе гражданской войны. Так, лидер КПРФ Г. Зюганов считает, что у гражданина России в настоящее время есть только две возможности:

Или, понимая весь драматизм ситуации, он решается вступить в открытое столкновение с той силой, которая, подобно злобному упырю, высасывает своим ядовитым жалом из нашей страны последние соки, оскверняет русское сердце кощунством и ложью, морит голодом русских детей, отправляет на панель русских девочек, заставляет наших стариков рыться на помойках в поисках куска хлеба... Или – сиди себе в стороне, но знай: ты предал Родину, оставил свою мать в беде именно тогда, когда ей более всего была нужна твоя помощь!¹²⁵

В-третьих, как мы видим, дискурс России-Матушки позиционирует Своих и Чужих в отношении власти; исследуемый символ активно эксплуатируется в дискурсивных практиках легитимации/делегитимации политической системы России. Прежде всего, отметим, что идея иерогамии, священного брака «Царя-Батюшки» и «России-Матушки», получает отражение уже в древнерусских текстах и ритуалах Московской Руси.¹²⁶ Например, когда венчался Михаил Романов (XVII в.), гирлянда с изображением всех русских городов украшала голову его невесты, олицетворявшей Матушку-Русь. Этот брак символизировал готовность царя служить народу и Матери-сырой земле, которая растила для государства своих детей. И само венчание на царство в Соборе Успения Божьей Матери Матерью-Церковью правителя, жившего в Матушке-Москве, также являлось аллегорией брака царя с народом.¹²⁷

¹²⁵ Зюганов Г. Постигание России. М., 2000. С. 282.

¹²⁶ Так, «милая девица», столь привлекающая князя Всеслава, героя «Слова о полку Игореве», – это Киев, великокняжеский престол (Слово о полку Игореве // Памятники литературы Древней Руси, XII век. М., 1980. С. 383). В другом произведении проводится аналогия между Россией («преславной, ясносияющей, превеликой») – и невестой, «жениху на прекрасный брак уготованной» (Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Памятники литературы Древней Руси, конец XVI – начало XVII в. М., 1987. С. 133). Страдающая и униженная, она сравнивается с вдовой. Например, Иван Тимофеев, описывая события Смутного времени, рисует Россию как вдову; ее муж, истинный царь, был женихом России, подобно тому как Христос был Женихом Церкви (Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 333; см. также: Повесть о Меркурии Смоленском // Тр. Отделения русского языка и словесности. Пг., 1922. Т. 99. № 8. С. 82).

¹²⁷ Hubbs J. Mother Russia. P. 188–189.

Теперь нам предстоит остановиться на проблеме, которая в очень содержательном исследовании И. Сандомирской формулируется так:

Было бы большой ошибкой думать... что Матушка-Россия есть сугубо 'народный', выдвинутый 'инициативой снизу' концепт естественного патриотизма масс. Гораздо разумнее считать его изобретением культурной элиты, которая прибегла к риторике Матушки-России в ходе патриотической пропаганды во время войны 1812 года.¹²⁸

Несомненно, власть предрержащая понимает эффективность использования метафоры священного брака для легитимации политической системы, равно как и образа страдающей Родины для военной мобилизации. Так, примечательнейшую мысль в 1826 г. высказывает Ф. Булгарин:

Магический жезл, которым можно управлять по произволу нижним состоянием, есть Матушка Россия. Искусный писатель, представляя сей священный предмет в тысяче разнообразных видов, как в калейдоскопе, легко покорит умы нижнего состояния, которое у нас рассуждает больше, чем думает.¹²⁹

Однако, на мой взгляд, заинтересованность элиты в данном символе не означает, что он не имеет корней в культурной традиции, в том мифосимволическом комплексе, который и определяет единство русской культуры. Иными словами, без этого идея не могла бы «овладеть массами», которые, как подчеркнул Э. Смит, отнюдь не являются *tabula rasa*, пассивно ждущими посланий от элиты.¹³⁰

С трудом верится, что большая часть народа с готовностью отдала бы свои жизни за артефакт или долгое время вводилась в заблуждение пропагандой и ритуалами, если эти ритуалы и пропаганда не выражали и не развивали существовавшие прежде народные чувства, воспринимавшие этническую нацию преимущественно как семью и местность.¹³¹

Начало истории исследуемого символа следует отнести к образу Матери-сырой земли – русскому варианту Великой Богини-матери. Поклонение матери-земле начинается еще в доземледельческую эпоху.

¹²⁸ Сандомирская И. Указ. соч.

¹²⁹ Булгарин Ф. Указ. соч. С. 193-194. О своей любви к России-Матушке писали и российские императоры в XIX в., напр.: 1857–1861. Переписка Императора Александра II с Великим князем Константином Николаевичем; Дневник Великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 90; Выскочков Л.В. Николай I. М., 2006.

¹³⁰ Smith A.D. Nationalism. P. 81.

¹³¹ Смит Э. Указ. соч. С. 243.

Наиболее раннее свидетельство почитания матери-земли на Руси в нарративных источниках обычно усматривают в «Исповедании веры» из «Повести временных лет».¹³² Один из более поздних всплесков этого архаического культа обнаружился в стригольнической ереси (XIV в.); по сообщению Стефана Пермского, стригольники поклонялись земле, которой приписывали способность отпускать грехи.¹³³ Хтонический пласт в образе России-Матушки сохраняется и в дальнейшем.

Другая стадия развития представлений о материнской сущности страны – это образ Русской земли, который проходит через всю историю древнерусской литературы. В книжной традиции Русская земля представлена как живое существо; она изображается в женском – чаще всего материнском – облике. Образы, избираемые средневековыми авторами, отражают представления о ее материнской сущности: природа, Богоматерь, православная вера. Основные черты образа Русской земли включают в себя два ряда характеристик: во-первых, это плодородие, неиссякаемая сила, забота, защита – то есть те, которые соотносятся с языческим представлением о материнском начале;¹³⁴ во-вторых, это уязвимость, страдание, сострадание, эмоциональность, терпение, жертвенная любовь – то есть те, которые восходят к христианской парадигме материнства, воплощенной в образе Девы Марии.¹³⁵

В XVIII в. получает распространение концепт Отечества, но и образ России-Матери остается востребованным, появляясь в текстах В. Тредиаковского, М. Ломоносова, других авторов.¹³⁶ Кстати, это дает

¹³² Повесть временных лет: В 2 ч. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 278.

¹³³ См.: Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Мыслители позднего средневековья, конец XVI – 1-я треть XVII века. Киев, 1990. С. 165.

¹³⁴ Как показано в исследовании Э. Нойманна «Великая Матерь», эти характеристики являются основными чертами материнского архетипа (Neumann E. Op. cit. P. 32); см. также: Dieterich A. Mutter Erde: Ein Versuch über Volksreligion. Leipzig; Berlin, 1923; Briffault R. The Mothers: A Study of the Origins of Sentiments and Institutions: In 3 vols. London; New York, 1927.

¹³⁵ Heldt B. Gynoglasnost: Writing the Feminine // M. Buckley (Ed.) Perestroika and Soviet Women. Cambridge, 1992. P. 28. В исследовании Е. Хеллберг-Хирн стороны материнского архетипа, заключенные в мифологии России-Матушки, обозначены как «Почва» и «Душа» (Hellberg-Hirn E. Soil and Soul: The Symbolic World of Russianness. London, 1998. P. 4).

¹³⁶ Тредиаковский В. Стихи похвальные России // Русские поэты: Антология русской поэзии: В 6 т. М., 1989. Т. 1. С. 42; Ломоносов М. Разговор с Анакреоном // Там же. С. 65–69.

основания усомниться в справедливости еще одного интересного тезиса «Книги о Родине» И. Сандомирской – тезиса о том, что «понятие Родины/ Отечества носило сословный характер»: дворянская любовь к Отечеству противопоставлена автором простонародной любви к России-Матушке. Однако, как мы видим, представители образованного класса в одах, написанных для элиты российского общества, также рисовали Россию в материнском облике.¹³⁷ А. Алтунян, анализируя образы политического дискурса России, считает, что «Россия-Матушка» до сих пор используется политическими писателями в следующем качестве: «Используя этот образ, можно формировать представления, возникающие в результате получения даже негативной для власти информации, в соответствии с интересами правительства».¹³⁸ Автор, по всей вероятности, принимает во внимание лишь «охранительную функцию» данного символа. Между тем не менее активно образ России-Матушки, угнетаемой государством, включается в дискурс делегитимации власти.

Один модус такой делегитимации ставит под сомнение право правителя на священный брак со страной, его способность управлять Россией. Подобное отношение иногда выражается при помощи метафор мезальянса или изнасилования (например, И. Аксаков расценивает петровские реформы как «изнасилование» земли государством-царем).¹³⁹

Другой модус связан с противопоставлением двух начал, мужского и женского, в России. Дж. Хоскинг считает, что через всю историю страны проходит оппозиция «Россия – Русь» как «Империя – народ» (а также как «маскулинное – фемининное»).¹⁴⁰ В. Розанов подобные представления о двух Россиях сформулировал так:

Есть две России: одна – Россия *видимостей*, громада внешних форм с правильными очертаниями, ласкающими глаз; с событиями, определенно начав-

¹³⁷ Обратим внимание и на контекст использования понятий Родины и Отечества у А. Шишкова, который к записке Ф. Булгарина в целом отнесся негативно, согласившись с ним только в одном: «Правда, что посредством любви к отечеству и привязанности к родине, свойственным нашему народу, можно успевать во многом по отношению к направлению образа мыслей простого класса людей...» (Мнение А.С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 г. // Русская старина. 1904. Т. 119. С. 206).

¹³⁸ Алтунян А.Г. Указ. соч. С. 42. См. также с. 17.

¹³⁹ Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1992. С. 265–266.

¹⁴⁰ Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917. Cambridge, 1997. P. XIX.

шимися, определительно оканчивающимися, – ‘Империя’, историю которой ‘изображал’ Карамзин, ‘разрабатывал’ Соловьев, законы которой ‘кодифицировал’ Сперанский. И есть другая – ‘Святая Русь’, ‘матушка Русь’, которой законов никто не знает, с неясными формами, неопределенными течениями, конец которых не предвидится, начало безвестно: Россия *сущностей*, живой крови, непочтой веры, где каждый факт держится не искусственным сцеплением с другим, но силой собственного бытия, в него вложенного.¹⁴¹

В наиболее же очевидном варианте эта оппозиция принимает вид дистинкции Родины и Отечества; при этом в идеологии оппозиционных власти политических сил образ Родины используется для противопоставления «Отечеству» как воплощению государственного, отцовского, мужского начала.

В Московском царстве символами этой дихотомии стали две идеи, оформившиеся в XV–XVI вв.: «Третий Рим» и «Святая Русь», которые, по оценке Н. Бердяева, воплощают соответственно «волю к могуществу» и «волю к правде» как две интенции русского самосознания.¹⁴²

А. Соловьев, автор первой работы, посвященной исследованию идеи Святой Руси, эти две стороны русского бытия обозначил как «Третий Рим» и «Град Китеж»; последняя связана с ценностями смирения, покаяния, бегства от государства, от зла мира сего, от всякой борьбы.¹⁴³

Мысль об антигосударственной направленности идеи Святой Руси высказывает М. Чернявский. Он подчеркивает, что эта идея с самого возникновения носила антицаристский характер; миф Святой Руси – это миф нации, земли, страдающей от произвола царя-государства.¹⁴⁴ Об этом свидетельствует и то, что, по его оценке, идея Святой Руси практически никогда не использовалась официальными идеологами ни Московского царства, ни Российской империи – это народная идея.¹⁴⁵

Появление же самого термина «Святая Русь» связывают с именем князя Андрея Курбского, который пишет о сторонниках Ивана Грозного: «Прогрызли они чрево у матери своей, святой русской земли, что поро-

¹⁴¹ Розанов В.В. Психология русского раскола // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 47.

¹⁴² Бердяев Н.А. Русская идея. С. 82.

¹⁴³ Соловьев А.В. Святая Русь: (Очерк развития религиозно-общественной идеи) // Сб. Русского археологического общества. Белград, 1927. Вып. 1. С. 90.

¹⁴⁴ Cherniavsky M. «Holy Russia»: A Study in the History of Idea // American Historical Review. 1958. Vol. 63. P. 622.

¹⁴⁵ Там же. P. 625.

дила и воспитала их поистине на беду свою и запустение!».¹⁴⁶ Дж. Биллингтон возводит начало идеи Святой Руси к образу Василии, запечатленном в одном из трактатов Максима Грека.¹⁴⁷ Автору трактата встречается на дороге «жена, которая была одетою в черную одежду, приличную вдовам, и горько плакала». В обличье вдовы представлена царственность – Василия. Она сетует на то, что ею управляют жестокие мучители и властолюбцы, стараясь подчинить ее, тогда как должно заботиться о ней и украшать ее.¹⁴⁸ По мнению американского исследователя, именно этот образ оказал решающее влияние на князя Курбского, ученика Максима Грека. Василия-Святая Русь – униженная и страдающая; будучи любящей матерью и женой, она остается преданной и верной своему мужу и своим детям, то есть правителю и подданным, хотя те и относятся к ней недолжным образом.

В монографии Дж. Хаббс эти идеи интерпретируются сквозь призму гендерных исследований: миф Святой Руси воплощает идею святого материнства; Святая Русь – это земля и живущий на ней народ, это нечто фемининное, в отличие от маскулинного государства.¹⁴⁹

Таким образом, «Россия-Матушка» оказывается включенной во внутривластную борьбу уже в средневековом обществе. В Новое время идея страдающей Матушки-Руси, противостоящей неправедной (и национально чуждой) власти приобретает ярко очерченные контуры.¹⁵⁰ Заметным течением русской мысли становится «народничество»: подлинная русскость теперь атрибутируется «народу», «мужику»; два об-

¹⁴⁶ Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси, вторая половина XVI века. М., 1986. С. 319. См. также с. 271.

¹⁴⁷ Billington J.H. The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture. New York, 1966. P. 94.

¹⁴⁸ Максим Грек. Слово, в котором пространно и с жалостию излагаются нестрое-ния и безчиние царей и властей последнего времени // Соч. преподобного Максима Грека в русском переводе: В 3 ч. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910–1911. Ч. 1. С. 203–205.

¹⁴⁹ Hubbs J. Mother Russia. P. 187.

¹⁵⁰ Пример включения исследуемого образа в риторику декабристов (стихотворе-ние написано в 1843 г.): «Помнишь ли ты нас, Русь Святая, наша мать, / Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать? / Русский бог тебе добрых деток было дал, / А твой бестия царь их в Сибирь всех разослал! / [Вот за что хотели мы нашу кровь пролить:] / Чтобы кровию той волюшку тебе купить...» (Вадков-ский Ф.Ф. Желания // Красный архив. 1925. № 3. С. 318); см. также: Песня де-кабристов // Там же. С. 319–320.

раза – Мать-Россия и мать-народ – соединяются. Как показано в монографии Х. Роджера, к рубежу XVIII–XIX вв. поиски национальной идентичности частью русских интеллектуалов приводят к тому, что социальный протест отождествляется с протестом национальным.¹⁵¹ На фоне масштабной европеизации правящего класса и сохранения традиционного уклада жизни в народной среде отношение «народ – власть» воспринимается как отношение «Россия – Запад». «Матушка-Русь» – это народ, стонущий под гнетом самодержавия, это земля, униженная и вызывающая о помощи. Ф. Достоевский отмечает: «Мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли, и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее правду... Мы должны сами склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако, все-таки русскими...»¹⁵² Образованный класс должен, подобно Антею, вернуться к матери. Таким образом, «Россия-Матушка» становится символом оппозиции государству как воплощению *отцовского* начала, которое после петровских реформ нередко ассоциируется с чем-то чуждым в национальном плане, *западным* по самой своей сущности.

Следует подчеркнуть, что «Россия-Матушка» воплощает не только страдания и призыв о помощи, но и надежду на неиссякаемую народную силу – поэтому и становится символом мессианского дискурса. Эта двойственность получила отражение и в некрасовских строках, приведенных в эпиграфе. «Зрак раба», принятый народом (вспомним тютчевское «Эти бедные селенья...»), которого в итоге ждет преобразование – постоянная тема русской мысли. Образ Святой Руси как Руси «мужичкой» часто всплывает на страницах произведений Н. Некрасова. Апофеозом подобного отождествления стала идея народа-богоносца. Одним из наиболее ревностных ее сторонников был Ф. Достоевский; так, старец Зосима, герой «Братьев Карамзовых», произносит: «От народа спасение Руси». Народ обретает черты мессии; христианское мировосприятие позволяло расценивать страдания народа как знак его преобразования в будущем и верить в его спасительную миссию.

¹⁵¹ Rogger H. Op. cit. P. 278, 279.

¹⁵² Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1981. Т. 22. С. 45.

В-четвертых, «Россия-Матушка» оказывает влияние на определение взаимоотношений между регионами, этническими и конфессиональными группами внутри России, то есть в имперском дискурсе. Материнский образ России используется также для легитимации внешнеполитической активности.¹⁵³ Идея России как общей матери сегодня включается в обсуждение политических вопросов постсоветского пространства. Так, в «Манифесте народно-патриотического союза России» (1998) говорится:

Считая разрушение СССР геополитическим преступлением Горбачева и Ельцина, мы восстановим нашу необъятную Отчизну, соберем под купол Матери-Родины осиротелые, рассеченные российские народы.¹⁵⁴

Другой текст, принадлежащий лидеру партии «Родина» Д. Рогозину, постулирует:

‘Великоросс’ означает принадлежность к этносу, замешанному на единокровии и почве, а понятие ‘русский’ обозначает целую цивилизацию. Современный русский человек – это и великоросс, и малоросс, и белорус, и все остальные обрусевшие жители Евразии. Русский, будь он россиянином или рожденным в диаспоре соотечественником, знает без подсказки, что его единственной Родиной была и остается матушка Россия.¹⁵⁵

С другой стороны, исследуемый символ встречается и в направленном против империи дискурсе национализма (в том числе национализма русского). В следующей главе мы вернемся к вопросу о том, как образы матери и мачехи становятся инструментами разрушения империи; сейчас же лишь приведем фрагмент письма, опубликованного на сайте Чеченпресс в 2004 г.

И все надо вернуть в нелюбимое лоно нелюбимой мачехи-России? Чтоб потом мордой в землю тыкать: ‘Живите, как мы, и страдайте, как мы’. Чтоб жизнь протекала по извечному русскому принципу: ‘Пусть всем будет плохо вместе, чем кому-то хорошо, но отдельно!’¹⁵⁶

¹⁵³ «Матушка Россия / Не берет насильно, / А все добровольно, / Наступя на горло», – иронизирует П. Вяземский в письме А. Тургеневу (1829) (см.: Алтунян А.Г. Указ. соч. С. 41).

¹⁵⁴ Зюганов Г.А. Когда Отечество в опасности. М., 1999. С. 23–24.

¹⁵⁵ Рогозин Д. Мы вернем себе Россию, <http://lib.iuk.kg/koi/POLITOLOG/rogozin.txt> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹⁵⁶ <http://www.chechenpress.info/news/2004/07/19/09.shtml> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

В-пятых, «Россия-Матушка» принимает участие в определении гендерного порядка российского общества. Очевидно, что семейные метафоры могут быть эффективными только в том случае, если родительская любовь признается в социуме непреходящей ценностью; при этом «Россия-Матушка» утверждает в качестве нормы совершенно определенный тип семьи. Далее, этот концепт оказывает влияние на установление эталона национальной маскулинности. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на оппозицию «богатырь – рыцарь». Например, О. Миллер, сравнивая германский и славянский типы личности, различия между германской дружиной и богатырями Древней Руси сформулировал следующим образом. Для рыцаря характерен обет личной верности, вытекавший из личных для него выгод; между тем

в любимом народном идеале богатырской силы личность, вовсе не убаюкиваемая, не исчезающая в семье или роде, сознательно и добровольно отказывается для самой себя и от власти, и от добычи, и от самой славы, занимая 'местечко среднее между голей' и забывая всякую обиду личную при одном упоминании о вдовах и сиротах и о матушке Свято-Русь-земле.¹⁵⁷

Кроме того, следует принимать во внимание, что дискурс России-Матушки обращен, в первую очередь, к *сынам*; тем самым политический опыт субъекта-женщины маргинализируется.¹⁵⁸ Участие исследуемого символа в формировании канонов русской женственности состоит и в том, что идея материнства как главного предназначения женщины получает дополнительное обоснование. По крайней мере, канон национальной фемининности испытывает влияние этой сакрализации материнства, которая получает выражение в «мифе о русской женщине».¹⁵⁹ Наконец, следует отметить, что феминистские исследования ставят цель показать «Россию-Матушку» с перспективы женского опыта. Так, в статье Дж. Хаббс на примере «Реквиема» А. Ахматовой представлена специфика женского взгляда на взаимоотношения маскулинного государства и фемининной Матушки-Руси.¹⁶⁰

¹⁵⁷ Миллер О.Ф. Славянство и Европа: Статьи и речи, 1863–1877. СПб., 1877. С. 149.

¹⁵⁸ Сандомирская И. Указ. соч.

¹⁵⁹ Рябов О.В. «Матушка-Русь». С. 120–131.

¹⁶⁰ Hubbs J. Variations on the Myth of Mother Russia: Akhmatova's «Rekviem» // M. Liljestrom, E. Mantysaari, A. Roseholm (Eds.) Gender Restructuring in Russian Studies. Tampere, 1993. См. также анализ женских текстов перестроечного и

III. «Россия-Матушка» в истории XX века

III. 1. «Облеченная солнцем Жена»:

национализм, гендер и война в дискурсе Серебряного века

Россия,
Страна моя –
Ты – та самая,
Облеченная солнцем Жена...
*А. Белый*¹

Некрасивы наши матушки родные:
и стары, и в болезнях, и без наряда,
а ни на кого мы их не променяем.
Вот и все.
*В. Розанов*²

«Торжествующая Россия» – так называется рисунок, помещенный на обложке «коронационного номера» журнала «Нива» (май 1896 г.) (Прил., рис. 18). Он изображает молодую женщину, лицо которой озарено ожиданием грядущего счастья: царствование понимается как союз правителя и народа, коронация – как бракосочетание Царя-Батюшки и России-Матушки.³ Как безутешная вдова выглядит женщина на рисунке М. Микешина «Плачущая Россия», созданном в 1894 г. в память о гибели Александра II и опубликованном за несколько недель до коронации Николая II (Прил., рис. 21).⁴

¹ Белый А. Христос воскрес // Белый А. Стихотворения. Саратов, 1989. С. 166.

² Розанов В.В. Paolo Tрубеzкой и его памятник Александру III // Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 326 (Собр. соч.).

³ Восприятие России как персоны, как женщины, обладающей эмоциями, телесностью, судьбой, проиллюстрируем строками из стихотворения, помещенного в первом номере «Нивы» нового века; описание исторического пути страны в XIX столетии, ее участия в войнах на Балканах включает такие слова: «Восстала Русь от пепла и омыла / С своей груди запекшуюся кровь, / Но Турция сестер ее губила –, / И Русь пошла за них на муки вновь» (Никонов Б. Новый век // Нива. 1901. № 1. С. 8).

⁴ Мотив иерогамии заметен и в другой, более известной работе М. Микешина – памятнике «Тысячелетие России» (1862). В статье О. Майоровой высказывается мысль, что коленапреклоненная женщина, чья фигура венчает памятник, призвана выразить идею «полюбовной сделки» царя с народом (Майорова О. Бессмертный Рюрик: Празднование Тысячелетия России в 1862 году // Новое

Правление Николая II – это время больших перемен. Говоря об интеллектуальном контексте истории «России-Матушки» в это время, прежде всего отметим, что период конца XIX – первой четверти XX в. обозначается как «культура Серебряного века». Серебряный век стал эпохой напряженных поисков национальной идентичности, переопределения русскости, российскости, имперскости. Важным фактором развития исследуемого концепта стало обострение национальных проблем Российской империи, что не могло не отразиться в имперском дискурсе. Далее, это эпоха революционных потрясений; история монархической России завершается. Кроме того, это период Русско-японской войны и подготовки к Первой мировой, дыхание которой ощущалось вполне отчетливо. Наконец, в это время происходят значительные изменения в гендерном дискурсе, связанные в первую очередь с развитием женского движения. Какое влияние означенные факторы (революционное движение, война, рост национализма, проблематизация традиционных взглядов на взаимоотношения полов) оказывали на дискурс России-Матушки? Цель параграфа заключается в том, чтобы проанализировать дискуссии вокруг концепта России-Матушки, которые во многом определили пути его дальнейшего развития в XX столетии.

Итак, в образе России-Матушки «зашифрован» определенный социально-политический порядок. Россия – это продолжение царя, это народ, который любит царя и един с ним. Николай II искренне верил в идею подобного единства; не удивительно, что он привлекал образ России-Матушки в свои тексты и выступления. Например, во время торжеств по случаю юбилея Полтавской битвы царь провозглашает тост:

Я пью за то, чтобы Россия развивалась в духе единения Царя с народом и в тесной связи всего населения нашей Родины со Своим Государем. Пью за потомство славных героев... за их здоровье, за всю армию и за великую нашу Матушку Россию.⁵

литературное обозрение. 2000. № 3 (43). С. 145). Следует заметить, что в последнюю четверть XIX в. «Россия-Матушка» становится неким элементом повседневности, появляясь на медалях, календарях, рекламных плакатах, в интерьерах городских усадеб. Один из характерных примеров визуализации России этого периода – скульптура «Россия», выполненная в технике каслинского литья по модели Н. Лаврецкого для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. (Прил., рис. 13); см. также: Прил., рис. 15, 17.

⁵

См.: Платонов О.А. Терновый венец России: В 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 704.

«Крепко и честно постоять за славу матушки-России» император призывает войска, отбывающие на фронта русско-японской войны.⁶ Образ России-Матушки, Родины-Матери активно включается в военную пропаганду. Говоря об основных аспектах использования «России-Матушки» в военном дискурсе, отметим, что прежде всего во имя ее сражаются и принимают смерть русские воины. «Не сдавайтесь, братцы, стоим за матушку-Россию!» – восклицает офицер крейсера «Рюрик» во время морского сражения летом 1904 г.⁷

«В сознании правоты и силы» – название этого рисунка, опубликованного в самом начале войны, отражает другую важнейшую функцию «России-Матушки». Моральное преимущество России призвана выразить фигура женщины с голубем мира в правой руке и с мечом – в левой. Как коварство, так и варварство Врага символизирует подкрадывающийся сзади полуголый самурай (любопытно, что за его спиной – не только азиатский дракон, но и силуэт американской статуи Свободы) (Прил., рис. 22).⁸ В качестве аллегии силы женская фигура используется и на другом рисунке из журнала «Нива»: «Россия» в древнерусской воинской одежде сражается на бастионах Порт-Артура (Прил., рис. 19). Грядущую победу призван символизировать образ России-женщины с плаката «К войне России с Японией» (Прил., рис. 9).⁹

Родина, далее, оплакивает своих сыновей. Память о войне, скорбь о павших и их прославление – эти функции призвана выразить «Россия», помещенная на рисунок, который посвящен подвигу крейсера «Варяг» (Прил., рис. 20). Призыв воздвигнуть Храм «Спаса на водах» в память о погибших в Цусимском сражении содержал такие слова:

Помянем же героев, принявших за Родину-Мать мученический венец, сооружением в столице России в знак народной благодарности и в назидание по-

⁶ Нива. 1904. № 30. С. 590.

⁷ Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л., 1989, <http://militera.lib.ru/tw/melnikovsc1/08.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁸ Следует принимать во внимание, что в первые месяцы войны были распространены обвинения Японии в неджентльменском поведении, равно как и описания японского коварства, злоупотребления доверием.

⁹ См. также: Bonnell V.E. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. Berkeley, 1997. P. 274–275.

томству храма-памятника подвижникам, по морям разбросанным без могилы, без креста.¹⁰

Итак, Свои – это те, кто защищает Россию-Матушку, кто проливает за нее кровь, кому она покровительствует и о ком она скорбит. Чужие же в военном дискурсе представлены не только в мужском, но и в женском облике – и мы можем видеть в этом типичные тропы ориентализма. Феминизация Востока находит выражение в широко используемом пропагандой образе Японии как гейши.¹¹ Иллюстрацией дискурсивных практик символической демаскулинизации Чужих служит карикатура, которая изображает казака, пронзающего пикой японскую гейшу (Прил., рис. 6). Превосходство мужественности Своих показано также через иерархию маскулинностей, что, как отмечено в исследовании К. Петроне, принимало форму иерархизации видов храбрости: скажем, неприятель может проявить смелость, но эта смелость носит истерический характер и соотнесена с женским началом.¹² Демонстрация второсортности японской мужественности включает в себя и элемент расизма; так, карикатура «Японец и фортуна» показывает фортуна в виде женщины, в глазах которой японская мужественность лишена всякой привлекательности: «Отстань ты, желторылый! Надоел!»¹³

Следует также отметить, что дискурс военной пропаганды устанавливал иерархию маскулинностей и внутри российской армии. Мужество самообладания, которое атрибутируется славянским героям, противопоставляется стихийной смелости, которая приписывается, в частности, уроженцам Кавказа или Средней Азии; предполагалось, что по этой причине те могут хорошо воевать лишь под руководством славян или казаков.¹⁴

¹⁰ Шишов А.В. Неизвестные страницы русско-японской войны (1904–1905). М., 2004. С. 362.

¹¹ См., напр., карикатуры «Бесстыжая гейша» (Прил., рис. 8), «В 'мировом салоне'» (Будильник. 1905. № 31. С. 1).

¹² Petrone K. Masculinity and Heroism in Imperial and Soviet Military-Patriotic Cultures // В.Е. Clements, В. Evans, R. Friedman, D. Healey (Eds.) Russian Masculinities in History and Culture. Houndmills; New York, 2002. P. 173–174.

¹³ Японец и фортуна (Осколки. 1904. № 28. С. 1). В свою очередь, в японских театрах шли постановки, в которых Россия была представлена свирепым, но трусливым медведем (Державы и русско-японская война: (Политическое обозрение) // Нива. 1904. № 14. С. 276).

¹⁴ Petrone K. Masculinity and Heroism. P. 175.

Наконец, говоря о внутренних Чужих, обратим внимание на иерархизацию фемининностей в военном дискурсе. Одна из карикатур противопоставляет две женственности: патриотическая связывается с *гендерной* нормой; *гендерная* же девиация – с потенциальным предательством (Прил., рис. 23); женская сексуальность при этом показывается как опасность для нации.

Другим важнейшим событием начала века, оказавшим влияние на развитие образа России-Матушки, стала революция 1905–1907 гг. Власть использовала «Россию-Матушку» в качестве символа единства, апеллируя тем самым к мифологии иерогамии. Так, в Высочайшем Манифесте от 6 августа 1905 г. объявлялось учреждение Государственной думы и говорилось:

...избранные доверием всего населения люди <...> окажут <...> полезное и ревностное содействие в трудах наших на благо общей нашей Матери, России, и утверждению единства, безопасности и величия Государства и народного порядка и благоденствия. Твердо уповаем, что с помощью Всемогущего Бога и единодушными усилиями всех своих сынов Россия выйдет с торжеством из постигших ее ныне тяжких испытаний...¹⁵

На картине «Святая Русь» из главного храма Царицынского монастыря Россия-Матушка используется как символ единения Своих (верноподданных) против Чужих (революционеров): бунтовщики в страхе бегут от молодой женщины с мечом в правой руке.¹⁶

В свою очередь, в революционном дискурсе Россия представлена в образе женщины, страдающей от произвола государства, чиновников и несправедливой власти. Период Первой русской революции становится временем визуального оформления этой идеи.¹⁷

В культуре Серебряного века обозначилась тенденция феминизировать революцию, которая в дальнейшем оказала влияние как на восприятие феномена революции, так и на развитие исследуемого образа. В. Розанов свое представление о событиях 1905–1907 гг. выразил так: «В революции русская баба пошла на мужика. <...> Баба-революция пошла на мужика-государство». «Бабы – не государственники», и оттого

¹⁵ Нива. 1905. № 32. С. 637.

¹⁶ Святая Русь: Русский патриотизм: Большая энциклопедия русского народа / Под ред. О.А. Платонова. М., 2003. С. 702.

¹⁷ Напр., карикатура из журнала «Нагаечка» (Прил., рис. 2).

русская революция не выдвинула ни одного государственного ума, государственной прозорливости, государственной умелости. В. Розанов подчеркивает в революции стихийность, анархизм, безрассудство, мечтательность и заключает: «Вся статья бабья. Ничего мужичьего».¹⁸

В этот период дискурс России-Матушки во многом обязан своим развитием «ослепительно талантливой», если пользоваться оценкой Н. Бердяева, провокативности розановских текстов. Так, в 1909 г. появляется статья В. Розанова с размышлениями о памятнике Александру III работы П. Трубецкого.

Водружена матушка Русь с царем ее. — Ну, какой конь Россия, — свинья, не конь... не затанцует. Да, такая не затанцует... матушка Русь решительно не умеет танцевать ни по чьей указке и ни под какую музыку... <...> Ну и что же, все мы тут, все не ангелы. И до чего нам родная, милая вся эта Русь! <...> Монумент Трубецкого, единственный в мире, есть именно наш русский монумент. И хулителям его, непонимающим хулителям, ответим то же, что простой Пушкин ответил на 'великолепные' рассуждения Чаадаева: 'Нам другой Руси не надо, ни другой истории'. Некрасивы наши матушки родные: и стары, и в болезнях, и без наряда, а ни на кого мы их не променяем. Вот и всё.¹⁹

«Свинья Матушка» – статья Д. Мережковского с таким названием стала откликом на откровения В. Розанова; автор обращает внимание на тот фрагмент розановского текста, в котором противопоставляются «человеческий лик», выражающий собою Европу, и «круп животного», напоминающий «Матушку-Русь».²⁰ Синтезируя «Россию-матушку» и «Россию-свинью», Д. Мережковский получает «Свинью Матушку»; поклонение ей («Да здравствует Свинья Матушка!») становится у писателя символом русской реакции и русского рабства.²¹ Действительно, розановский образ России предполагал особый тип и государственного устрой-

¹⁸ Розанов В.В. Л. Андреев и его «Тьма» // Розанов В.В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 261 (Собр. соч.).

¹⁹ Розанов В.В. Paolo Trubezko и его памятник Александру III. С. 326.

²⁰ Мережковский Д.С. Свинья Матушка // Мережковский Д.С. «Большая Россия»: Избранное. М., 1990. С. 170–172.

²¹ Ответ В. Розанова на эти замечания также заслуживает внимания: «Вот уже два века прошло, как русское правительство, русские писатели, вся решительно печать и, наконец, школа всемерно чистят и полируют 'матушку Русь', будто старый самовар к празднику. Кажется, в высшей степени одушевлен чистильщик, и в высшей степени не одушевлена очищаемая вещь. Он так умен, она так глупа. <...> В этой борьбе, в сущности, прошла наша двухвековая история» (Розанов В.В. Полемические заметки // Розанов В.В. Старая и молодая Россия: Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 357 (Собр. соч.)).

ства, и политической культуры, и черт характера. Очевидно, поиски другой России, стремление увидеть Россию иначе требовали иные символы – или, по крайней мере, другую интерпретацию прежних. «Россия-Матушка» становится предметом дискуссий, что было обусловлено, помимо поисков нового взгляда на настоящее и будущее страны, рядом других факторов, среди которых, прежде всего, отметим, влияние софиологии и усиление интереса к вопросам пола в культуре Серебряного века. Переосмысление концепта России-Матушки шло в двух основных направлениях: во-первых, это проблематизация прежней, «материнской», модели отношения России и русских; во-вторых, это дискуссия о женственности России.

Своеобразная интервенция в дискурс России-Матушки осуществляется В. Соловьевым. Е. Трубецкой написал о нем:

В его отношении к России есть резко выраженная романтическая нота: он говорит о ней как влюбленный. Два земных образа чаще всего и больше всего вызывают в нем виденье 'Софии'-Премудрости Божией – образ возлюбленной и образ родины – *любимая женщина*, которая являет в себе образ 'земного всеединства' для личного чувства, и *родная земля*, призванная стать посредницей в осуществлении всеединства в человеческом обществе.²²

Очевидно, подобная эротизация отношения к России означает появление принципиально новых взглядов и на Россию, и на русского человека. Эти взгляды были встроены в сложную философскую систему В. Соловьева. Своеобразие «русской идеи» философа можно представить следующим образом: Россия призвана восстановить единство человеческого рода, утраченное в результате разделения на Запад и Восток, утверждающих соответственно «безбожного человека» и «бесчеловечного Бога». «Всемирная отзывчивость русской души», о которой писал Ф. Достоевский, рассматривается В. Соловьевым в качестве свидетельства способности России стать посредницей между человечеством и Богом. Идея Софии-Премудрости Божией как воплощения женского начала занимает в этих воззрениях важное место. В. Соловьев высказывает идею об особой предрасположенности русских к культу

²² Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 504–505.

Премудрости²³ и связывает эту национальную особенность с теми качествами, которые и делают возможным осуществление нравственного идеала русского народа: на «священном всероссийском знамени», подчеркивает он, написано «та же Св. София, тот же Дом Пресвятыя Богородицы... Не может быть такого, чтобы на знамени великого народа было написано только его собственное имя, чтобы он должен был верить только в самого себя, служить только своей корысти».²⁴

В системе В. Соловьева понятие Софии имеет много аспектов, каждый из которых связан с фемининными коннотациями.²⁵ Так, София есть начало, посредствующее между Богом и миром, обнаруживающее качества материнской любви. Она потенциальна и пассивна, что позволяет ей выполнить волю Творца. Как Мировая Душа она представляет собой начало, связующее человечество и всю тварь, преодолевающее дискретность бытия. София порождает мир и выступает, следовательно, всеобщей матерью-материей. В аспекте Софии падшей она, будучи разделенной с мужским началом, является причиной грехопадения.²⁶

Еще один фемининный аспект Софии отражен в идее Вечной Женственности, которая была очень популярна в культуре Серебряного века. Термин «Вечная Женственность» используется В. Соловьевым для обозначения того аспекта Софии, который А. Лосев называет «интимно-романтическим»: София переживается как возлюбленная, как вечная подруга.²⁷ Она «и небесная лазурь, и лик любимой женщины одновре-

²³ Напр.: Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 576. Он упоминает и о поклонении Богородице как другому воплощению женского, материнского, начала (Он же. <Публичная лекция, читанная профессором Соловьевым в Кредитном обществе> // Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 40–41).

²⁴ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России: Вып. первый // Там же. Т. 1. С. 397.

²⁵ Подробнее см.: Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997. С. 42–54.

²⁶ Философ называет Россию «душа мира» и объясняет этим не только величие России, но и подстерегающие ее опасности: «...как в душе природного мира и в душе отдельного человека светлое духовное начало имеет против себя темную хаотическую основу, которая... еще не подчинилась высшим силам, – которая еще борется за преобладание и влечет к смерти и гибели, – точно так же, конечно, и в этой собирательной душе человечества, то есть в России» (Соловьев В.С. Поэзия Ф.И. Тютчева // Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. СПб., 1994. С. 373).

²⁷ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 236.

менно»,²⁸ и вечный предмет Божественной любви, и опосредованный предмет любви человеческой.²⁹ Отметим, что София для В. Соловьева не только отвлеченное философское понятие, но и личность, его небесная возлюбленная, героиня его лирики.³⁰ С. Булгаков по этому поводу пишет, что философ «знал и хотел любить прямо Афродиту Небесную, Божественную Софию, без всякого посредства, и мало того, ощущал на себе, что он любим ею ответной любовью».³¹

Образ России в творчестве В. Соловьева обнаруживает параллели с образом самой Софии. В. Соловьев вспоминает в «Трех речах в память Достоевского», что видение Иоанна Богослова о «жене, облеченной в солнце» великий писатель трактовал таким образом: жена – это Россия, а рождаемое ею есть то новое слово, которое Россия должна сказать миру.³² Хотя В. Соловьев, по-видимому, никогда не называет Россию женственной прямо, такая соотнесенность женского образа из «Апокалипсиса» с Россией вполне органична для его творчества: анализ трактовки философом русскости, с одной стороны, и его интерпретации сущности мужского и женского начал, с другой, показывают, что образ России в его текстах наделяется фемининными чертами.

²⁸ Там же. С. 234–235.

²⁹ Соловьев В.С. Смысл любви // Соч. М., 1990. Т. 2. 533–534. Согласно теории любви В. Соловьева, истина любовного пафоса – «в превращении индивидуального женского существа в неотделимый от своего лучезарного источника луч вечной Божественной женственности» (Там же. С. 534). «Небесный предмет нашей любви, – говорит философ, – только один, всегда и для всех один и тот же – вечная Женственность Божия...» (Там же. С. 585). Задача истинной любви, по В. Соловьеву, состоит в том, чтобы реализовать и воплотить этот предмет «в другом, низшем существе той же женской формы, но земной природы...» (Там же).

³⁰ Козырев А.П. Софиология // Русская философия: Словарь / Под ред. М.А. Маслина. М., 1995. С. 466.

³¹ Булгаков С.Н. Владимир Соловьев и Анна Шмидт // Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 63. Г. Флоровский характеризует эту сторону учения о Софии как «какой-то жуткий оккультный проект воссоединения человечества с Богом через разнополую любовь» (Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1981. С. 464).

³² Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 259. В. Соловьев, воспринимая метафору Ф. Достоевского, высказывает мысль, что новое слово России «есть слово примирения для Востока и Запада в союзе вечной истины Божией и свободы человеческой» (Там же).

Иными словами, у Е. Трубецкого, который был близко знаком с В. Соловьевым, имелись основания писать об эротическом отношении философа к России.

Мотив отношения к России как к возлюбленной получил широкое распространение в поэзии символистов начала века, которые находились под сильным впечатлением от идей и образов творчества В. Соловьева.³³ Образ России как «жены, облеченной в солнце», наряду со многими другими образами, идеями, концепциями В. Соловьева, принимается виднейшими представителями религиозно-философского ренессанса; так, он встречается в сочинениях А. Белого, С. Булгакова, А. Блока. Последний откликается на учение о Вечной Женственности циклом стихотворений под названием «О Прекрасной Даме». А. Блоку, по оценке А. Белого, принадлежала особая роль в стремлении реализовать «соловьевство как жизненный путь»;³⁴ его известное восклицание «О Русь моя! Жена моя!» (1908) – это отнюдь не метафора: именно в таком, эротическом, ракурсе поэт воспринимал Россию.³⁵ Мотив отношения к России как к возлюбленной отражается и в привлечении в поэтические и философские тексты сюжетов освобождения Прекрасной Дамы рыцарем, пробуждения от сна Спящей Красавицы, которые, заметим, распространены в дискурсе европейского национализма.

В философской публицистике вопрос о том, кем должна быть Россия, матерью или возлюбленной, был рассмотрен в работе Н. Бердяева «Душа России» (1915). «Образ родной земли не есть только образ матери, это также – образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим началом, и образ дитяти. Прежде всего человек должен любить свою землю... <...> Но эта любовь не есть рабство у земли, не есть пассивное в нее погружение и растворение в ее стихии».³⁶ Между тем

³³ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 199.

³⁴ Белый А. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 25, 106 (Собр. соч.).

³⁵ По оценке Г. Федотова, «Россия-родина для Блока есть одно из воплощений Той, о которой он пел сначала под псевдонимом Прекрасной Дамы» (Федотов Г.П. На поле Куликовом // Полн. собр. статей: В 6 т. Paris, 1967. Т. 1. С. 133). А. Белый полагает, что А. Блок выражает сущность России образами Софии или «Светлой Жены» (Белый А. Воспоминания о Блоке. С. 39, 414).

³⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 27.

сама любовь русского человека к родной земле принимала форму, препятствующую развитию мужественного личного духа. Во имя этой любви, во имя припадания к лону матери отвергалось в России рыцарское начало. Русский дух был окутан плотным покровом национальной материи, он тонул в теплой и влажной плоти. Русская душевность, столь хорошо всем известная, связана с этой теплотой и влажностью; в ней много еще плоти и недостаточно духа.³⁷

«Любовь человека к земле должна быть мужественной», – настаивает Н. Бердяев.³⁸ В противном же случае и народ в целом, и отдельный человек чувствуют себя ребенком, излишне полагаются на заступничество России и снимают ответственность с себя.

Проблема получает развитие в дискуссии о национальном эросе, которая велась на страницах журнала «Русская мысль» (1916–1917). Среди участников этой полемики – П. Струве, Н. Бердяев, Н. Устрялов; наиболее же острой дискуссия была в текстах Е. Трубецкого и Д. Муретова. Почему человек любит именно свою нацию, если та отнюдь не самая лучшая и далеко не всегда права? Д. Муретов видит решение в том, чтобы различать два вида любви. Есть этическая любовь-сострадание, моральная и безличная; этическое отношение, по его мнению, воплощено в максиме В. Соловьева: «Люби другие народы так же, как свой». Но, как полагает Д. Муретов, существует и другая любовь, которая наиболее точно может быть обозначена как национальный Эрос; именно такая любовь-восхищение заставляет принять свой народ «во всей конкретной его индивидуальности», со всеми пороками и недостатками – так, как мужчина любит конкретную женщину.³⁹

Подобная позиция вызывает критику со стороны Е. Трубецкого, считающего, что патриотизм предполагает иную любовь. На войне бывают минуты, пишет он, когда животный инстинкт самосохранения говорит в человеке гораздо сильнее, нежели чувство любви к родине; и в эти минуты удерживает от бегства вовсе не капризный эрос, а сознание подлости малодушия и напоминание о долге присяги. Если человек, не любящий родину, представляется нам нравственным уродом, это значит, что само чувство любви к родине – чувство иного порядка, а вовсе не

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Муретов Д. Борьба за Эрос // Русская мысль. 1916. Кн. 4. С. 91–93.

«эрос». Родина нам мать, а вовсе не возлюбленная, пишет автор, ибо мы ее не избираем, а от нее рождаемся; и наше отношение к ней, если оно чуждо болезненным извращениям, есть именно отношение любящих сынов, а не любовников; недаром на всех языках в мире родина именуется именно матерью. В этом выражается сознание того факта, что любовь к родине, в отличие от эроса, не могущего быть обязанностью, есть нечто объективно должное и притом безусловно должное.⁴⁰

Дискуссия завершалась статьей П. Струве, который соглашается с необходимостью дополнения эроса этосом, однако считает, что сущность любви к родине выражает именно взаимопроникновение этих двух стихий. Да, отношение к своему народу и государству есть чувство, скорее, аналогичное отношению сына к матери. Но из такого понимания связи человека с родиной вовсе не вытекает, чтобы эта связь не основывалась на своеобразном эросе, то есть на совершенно личном и интимном отношении. Та обязанность сыновнего почтения к матери, которая признается нами как нечто «безусловно должное», есть лишь безличное этическое отражение в сознании совершенно иного, чисто личного, интимного отношения, не могущего быть предписываемым и ощущаемого нами не как обязанность, а как любовь или влечение.⁴¹

Таким образом, дискуссия о том, кем должен быть человек (мужчина) для нации – преданным сыном, верным рыцарем, пылким любовником, – потребовала проблематизации прежнего канона отношения к России и обращения к личностно-рыцарственной модели. Определение интеллектуалами своего места в России, равно как и ее миссии в мире, предполагало поиски новых образов.

В таком интеллектуальном контексте новый импульс получает идея женственности России. Если раньше она занимала по преимуществу

⁴⁰ Трубецкой Е.Н. Государственная мистика и соблазн грядущего рабства: По поводу статей П.Б. Струве и Н.А. Бердяева // Русская мысль. 1917. № 1. С. 81.

⁴¹ Впрочем, П. Струве еще на рубеже столетий написал: «Мы любим родину, как дитя любит мать. Прекрасное сравнение! <...> Но родина нам не только мать. Она в такой же мере наша дитя. Мы в сознательной и бессознательной жизни, духовно и материально, одно поколение за другим, творим и растим нашу родину <...> Мать-дитя! В этом символе разгадка мучительно-искренних споров о том, что любить в родине: действительность настоящего дня или мечту о завтрашнем...» (Струве П.Б. Национальный Эрос и идея государства: Ответ кн. Е.Н. Трубецкому // Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 404).

маргинальное место в дискуссиях о национальной идентичности, выполняющая функции фигуры речи, то теперь все более становится предметом обсуждения и критики; миссия же России связывается с ее гендерными характеристиками. О женственности русской души пишут Д. Мережковский и С. Булгаков, В. Иванов и А. Белый.⁴² Наибольшее внимание ей уделили В. Розанов и Н. Бердяев.

Последний возвращался к этой теме на протяжении почти сорока лет своего творчества; еще в статье «Русский соблазн» (1910) он говорит о женственности русской стихии, о «ложном соединении мужественного и женственного».⁴³ Новое национальное самосознание должно быть «мужественно-активным, солнечным, светоносным, носителем Логоса, оформляющего и овладевающего стихией».⁴⁴ Статья завершается призывом: «Да снизойдет... на всех 'русских мальчиков' благодатная сила мужественного Логоса!»⁴⁵

В «Судьбе России» (1914–1918) эти идеи получают развитие. Уникальность России, ее загадочная противоречивость связывается с «несоединенностью мужественного и женственного в русском духе и русском характере».⁴⁶ «Россия невестится, ждет жениха...»,⁴⁷ – пишет Н. Бердяев, называя среди факторов женственности России прежде всего особый характер русской религиозности и крайне незначительную роль рыцарского сословия в русской истории.⁴⁸

Обосновывая тезис о женственности России, Н. Бердяев фактически воспроизводит тот традиционный образ «загадочной русской души», который мы рассмотрели в предыдущей главе на материале западных текстов. Он пишет: «Гений формы – не русский гений...»⁴⁹ Сама необъятность русского пространства препятствовала оформлению русской

⁴² См.: Рябов О.В. Русская философия женственности.

⁴³ Бердяев Н.А. Русский соблазн: По поводу «Серебряного голубя» А. Белого // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 427.

⁴⁴ Там же. С. 429.

⁴⁵ Там же. С. 438.

⁴⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 15.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Напр.: Бердяев Н.А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 210; Он же. Философия неравенства. М., 1990. С. 34.

⁴⁹ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 63.

души; безграничность русских полей вошла в душу русского человека наряду с безграничностью государства. Раскрытие мужественного, оформляющего начала должно идти изнутри, из самой России, между тем как она всегда чувствует мужское начало себе трансцендентным, а не имманентным: «...все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западно-европейским...»⁵⁰ Россия – «страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы».⁵¹

Фемининная пассивность – еще одна черта русской души.⁵² Отношение русских к государственной власти также определяется как «пассивная, рецептивная женственность», «покорность».⁵³ С покорностью Н. Бердяев отождествляет и русское смирение, считая его модусом склонность русской интеллигенции к подражательности, к подчинению Западу, к духовному браку с иностранцами, будь то Маркс или Кант.⁵⁴

Пресловутая антиномичность русской души, по мнению Н. Бердяева, является отражением русского хаоса и также свидетельствует о ее женственности.⁵⁵ «Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем».⁵⁶ В русском характере уживаются анархизм с культом государства, национальная терпимость, «всечеловечность» с шовинизмом, свобода духа с «жуткой покорностью», «святость» со «свинством»; «святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической».⁵⁷ При этом стремление к крайностям, дионисийская чрезмерность, трактуется как женская черта, а аполлоновский культ меры, середины – как мужская, потому «для русских характерна какая-то бездарность во всем относительном и среднем».⁵⁸

Культуру создает мужественная Европа; в России же начало культуры, начало человеческое выражено слабее, чем начало природы. Об-

⁵⁰ Там же. С. 15, 16.

⁵¹ Там же. С. 14.

⁵² Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Философия творчества... Т. 2. С. 300.

⁵³ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 5.

⁵⁴ Там же. С. 16.

⁵⁵ Там же. С. 15.

⁵⁶ Там же. С. 64.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 25.

речение русскими мужественности и означало бы, что человеческое призвано господствовать над природным, а не наоборот.⁵⁹ Но до сих пор «Россия жила слишком природной, недостаточно человеческой жизнью»; везде личность подавлена органическим коллективом.⁶⁰

Первородная стихия русской земли ждет просветления. Статья, посвященная оформлению фемининной стихии народного дионисизма, выразительно озаглавлена Н. Бердяевым «Темное вино»: необходима творческая работа мысли, которая и прольет свет на русскую тьму. Мышление русских – часто нерасчлененное, неспособное к дифференциациям.⁶¹ Познание сориентировано скорее на мистичность и интуитивность, чем на логику и рациональный дискурс.⁶²

У русских сердце преобладает над умом и волей, ко всему на свете они применяют исключительно моралистические оценки.⁶³ И взгляд на историю по-женски частный: в отношении к жизни «есть как бы преобладание женственного, господства чувства, женственного сострадания, женственных ‘частных’ оценок, женственного отвращения к истории, к жестокости и суровости всего исторического, к холоду и к огню восходящего ввысь духа».⁶⁴

Русская религиозность – это женственная религиозность, религия земли. Русский человек слишком полагается на русскую землю, при этом отождествляя мать-землю с Богородицей, заступничество которой он всегда ожидает.⁶⁵ Культ матери-заступницы пронизывает всю русскую религиозность: это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы.⁶⁶ Христос же остается судьей: русские не видят кенозиса Христа, поэтому для них характерно вечное желание укрыться от страшного Бога за матерью-землей, «в складках одежды Богородицы».⁶⁷ Основная же добродетель – смирение: «Всякий слишком героический путь личности

⁵⁹ Там же. С. 18.
⁶⁰ Там же. С. 14–15.
⁶¹ Там же. С. 85.
⁶² Там же. С. 22.
⁶³ Там же. С. 84.
⁶⁴ Там же. С. 205.
⁶⁵ Там же. С. 48, 64.
⁶⁶ Там же. С. 10.
⁶⁷ Там же. С. 48, 77.

русское православное сознание признает гордыней...», а следовательно, «лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться».⁶⁸

Таким образом, чрезмерная женственность используется Н. Бердяевым в качестве маркера тех сторон российской действительности, которые, по его мнению, должны быть преодолены. При этом необходимо сделать две оговорки. Во-первых, в качестве порока им называется и другая крайность – чрезмерная мужественность, которую он приписывает Германии.⁶⁹ «Мужественность русского народа не будет... оторванной от женственности, как у германцев».⁷⁰ Россия призвана соединить в себе мужественное и женственное начала, воплотить Божий замысел о себе как Востоко-Западе.⁷¹ Во-вторых, отношение мыслителя к проблеме женственности России неоднократно менялось, в чем мы сможем убедиться в дальнейшем.

Представители другой точки зрения расценивали женственность России как знак ее мессианского призвания, источник ее своеобразия и фактор ее преимущества над другими культурами. Для понимания подобной логики необходимо учитывать, что в культуре Серебряного века широкое распространение получила идея женского мессианизма, спасительной миссии женщины, женского начала. Помимо отмеченных положений софиологии, популярностью пользовался тезис о том, что андроцентризм, избыточная мужественность, является причиной кризиса современной цивилизации – «человеческой, слишком человеческой» (например, в текстах В. Розанова).⁷² Грядущее же ожидается как время возвышения женщины, возрастания значения женского начала в мире.⁷³

Наконец, подобные настроения включаются и в геополитический дискурс, в обсуждение вопросов отношений России с Западом (в первую очередь, с Германией). Здесь особый интерес представляют рассуждения В. Розанова, который посвятил данной проблеме статью «Возле

⁶⁸ Там же. С. 75, 74.

⁶⁹ «Германская раса – мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная» (Там же. С. 16).

⁷⁰ Там же. С. 23.

⁷¹ Там же. С. 19.

⁷² См.: Рябов О.В. Русская философия женственности. С. 183–185.

⁷³ Напр.: Иванов В.И. О достоинстве женщины // Иванов В.И. По звездам. СПб., 1909. С. 385; Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М., 1992. С. 78.

‘русской идеи’...», написанную в 1911 г. и опубликованную впервые в 1914 г. В Германии, пишет В. Розанов, распространено мнение о женственности русских, которые «в сочетании с мужественной тевтонской расой дадут чудесный материал для истории». ⁷⁴ По этому поводу писатель замечает: «Муж есть глава дома... Но хозяйкой его бывает жена <...> ... И, в конце концов, она управляет и самим мужем <...> Вот что можно ответить Вильгельму и Бисмарку на их указание о ‘женственном’ характере славян». ⁷⁵ Мыслитель соглашается с тем, что Россия – «женщина, вечно ищущая жениха, главу и мужа», ⁷⁶ но вместе с тем подчеркивает: женская уступчивость и мягкость оказываются силой. Жена входит в дом мужа как ласка и нежность в первый миг, но уже во второй она делается госпожой. «‘Женственное’ облегает собою мужское, всасывает его»; вода (символ первого начала) «точит камень». Так и европейцы оказываются побежденными русской женственностью; они сами отдаются русскому началу, отрекаются от «самой сущности европейского начала – начала гордыни, захвата, господства». ⁷⁷

Возможность проверить справедливость такого рода рассуждений вскоре предоставила начавшаяся Первая мировая война, известие о которой, как говорилось в Высочайшем манифесте о войне (2 августа 1914 г.), «наша Великая Матушка Русь» встретила «со спокойствием и достоинством». ⁷⁸

⁷⁴ Розанов В.В. Возле «русской идеи»... // Соч. М., 1990. С. 322.

⁷⁵ Там же. С. 325–326.

⁷⁶ Там же. С. 329.

⁷⁷ Там же. С. 333.

⁷⁸ См.: Историческая летопись // Исторический вестник. 1914. № 8. С. 22.

III. 2. «Наша великая матушка Россия»:

Свои и Чужие в гендерном дискурсе Первой мировой войны

Матери сознают, что им надо посторониться.

Пришла к ним в семью и позвала их сына

другая, более великая мать:

Мать-родина.

Г. Петров⁷⁹

Мы не хотим, чтобы грудь

нашей матушки-России сосали иностранцы,

а мы пользовались их подачками.

Из письма русского военнопленного⁸⁰

«Тот огромный подъем патриотических чувств, любви к родине и преданности Престолу, который, как ураган, пронесся по всей земле Нашей, служит в Моих глазах, да, думаю и в ваших, ручательством в том, что Наша великая матушка Россия доведет ниспосланную ей Господом Богом войну до желанного конца».⁸¹ Эти слова из речи Николая II, произнесенной 26 июля 1914 г. перед членами Государственного Совета и Государственной думы, показывают, что с самых первых дней войны исследуемый образ активно включается в пропаганду. Мы уже могли убедиться, что гендерный дискурс был широко востребован в репрезентациях отношений России и Германии в предвоенные годы. Как мифология России-Матушки работала в идентификационных стратегиях Великой войны? Какое участие гендерный дискурс (включая женственные образы России) принимает в продуцировании инаковости, внешней и внутренней, в определении границы между Своими и Чужими в этот период?⁸²

⁷⁹ Петров Г. Народ-великан // Великая война России за свободу и объединение славян / Под ред. Д.И. Тихомирова. М., 1914. С. 100.

⁸⁰ См.: Колоницкий Б.И. Занимательная англофобия: Образы «Коварного Альбиона» в годы Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2000. № 1 (41). С. 76.

⁸¹ См.: Кузьмин-Караваев В. Вопросы внутренней жизни // Вестник Европы. 1914. Кн. 8. С. 416.

⁸² Последние годы отмечены всплеском интереса исследователей к проблеме «Гендер и Первая мировая война» (в частности, опубликованы работы: M.R. Higonnet, J. Janson (Eds.) Behind the Lines: Gender and the Two World Wars. New Haven; London, 1987; Daniel U. The War from within: German Working-Class Women in the First World War. Oxford; New York, 1997; B. Melman (Ed.) Borderlines: Genders and Identities in War and Peace. New York, 1998; Grayzel S.R. Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France during the First World War. Chapel Hill, 1999; N.A. Dombrowski

Главным Чужим в эти годы стала Германия. Русские авторы расценивали это событие прежде всего как конфликт между Германией и Россией, причем нередко он трактовался в качестве не только собственно военной, но и метафизической конфронтации,⁸³ например, В. Эрн писал:

Столкновение духа Германии и духа России мне представляется внутренней осью европейской войны. Все другие силы группируются на периферии. Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовною и внутренней идеею русскою.

Словами *Меч* и *Крест* лучше всего характеризуется полярность этих двух всемирно-исторических сил.⁸⁴

Война рассматривается сквозь призму оппозиции «славянство – германизм», как «столкновение рас», «великая расовая борьба». Русский народ «единодушно откликнулся на мой призыв... встать дружно всей Россией... на защиту родной земли славянства» – так были обозначены мотивы войны Николаем II.⁸⁵ Не удивительно, что позиция Болгарии получает следующую оценку: «Рожденная из русской крови, пролитой за освобождение славянских народов, Болгария изменила славянству и подняла оружие против матери-России в союзе с нашими историческими врагами».⁸⁶ При этом в пропагандистском дискурсе Свои тракуются как носители тех качеств, которые обеспечивают им лидерство в мире, в настоящий момент или в будущем, в то время как Чужие воплощают все пороки. Эти различия признаются вечными и неустранимыми,⁸⁷ и подобная эссенциализация противоречий достигается различны-

(Ed.) *Women and War in the Twentieth Century: Enlisted with or without Consent*. New York, 1999; Darrow M.H. Op. cit.; Goodman P. *Women, Sexuality, and War*. New York, 2002). В этих работах рассматриваются многие аспекты взаимодействия гендерного и военного дискурсов, однако российский материал остается пока почти неизученным.

⁸³ Hellman B. *Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918)*. Helsinki, 1995. P. 98.

⁸⁴ Эрн В.Ф. *Меч и крест* // Соч. М., 1991. С. 297.

⁸⁵ Нива. 1914. № 34. С. 666. См. также: Великая война России за свободу и объединение славян.

⁸⁶ Болгарское предательство: (Политическое обозрение) // Нива. 1915. № 39. С. 720.

⁸⁷ Хотя не была исключением и интерпретация «пороков германизма» лишь как «дурной модальности» немецкой культуры (Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: Русские философы и первая мировая война // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. С. 219).

ми приемами. Так, популярными становятся обращения к славянскому и германскому эпосам, которые якобы указывают на изначальную оппозицию двух народов,⁸⁸ апелляция к фактам истории.⁸⁹ Другим же приемом явилось использование гендерных символов, метафор, образов.

Очевидно, интерпретация русскости и германизма в качестве двух противоположных начал поддерживала восприятие их сквозь призму гендерной дихотомии. Идеи женственной России и мужественной Германии во многом определили сущность дискуссий – прежде всего в философской публицистике – о характере российско-германских отношений.

Разумеется, теперь, когда Германия из «заклятого друга», из соперника превращается во Врага № 1, идея комплементарности мужественной Германии и женственной России, прежние образы «мистического романа», «эротического гипноза»⁹⁰ устраивают немногих. В образе Своих акцентируются маскулинные черты; сама же идея женственности России расценивается как «изобретение германского империализма».

В. Розанов пишет о том, что немцы создали «целую теорию о полной непригодности всего славянского племени, в том числе и русских, к образованию и культуре»; по их мнению, «славяне слишком мягки и женственны и не умеют и не могут быть самостоятельны», и только «в слиянии с мужественным тевтонским племенем они могут дать превосходную помесь, способную к культуре и политике. Это значит, что славяне могут быть отличными рабами немцев, и их ученые даже производят имя ‘славян’ от латинского слова ‘sclavi’, ‘рабы’». Но, восклицает автор, «ныне поднялся этот ‘бесхарактерный’ и ‘женственный’ русский мужик, чтобы показать соседям, что не такая уж он и ‘баба’, как рассчитывает его сиятельство, прусский юнкер».⁹¹

⁸⁸ Меньшиков М.О. Золотое сердце // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 497; Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 86–87.

⁸⁹ Например, в известном обращении Верховного Главнокомандующего Вел. кн. Николая Николаевича о Польше (август 1914 г.) говорится: «С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде» (см.: Петрищев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 9. С. 283).

⁹⁰ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание: (Публичная лекция). М., 1915. С.16.

⁹¹ Розанов В.В. Война 1914 года. С. 30–31. Германской мысли приписывается авторство идеи женственности славян и в сочинениях других авторов

В рассуждениях М. Меньшикова не только подвергается критике «германская» идея женственности России, но деконструируется сам расхожий образ русской души, который и позволял соотносить русскость с фемининностью. М. Меньшиков цитирует слова одного французского поэта, обращенные к членам Государственной думы: «Золотое славянское сердце соединится с разумом Запада и образует ценный сплав; из него будет отлит колокол, который возвестит рождение новой цивилизации, когда справедливость будет возвышать голос с той же силой, как и любовь». Как было отмечено в предыдущей главе, подобный ход рассуждений характерен и для логики русского мессианизма: фемининное русское сердце и маскулинный западный разум комплементарны. Однако М. Меньшикову такая характеристика славянства не кажется лестной: получается, «у нас только хорошее, золотое сердце, у них – разум».⁹² Она, замечает автор, напоминает характеристику славянской расы, данную когда-то канцлером О. фон Бисмарком (славяне – племя женственное по характеру, тогда как немцы – племя мужское; немец будто бы как тип мужчина, славянин всегда немножко женщина). Допустимо говорить о золотом *женском* сердце; превозносить же золотое сердце *мужчины* – значит, в каком-то важном отношении компрометировать его. Сдружившись же с русским человеком, подчеркивает далее публицист, очень нетрудно и поэксплуатировать его, приспособить к тому, чтобы он обслуживал вас без всякой требовательности относительно вознаграждения. Это дорогое и прямо-таки золотое свойство русского сердца из европейцев прежде всего открыли немцы, которые всегда презирали Россию, «как только может грубый мужчина презирать женщину».⁹³

Акцентирование мужского начала в русскости дополняется феминизацией Врага. Эта тенденция обнаруживает себя в визуальной пропаганде; так, названия высмеивающих Германию карикатур – «Блудница», «Погибшее и вовсе не милое создание» – говорят сами за себя.⁹⁴ На одном из плакатов Германия изображена в облике алчной, развратной и

этого периода, напр.: Т. Ардов (Тардов В.Г.). Судьба России: Избр. очерки (1911–1917). М., 1918. С. 11–13.

⁹² Меньшиков М.О. Золотое сердце. С. 530.

⁹³ Там же. С. 531.

⁹⁴ Блудница (Осколки. 1916. № 11. С. 8); Ре-ми. Погибшее и вовсе не милое создание (Новый сатирик. 1914. № 41. С. 5).

уродливой женщины.⁹⁵ Другое воплощение публичной женщины в сатирической графике – это Болгария, вступление которой в войну на стороне Германии, как уже упоминалось, расценивали как «предательство матери-России».⁹⁶

Демаскулинизация неприятельских воинов принимала различные формы; в частности, получают распространение сюжеты плакатов, лубков, газетных карикатур, где русские женщины оказываются сильнее немецких или австрийских мужчин.⁹⁷

Логику деконструкции образа мужественной Германии в философской публицистике проиллюстрируем рассуждениями С. Булгакова. Русская душа, полагает он, раздирается и обессиливается борьбой солнечности и тьмы; отсюда и постоянная опасность духовного наводнения, заливающего волнами мистического хаоса, отсюда же и потребность огордиться плотинами, ввести в берега бушующую стихию. В этой восточной женской стихии и заключена, по мнению автора, главная опасность для страны: «Если извне Россию победить невозможно, то можно побеждать изнутри, силою хаоса. И в этом восточность нашей природы с ее безличностью, безответственностью, инстинктивностью».⁹⁸ Этим философ объясняет «влечение» русской мысли к германизму: «германская тренировка» ценится как «средство забаррикадироваться в дневном, логическом сознании, чтобы только обезопаситься от бушующей ночной стихии». Однако, подчеркивает С. Булгаков, оказалось, что Германия отнюдь не является воплощением мужественного начала, призванного выступить дополнением русскости и обуздать «пьянящую стихию» русской души. Германия сама поражена, хотя и по-своему, тою же болезнью: она

⁹⁵ Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism in Russian War Posters of the First World War // В. Melman (Ed.) Op. cit. P. 105–106; см. также: Вашик К. Метаморфозы зла: Немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов // Образ врага / Под ред. Л. Гудкова. М., 2005. С. 196.

⁹⁶ Ре-ми. Шансонетный дух (Новый сатирик. 1915. № 32. С. 9).

⁹⁷ Например, лубочная картинка «В плену у бабы» (Славенсон В. Война и лубок // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 106). Другие примеры см.: К. Малевич. Шел австриец в Радзивилы, да попал на бабы вилы (Казимир Малевич. Художник и теоретик: Альбом. М., 1990. С. 103); А. Радаков. Кинематограф «Сатирикона» (Новый сатирик. 1915. № 2. С. 9); см. также: Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism. P. 105.

⁹⁸ Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия: Историческое оправдание англо-русского сближения // Русская мысль. 1917. № 6. С. 18.

только кажется *трезвой*, но всегда была *хмельна* затаенным *опьянением*.⁹⁹ «России нужно преодолевать в себе лукавые черты своей собственной восточности, однако не западную *восточностью* же...»¹⁰⁰

Обратим внимание на ориенталистские мотивы данного текста. Устойчивые гендерные коннотации дихотомии Запад/Восток, свойственные дискурсу Модерности, были эксплицированы и в культуре Серебряного века.¹⁰¹ Поэтому подобная ориентализация Германии выполняла функцию ее демаскулинизации и, таким образом, делегитимации. Заметим, что подобное дискурсивное вытеснение Чужих за пределы нормы под названием «Европа» – распространенный прием пропаганды всех воюющих держав. В частности, это отразилось в самом популярном наименовании немцев в пропаганде стран Антанты – «гунны».¹⁰² В свою очередь, германская пропаганда эксплуатирует идею азиатской сущности славян вообще и русских в особенности, обвиняя при этом Англию и Францию в предательстве интересов «белого человека», европейской цивилизации – поскольку те во имя эгоистических сиюминутных интересов заключили противоестественный союз с «варварами».¹⁰³

Таким образом, феминизация внешних Чужих, подчеркивающая их слабость и неизбежность собственной победы, – это одна из заметных черт российского взгляда на войну. Вместе с тем получил распростране-

⁹⁹ Мысль о том, что в германизме фемининное дионисийское начало (с его «безумием», «опьянением», «манией», «хлыстовством») преобладает над аполлоническим, встречается и в текстах других авторов (см., напр.: Hellman B. *Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution*. P. 109, 160).

¹⁰⁰ Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия. С. 19 (курсив мой. – О.Р.).

¹⁰¹ См.: Рябов О.В. Женщина и женственность в философии Серебряного века.

¹⁰² См., напр., плакат «Останови гунна!» (H.P. Raleigh, 1918) (Stanley P. *What did You do in the War, Daddy?: A Visual History of Propaganda Posters*. Melbourne; New York, 1983. P. 61). «Варвар, перед которым Аттила и Тамерлан – просто милые, безвредные шалуны» – такую характеристику получает кайзер (Дживелегов А.К. *Немецкая культура и война*. М., 1917. С. 60).

¹⁰³ Powys J.C. *The War and Culture: A Reply to Professor Muensterberg*. New York, 1914; Roetter C. *The Art of Psychological Warfare, 1914–1945*. New York, 1974. P. 46–47. Отметим также, что в самом начале войны в окрестностях Варшавы распространяются листовки, написанные от имени командования германской и австро-венгерской армий, в которых говорится: «Пусть восточное варварство отступит перед западной цивилизацией, общей у нас с вами <...> Общими силами мы выгоним из границ Польши азиатские орды» (См.: *Историческая летопись // Исторический вестник*. 1914. № 9. С. 23).

ние и другой тип дискурса, заключающий в себе феминизацию России на фоне маскулинизации Врага.

Первый модус этого типа дискурса акцентирует внимание на страданиях и жертвенности как русских женщин, так и России. Скорь России по своим сыновьям отражена на плакате «Москва русским воинам в плену».¹⁰⁴ Защита чести России-Матери – важный мотив патриотического дискурса. Например, в письме И. Кудряшова, сельского старосты из Калужской губернии, говорится: «Не допустим врага насмеяться над нашей матушкой-Россией...»¹⁰⁵ Картины бесчестия или сексуального насилия, которым Свои женщины подвергаются со стороны Врага-мужчины, занимали важное место в описании «немецких зверств». С самого начала войны в печати многократно воспроизводились рассказы об издевательствах австрийцев и немцев над русскими женщинами.¹⁰⁶ Тема похотливости Врага разрабатывается в сатирической графике,¹⁰⁷ кинематографии,¹⁰⁸ беллетристике.¹⁰⁹ Так, в романе О. Бебутовой «Варвары XX века» немец фон Ледниц мстит русской аристократке за отверженную любовь:

‘Ты не княжна Нерядова, нет, ты – Россия. Я не барон фон Ледниц, я – Германия <...> И как Россия застонет под властью Германии, так и ты застонешь под моей рукой’.

Нетерпеливая, бешеная злоба охватила его, и нужны были все усилия воли, чтобы сдержать этот порыв. О, если бы сейчас, каким-нибудь чудом, она явилась сюда, княжна Нерядова, он осыпал бы ее ударами хлыста, как непокорную лошадь, он топтал бы ее своими ногами, и потом... всю окровавленную, измученную, со стонами муки, он с силой подчинил бы ее своей мужской страсти... И это было бы дикое, но сладкое наслаждение... В нем проснулся грубый тевтон... И этот грубый тевтон сладко спал десятки лет в нежных объяти-

¹⁰⁴ С.А. Виноградов. Москва русским воинам в плену. 31 окт. – 1 ноябр. 1915 (Бабурина Н. Русский плакат первой мировой войны. М., 1992. С. 49).

¹⁰⁵ Российская любовь // Отклики войны. Нива. 1915. № 7. Прил. С. 3.

¹⁰⁶ Напр.: Розанов В.В. Война 1914 года. С. 62–65, 74; Война и женщина / Под ред. Б.И. Имшенецкого. Пг., 1914. С. 8–10.

¹⁰⁷ Напр., карикатуры «Страничка из германской истории. Нашествие гуннов 20 века» (Осколки. 1915. № 15. С. 8) и «Новая мифология» (Прил., рис. 30).

¹⁰⁸ Фильмы «Позор XX века или Антихрист» (Ян Х.Ф. Русские рабочие, патриотизм и Первая мировая война // Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций, 1861 – февраль 1917 / Под ред. С.И. Потолова. СПб., 1997. С. 385) и «Ужасы Реймса» (Jahn H.F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995. P. 165).

¹⁰⁹ Произведения Л. Чарской, О. Бебутовой, Н. Брешко-Брешковского; см.: Хеллман Б. Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война / Под ред. Н.Н. Смирнова. СПб., 1999. С. 311.

ях культуры. Он проснулся, и со злобой он оттолкнул свою приемную мать – культуру и стал таким, каким он был когда-то, когда шел на врага, полуобнаженный, обмотанный шкурой сраженного зверя, с примитивным орудием в руках.¹¹⁰

Другая функция маскулинизации Чужих преследует цель обосновать собственное моральное превосходство при помощи атрибутирования себе фемининных качеств. Следует отметить, что для дискурса национализма в России эта идея имела особую привлекательность: спецификация русскости часто достигалась через акцентирование жертвенности и бескорыстия России.¹¹¹ Свои воплощают Добро, Чужие – Зло, абсолютное Зло. Дегуманизация Врага достигается либо через эксплицитованную гендерную маркировку «пороков германизма», либо через соотнесение их с теми качествами, которые вполне устойчиво ассоциировались с мужским началом. Образ Своих насыщался противоположными, фемининными качествами. Например, В. Иванов, противопоставляя аполлоническое начало маскулинного германизма дионисизму женственных славян, так характеризует последних:

А славянство радуется смене и плавности форм и, плавя все формы, плавится само, текучее, изменчивое, забывчивое, неверное, как влага, легко возбудимое, то растекающееся и дробящееся, то буйно сливающееся; недаровитое к порабощению природы, но зато неспособное и к ее умерщвлению холодным рассудком и корыстью владельческой воли; готовное умильно прильнуть к живой Матери-Земле; лирическое, как сербская или русская песня, музыкально-отзывчивое, как горное эхо, на все голоса вселенной; в самом эпическом героизме своих юношей-воинов – женственное, как Душа Мира; знающее святыню явления, видящее в нем богоявление Единой Души. Любит оно, гулливое, как волна, узывчивую даль и ширь полей, и вольные просторы духа – и недаром тот, кто раздвинул мироздание в просторы беспредельные – Коперник, – был славянин.¹¹²

¹¹⁰ Бебутова О. Варвары XX века: Роман из современной жизни. Пг., 1915. С. 49–51.

¹¹¹ «В русской душе всегда жила скорбь за всех, печалование о судьбах всего мира, вселенское самосознание» (Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. С. 57); обратим внимание на термин «печалование», который обычно используется для того, чтобы охарактеризовать заботу Богородицы о человечестве как вершину материнского бескорыстия.

¹¹² Иванов В.И. Духовный лик славянства // Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 670. См. также с. 688.

Одно из проявлений «звериной мужественности» Германии – это жестокость и культ силы, контрастирующие с природной добротой, кротостью, незлобивостью русского солдата.¹¹³

Популярными становятся обвинения немецкой культуры в бездушном рационализме и преклонении перед техникой.¹¹⁴ «Равнодушие машины» отмечает в немецком характере С. Франк; «основная черта того, что зовется ‘немецкими зверствами’, есть их обдуманность и методичность <...> То, что характерно для немецкой жестокости, есть ее планомерность».¹¹⁵ В анимационном фильме «Бельгийская лилия» (В. Старевич, 1915) ассоциация с «изнасилованием Бельгии» достигается при помощи противопоставления живой природы и германских машин.¹¹⁶ Даже насилие над женщинами, подчеркивает В. Брюсов, осуществляется немцами «систематически» и «механистически».¹¹⁷ «Германия превратила человека в ретортного методического гомункула, и этим-то гомункулизмом обольстилась, зачаровалась наша кочевническая душа», – пишет С. Булгаков.¹¹⁸ Между тем в русской философии пола было распространено соотнесение мужского начала с чем-то механическим, искусственным, с машиной.¹¹⁹

Особый модус дегуманизации Германии – обвинение в «человекобожии».¹²⁰ «Гордыня» – это тот термин, который в текстах многих российских авторов традиционно использовался для характеристики Запада вообще и Германии в особенности. Россия же, напротив, была представлена как воплощение смирения.¹²¹ Между тем грех гордыни назывался сатанинским и ассоциировался с мужским началом. Обвинение в сговоре с силами Зла, преисподней традиционно используется в конст-

¹¹³ Меньшиков М.О. Вечно-женственное // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. С. 516.

¹¹⁴ Германский милитаризм как механическое чудовище Франкенштейн стал одним из образов пропаганды Антанты (Keen S. Op. cit. P. 147). Германия – это «гигантская фабрика солдат» (Троповский А. Милитаризация материнства // Биржевые ведомости. 1915. 15 ноября).

¹¹⁵ Франк С.Л. Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 7, 6.

¹¹⁶ Jahn H.F. Op. cit. P. 165.

¹¹⁷ См.: Hellman B. Op. cit. P. 106.

¹¹⁸ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. С. 47.

¹¹⁹ См.: Рябов О.В. Русская философия женственности.

¹²⁰ Булгаков С.Н. Человечность против человекобожия.

¹²¹ См.: Рябов О.В. «Матушка-Русь».

руировании образа Врага, и сравнение с дьявольским началом явилось важнейшим приемом дегуманизации германизма.¹²² В. Эрн так иллюстрирует нравственный смысл российско-германского противостояния: в борьбе с гордыней германской воли Россия должна «смирненно склониться перед промыслом, вызывающим ее на великую историческую деятельность, и Ангелу-благовестителю всей силой и всем разумением своим ответить: – ‘Се раба Господня, да будет мне по слову Твоему!’».¹²³

Очевидно, от подобных обвинений один шаг до сомнений, являются ли вообще немцы христианами.¹²⁴ Так, С. Франк трактует войну как конфликт между «истинно-христианской культурой» и «новым язычеством».¹²⁵ М. Меньшиков, утверждая, что немцы утрировали в себе предполагаемую добродетель мужества и довели ее до грубого шаржа, соотносит мягкость, незлобивость, простодушие славянской расы не только с женственностью, но – что принципиально – также с христианством и с человечностью. Любовь к ближнему, снисходительность, нежность, кротость, уступчивость, терпение, смирение – все эти христианские добродетели вмещаются в образ высшей женственности, подчеркивает публицист, и плохо вяжутся с представлением высшего мужества. К последнему подходит храбрость, суровость, гордость, склонность повелевать,

¹²² См., напр.: Меньшиков М.О. Души народов // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. С. 506; Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 328. «Вильгельм, ад и сатана соединялись в разных формах» (Хеллман Б. Первая мировая война в лубочной литературе. С. 309). В «Анафеме Вильгейму Гордому», подписанной «Крестьянин Московской губернии», говорилось: «Вильгейм-царь, брат Сатаны! Царь Варваров! <...> Ты взял гордость Сатаны: нет Бога, а я сам буду бог, буду управлять всем миром» (См.: Чуковский К. Гимны ненависти и гимны любви // Нива. 1915. № 24. С. 467). Среди костромских крестьян циркулировали слухи о том, что Вильгельм II – антихрист, что он пьет человеческую кровь и пр. (Jahn H.F. Op. cit. P. 165); см. также рисунок М. Кудрявцева «Культевтонской орды XX века» (Нива. 1916. № 6. Прил. С. 3) и лубки «Враг рода человеческого» (Keen S. Op. cit. P. 37) и «Германский антихрист» (Paret P., Lewis B.I., Paret P. Persuasive Images: Posters of War and Revolution from the Hoover Institution Archives. Princeton, 1992. P. 14).

¹²³ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 303. Еще раз обратим внимание на – пусть неявное – сравнение России и Девы Марии.

¹²⁴ Так и была озаглавлена одна из газетных статей – «Христиане ли немцы?» (Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140–141).

¹²⁵ Франк С.Л. О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 17.

а не покоряться. Таков характер дикаря или воинственного варвара, с которым он и сравнивает немцев.¹²⁶

Женственность как символ морального превосходства – эта тема обыгрывается и в визуальной пропаганде. Так, появившийся в журнале «Нива» рисунок известного голландского карикатуриста Л. Ремэкерса «Маску долой!» можно прочесть, вероятно, следующим образом: Марианна срывает маску поэтической женственности с лица Германии, и мы видим подлинное обличье немецкого милитаризма – кровожадного воинственного рыцаря (Прил., рис. 29).

Оговоримся, что идея женственности как морального превосходства России включается и в дискурс мира, в протест против войны как таковой:

Германо-романский Запад мужествен, славяно-русский Восток женствен. Мы знаем о мире то, чего другие народы не знают, – что мир есть мир – не война и ненависть, а вечная любовь, вечная женственность? <...> В наши дни, дни мужества неправого и невечного, дни вражды не человеческой, даже не зверской, а дьявольской, не пора ли нам вспомнить о вечной любви, о вечной женственности?¹²⁷

Еще один модус аутофеминизации предполагал использование таких смысловых оттенков образа женственности, как сила, власть, мудрость женщины, в первую очередь женщины-матери; это позволяло расценивать «женственность России» в качестве военного преимущества, а отнюдь не недостатка. Образ всемогущей и всепобеждающей России-Женщины, получивший распространение в визуальной пропаганде, используется для обоснования идеи неизбежного поражения Германии. Решительная молодая женщина изображена на плакате «Россия – за правду» (Прил., рис. 35). В древнерусском шлеме и кольчуге, с мечом в правой руке и щитом с изображением Св. Георгия – в левой она стоит на поверженном драконе, три головы которого символизируют Германию,

¹²⁶ Меньшиков М.О. Вечно женственное. С. 515; вместе с тем автор оговаривается: «Мы знаем, до чего доводит торжество мужества, но ведь и преобладание женственности в иных странах ведет к гибели. <...> Теперь требуется все мужество, на которое способно великое наше племя – и мы дадим его. <...> Иначе всему священному и дорогому, что только есть для нас, угрожает смерть» (Там же. С. 517).

¹²⁷ Мережковский Д.С. Было и будет: Дневник 1910–1914; Невоенный дневник 1914–1916. М., 2001. С. 342–343.

Австро-Венгрию и Османскую империю.¹²⁸ Лубок «Россия и ее воин» обращает на себя внимание тем, что это, по всей вероятности, одно из немногих изображений России-Матушки вместе с ее сыновьями (очевидно, поэтому она здесь показана как более зрелая женщина по сравнению с большинством других изображений того периода) (Прил., рис. 3). Кроме того, интерес представляет текст, сопровождающий рисунок, в котором техническое преимущество немцев рассматривается как свидетельство слабости их духа, а связь с землей-матушкой русского воинства – как фактор, который обеспечит ему победу.¹²⁹

Представления о России как о «Доме Пресвятой Богородицы»¹³⁰ также вселяют оптимизм в сердца российских авторов. Мы верим, отмечает В. Эрн, что Пречистая Дева своим Покровом сообщает русскому воинству ту несокрушимую сталь духа, о которую расшибаются тевтонские полчища.¹³¹

Подобные приемы гендерной интерпретации военного противостояния использовались российской пропагандой и при репрезентациях других соперников Германии – союзники России, таким образом, нередко превращались в союзниц. В связи с этим представляет интерес лубок «Согласие», на котором три женские фигуры символизируют Россию (Вера), Англию (Надежда) и Францию (Любовь) и тем самым воплощают нравственную безупречность целей и мотивов ведения войны странами Антанты (Прил., рис. 12). Пропагандистский дискурс акцентирует внимание на страданиях и унижениях Бельгии;¹³² популярной была тема наси-

¹²⁸ Jahn H.F. Op. cit. P. 27.

¹²⁹ См. также другие изображения России-Матушки периода Великой войны: Проснувшаяся (Прил., рис. 5); Ре-ми. Канцелярский Петроград (Новый Сатирикон. 1915. № 36. С. 1); Да сбудутся мечты заветные России (Чапкина М. Художественная открытка. М., 1993. С. 159).

¹³⁰ См. подробнее: Рябов О.В. «Матушка-Русь». С. 114–120.

¹³¹ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 335–336. В книге В. Розанова приводится письмо простой крестьянки на фронт: Царица Небесная, Заступница, «дорогая Защитница наша спасет вас от злого Вильгельма врага» (Розанов В.В. Последние листья. 1916 год // Розанов В.В. Последние листья: Последние листья 1916 г.: Последние листья 1917 г.: Война 1914 года и русское возрождение. М., 2000. (Собр. соч.) С. 189).

¹³² См.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало; Hellman B. Op. cit.

лий, чинимых германскими воинами над бельгийскими и французскими женщинами.¹³³

Конфессиональные маркеры также обыгрываются в противопоставлении Своих и Чужих. Сравнивая католические Францию, Бельгию, Польшу и православную Россию, с одной стороны, и протестантскую Германию, с другой, В. Эрн подчеркивает:

Разными устами, но с одинаковым литургическим пафосом мы воспеваем Пречистую и Пренепорочную Матерь Светов. В Бельгии, Франции, Польше – это Ее алтари, Ее святыни, Ее чудотворные лики и списки. Нас сближает не только чувство гнева за одну святыню, но и еще нечто более высокое и ослепительное.¹³⁴

Конфессиональные, национальные и гендерные характеристики связываются воедино для объяснения причин этой девиантной маскулинизации Германии, «глубинного расстройств того, что может быть названо половым моментом национально-коллективной жизни» немецкого народа, который, по убеждению В. Эрна,

возвел в догму аномалию отвлеченной мужественности и отрицание положительной женственной сущности... Мартин Лютер... перерезал живое духовное питание немецкого организма небесною женственностью Пресвятой и Пренепорочной Девы-Матери, и с тех пор начались трагические блуждания немецкого духа, через *Критику чистого разума* пришедшего к современному гордому предприятию: чистым насилием и одной лишь люциферической, отвлеченно-мужской техникой своей культуры захватить власть над народами и овладеть Землей.

Вопрос, позволит ли Земля насильнику овладеть своею святою сущностью, – и решается на полях сражения.¹³⁵

Участие гендерного дискурса в противопоставлении «нормальных» Своих и «девиантных» Чужих очевидно в репрезентациях русских и немецких мужественности и женственности. Обосновывая свой тезис о миролюбии русских и агрессивности немцев, М. Меньшиков обращается к эпосу двух народов, противопоставляя Ярославну («светлый ангел»)

¹³³ Напр.: Розанов В.В. Война 1914 года; Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16. С. 313–315; см. также: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало; Hellman В. Op. cit.; Jahn H.F. Op. cit. P.163–165.

¹³⁴ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 337–338.

¹³⁵ Там же. С. 325. По оценке В. Иванова, немцы, в отличие от славян, оторваны от живой души земли и не мечтают о Вечной Женственности и Софии-Премудрости Божией (См.: Hellman В. Op. cit. P. 88).

«кровожадной и алчной» Кримгильде:¹³⁶ оппозиция «женственных» русских женщин и «маскулинных» немецких акцентирует идею патологии германизма. «Есть какая-то несомненная внутренняя связь между их [немцев] телесным сложением (особенно видным на столь распространенном типе богатырских женщин) и примитивностью их жизненных понятий», – пишет С. Франк.¹³⁷ Достаточно активно, в частности в сатирической графике, эксплуатируется идея физической непривлекательности немецких женщин.¹³⁸ Сходным образом гендерная девиантность Врага изображалась и другими соперниками Германии; например, на британском плакате «Красный крест или Железный крест?» немецкие женщины показаны как воплощение жестокости.¹³⁹

Необходимо подчеркнуть, что и в германских мужчинах жестокость, агрессивность, культ силы интерпретировались русскими авторами как чрезмерные. Германская маскулинность расценивается как избыточная, а потому ненормальная и обреченная на поражение. Н. Бердяев пишет о «трагедии германизма» как «трагедии избыточной воли... слишком исключительно мужественной».¹⁴⁰ Таким образом, устанавливается иерархия маскулинностей, и германской маскулинности в ней отводится подчиненное место. Позднее, в «Русской идее» (1948) Н. Бердяев даже охарактеризует чрезмерную маскулинность Германии как «уродство», которое «до добра не доводит».¹⁴¹

Функцию критики германской маскулинности с ее гордыней, алчностью и эгоизмом выполняет концепт русского богатырства. Образ национальной «богатырской» маскулинности используется в визуальной пропаганде.¹⁴² Возмущаясь нравами германского эпоса, М. Меньшиков пишет: «Русские богатыри проливали кровь свою не за чужое золото... а за

¹³⁶ Меньшиков М.О. Золотое сердце. С. 497.

¹³⁷ Франк С.Л. Сила и право // Русская мысль. 1916. № 1. С. 11.

¹³⁸ Напр.: Страничка войны (Осколки. 1916. № 16. С. 4); см. также рисунок предвоенного времени: А. Юнгер. Мечь женщинам у разных народов (Новый сатирик. 1912. № 15. С. 9).

¹³⁹ Wilson D. Red Cross or Iron Cross (Roetter C. Op. cit); см. похожие рисунки в российской сатирической графике: В германском лазарете (Осколки. 1915. № 41. С. 8); Разучились быть сентиментальными (Прил., рис. 24).

¹⁴⁰ Бердяев Н.А. Судьба России. С. 171.

¹⁴¹ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 267.

¹⁴² См., например, русский плакат «Великий бой богатыря русского со змеей немецкой» (Paret P., Lewis B.I., Paret P. Op. cit. P. 13).

свободу родной земли, за честь родной веры, за славу родного престола – буквально за то же самое, за что сражаются наши чудные бойцы и теперь...»¹⁴³ Иными словами, богатырство предполагает не только боевое братство, взаимопомощь, смирение, бескорыстие, но и служение России-Матушке, например: «Поднялась матушка-Русь на защиту своего правого дела, и пошли наши витязи-богатыри на защиту своей родной земли».¹⁴⁴ Заслуживает упоминания и тот факт, что богатырство нередко ассоциируется с образом Ильи Муромца, который имеет коннотации сна, пробуждения и обретения силы¹⁴⁵ и, вероятно, тем самым выполняет функцию оправдания «временных неудач».

Помимо девиантности немецких мужественности и женственности, ущербность гендерного порядка Германии проявляет себя в презрительном отношении мужчин к женщинам,¹⁴⁶ в отношениях между мужчинами. Один из аспектов репрезентаций Своих и Чужих в гендерном дискурсе пропаганды показан в статье К. Петроне. Для русской военной культуры большое значение имело понятие отцовства, и армия изображалась как большая семья, основанная на личных отношениях между солдатом и его командиром: сыновнего послушания первого и отеческой заботы второго.¹⁴⁷ Порядок же в германской армии таков, что офицеры бесчеловечно относятся к своим солдатам, а те предают своих офицеров.¹⁴⁸

Гендерный дискурс, как было отмечено, отделяет Своих не только от внешних, но и от внутренних Чужих, принимая участие в продуциро-

¹⁴³ Меньшиков М.О. Немецкая душа // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. С. 497.

¹⁴⁴ Бурский П.Д. Великая война: Описание событий от начала войны до настоящего времени // Илья Муромец. 1915. № 1. Другой пример подобной риторики: «Времена тяжкие, годы боевые и страдные не раз переживала родина наша, матушка Русь. Враги нападали, угрожали разорить достояние наше, рушить святую веру православную. В дни эти Русь великая и могучая поднималась как один человек и слала своих сынов навстречу врагу» (Е.В. Русские богатыри на поле брани // Там же. 1916. № 2).

¹⁴⁵ Напр.: «Проснулся наш родной богатырь Илья Муромец и гонит теперь немцев по всему российскому фронту» (Есипов В.В. Славяне и немцы // «Немецкое зло»: Сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». Вып. 1. М., 1915. С. 27).

¹⁴⁶ Меньшиков М.О. Золотое сердце. С. 531; см. также карикатуры: А-с. Женщина и хлыст у разных народов (Новый сатириконт. 1915. № 14. С. 10); Мужской кризис в Германии (Прил., рис. 26).

¹⁴⁷ Petrone K. Family, Masculinity, and Heroism. P. 99–100.

¹⁴⁸ Там же. P. 102.

вании внутренних инаковостей. В этой перспективе определение мужественности вообще и «подлинной русской мужественности» в частности преследует цель установить иерархию маскулинностей, промаркировать гегемонную и подчиненные маскулинности внутри российского общества. Например, не получает полноправного членства в «клубе чудо-богатырей» (так называлась одна из статей о русской армии)¹⁴⁹ польская маскулинность. Репрезентации польских женственности и мужественности играли заметную роль в гендерном дискурсе российской культуры.¹⁵⁰ События Великой войны не могли не изменить взгляд на Польшу: новая политическая конфигурация в Европе вынуждала «изобретать» новые идентификаторы, в результате чего поляки оказывались в числе Своих.¹⁵¹ Заметной становится тенденция признания «братской вины перед народом польским» и поиск родственных уз.¹⁵² Одним из способов обоснования близости двух культур была феминизация Польши. Атрибутирование ей женственных черт, подчеркивание особой роли в ее судьбе Девы Марии, репрезентации ее в облике женщины были призваны показать ее чуждость германизму, во-первых, и продемонстрировать преимущество – и нравственное и военное – русскости и польскости над Врагом, во-вторых.¹⁵³ Однако мужское начало польскости пропагандистский дискурс не акцентирует. В этом отношении показательны идентификационные стратегии еженедельника «Нива», которые позволяют судить о репрезентациях «повседневности» войны. Разумеется, в нем помещаются материалы и о польском героизме, однако это было редкостью в сравнении с рассказами о героизме, скажем, британских или французских воинов. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что главные персонажи материалов об участии поляков в борьбе с немцами – это польские женщины.¹⁵⁴ Польки нередко оказываются жертвами насилия

¹⁴⁹ Межевых И. Клуб чудо-богатырей // Нива. 1915. № 17. С. 328–330.

¹⁵⁰ См.: Рябов О.В. Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны // *Dusza polska i rosyjska: Spojrzenie wspolczesne* / Pod redakcja A. de Lazari, R. Bäckera. Lodz, 2003.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Иванов В.И. Славянская мировщина // Собр. соч. Т. 4. С. 655; Рябов О.В. Поляки и русские.

¹⁵³ Рябов О.В. Поляки и русские.

¹⁵⁴ Напр.: Павлов Г. Танго // Нива. 1915. № 28. С. 542–547; Он же. «Мадонна» // Там же. № 47–48.

со стороны офицеров германской армии – символизируя, вероятно, тем самым «честь истерзанной, опозоренной Польши». ¹⁵⁵ Их героизм, готовность принести в жертву Польше честь и саму жизнь – это героизм мучеников. Среди мужчин героями войны наиболее часто оказываются священники; польских воинов среди персонажей рассказов и репортажей «Нивы» почти нет. Польша – это скорее объект борьбы русских и немецких мужчин, чем собственно воин, субъект войны. Такая виктимизация «русской Бельгии» ¹⁵⁶ не была, очевидно, случайной. Как известно, при всей своей полонофилии, российская пропаганда исходила из того, что объединенная в результате победы Польша будет соединена с Россией и фактически останется под ее суверенитетом. ¹⁵⁷ В определенном смысле поляки продолжают оставаться менее Своими, чем это требуется для маскулинизации Польши. Мужское начало Империи и русской армии должны были символизировать русские, и феминизация Польши одновременно акцентирует ее подчиненное положение в этнической и профессиональной иерархии внутри страны.

Гендерный дискурс принимал активное участие и во внутривнутриполитической борьбе. Политические или идеологические соперники («славянофилы» или «западники», «социалисты» или «монархисты», «феминисты» или «пацифисты») репрезентировались как девиантные не только в социальном, но и в гендерном смысле (немужественные или неженственные или мужественные и женственные на чужой манер). Так, С. Булгаков интерпретирует «нормальное» отношение мужчины к нации,

¹⁵⁵ Павлов Г. «Мадонна» // Там же. № 47. С. 899. Образ «мученицы Польши» (К. Бальмонт) занимает важное место в создании картины «немецких зверств». О насилии над поляками пишут многие авторы, в частности В. Брюсов, В. Розанов. Заслуживает внимания интерпретация последним этих событий, возводящая их в ранг расового конфликта: «С позволения кайзера Вильгельма немецкие солдаты насильовали полячек, чтобы смешивать польскую кровь с тевтонской и тем самым губить расу» (см.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. С. 21).

¹⁵⁶ Сравнение Польши с Бельгией, обозначение Польши как «русской Бельгии» весьма красноречивы, например: «...Немецкое вторжение, как в Бельгию, так и в Польшу, внесло с собою... царство распущенного насилия и дикого разбоя» (Отклики войны: Война и русско-польские отношения: (Вопросы внутренней жизни) // Нива. 1914. № 34. Прил. С. 3); «Русская Бельгия, своей израненной грудью защищающая Россию...» (Ледницкий А.Р. Война и Польша // Русская мысль. 1915. № 6. С. 130).

¹⁵⁷ Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. С. 224, примеч.

«национальный эрос», как рыцарское желание защитить Прекрасную Даму; западники же, полагает он, вместо ее защиты обратились в бегство или отдаются в плен.¹⁵⁸ Тем самым обвинение в не-мужском поведении становится приемом политической борьбы; западничество из политической особенности превращается в гендерное отклонение.

В связи с этим представляет интерес полемика, развернувшаяся на страницах прессы после выхода известной статьи Н. Бердяева «О 'вечно бабьем' в русской душе» (1915). Напомним, что поводом для ее написания послужила публикация книги В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение». Бичуя «рабье и бабье мление перед силой государственности», пассивность и покорность, «рабство у национальной стихии, женственной религиозности», Н. Бердяев представляет В. Розанова выразителем славянофильских настроений. Противники Н. Бердяева («эпигоны славянофильства»), таким образом, получают обвинения в некоей гендерной ущербности – которые не могли остаться без ответа. Реакция В. Иванова была сдержанной. Он лишь недоумевает, что же «женского» усмотрел Н. Бердяев в строе идей славянофилов, с их верой в Святую Русь, – ведь «обретение невесты, высвобождение сокровенной реальности из плена окутавших ее чар есть всегдашний и коренной мотив мужеского действия...». В. Иванов отрицает за славянофилами грех «невеститься» по отношению к государственной власти как началу мужественному и потому трансцендентному женственной стихии русской души, подчеркивая, что в этом следует обвинять скорее западников.¹⁵⁹

Более резким был ответ В. Эрн. В статье «Налет Валькирий» он, как и В. Иванов, утверждает, что именно идейная позиция его сторонников в наибольшей степени отвечает канонам «светоносной мужественности», тогда как «дух Бердяева не только не мужественный, но исключительно, до односторонности, до бессилия женственный».¹⁶⁰ Приведем фрагмент из этой статьи, позволяющий получить представление о характере аргументации:

¹⁵⁸ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание. С. 55–56.

¹⁵⁹ Иванов В.И. Живое предание // Иванов В.И. Родное и вселенское. С. 350–351. Впрочем, и сам Н. Бердяев трактует западничество как «какое-то нездоровое и немужественное отношение к Западу» (Бердяев Н.А. Судьба России. С. 23).

¹⁶⁰ Эрн В.Ф. Указ. соч. С. 365.

И если сам Бердяев логику считает началом мужественным и светоносным, то его вражда с логикой становится поперек его притязаний на исключительную мужественность. А если Бердяев настаивает, что отсутствие логики есть признак дурной женскости в писательской физиономии Розанова, то мы должны ему на это сказать, что отсутствие логики в его высказываниях о 'вечно-бабьем'... свидетельствует, что и у него насчет мужественности не все в порядке. ...Да и сам командир амазонских мыслей – не 'Амазон' ли?¹⁶¹

Завершается же статья следующим обвинением:

В то время как русская душа в титанической борьбе... являет один за другим величайшие подвиги беззаветного мужества и разверстывает в ослепительном напряжении светлую мощь и сталь солнечного духа своего, – в это время Бердяев вдруг находит уместным говорить о 'вечно-бабьем в русской душе', т. е. на 'свадьбе' о 'похоронах'...¹⁶²

Таким образом, сомнения Н. Бердяева в мужественности Своих помогают Врагу. Женственность – это фактор уязвимости нации перед лицом агрессора.

Наконец, Свои и Чужие определялись в контексте дискурса о России-Матушке. Во-первых, этот символ легитимировал вступление страны в войну. Как уже было отмечено, защита Сербии или даже объединение славян нередко представлялись в качестве основной причины и главной цели Великой войны. Так, в приветственной речи, с которой в самом начале войны городской голова Москвы обратился к Николаю II по случаю прибытия царской фамилии в древнюю столицу, были такие слова: «Славянский вопрос должен быть разрешен объединением всего славянства под защитой матери славянства – России».¹⁶³ Во время наступления в Галиции (Карпатской Руси) в августе 1914 г. вышло воззвание Верховного Главнокомандующего, Вел. кн. Николая Николаевича, озаглавленное «Русскому народу»: «Освобождаемые русские братья! Всем вам найдется место на лоне Матери России».¹⁶⁴

¹⁶¹ Там же. С. 363.

¹⁶² Там же. С. 367.

¹⁶³ Историческая летопись // Исторический вестник. 1914. № 9. С. 28.

¹⁶⁴ См.: Петрищев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1914. № 9. С. 236. Разумеется, война воспринималась прежде всего как соревнование в маскулинности, что обуславливало привлечение и других образов. В этом плане показательна карикатура, на которой неприятель представлен как боязливый любовник «Румынии», «Россия» же – как ее законный супруг (Прил., рис. 25).

Во-вторых, «Россия-Матушка» включается в имперский дискурс. Россия как общая мать всех народов – этот образ был призван укрепить единство Империи.¹⁶⁵ Пропаганда настойчиво подчеркивает, что «сыновнюю любовь и преданность России» испытывают представители всех наций,¹⁶⁶ что поляки понимают, что она им не мачеха,¹⁶⁷ что многие из них «впервые назвали Россию матерью».¹⁶⁸ И в Декларации русских немцев, принятой в начале войны, было заявлено: «Мы, немцы, населяющие Россию, всегда считали ее своей матерью, своей родиной...»¹⁶⁹

В-третьих, Свои – это те, кто защищает Россию-Матушку, кто умирает во имя ее и кого она оплакивает. Заметим, что ее дети – это не только сыновья. Подробный анализ различий восприятия Родины-Матери мужчинами и женщинами – тема отдельного исследования; здесь же хотелось бы привести обращение поручика М. Бочкаревой, полного георгиевского кавалера, которая возглавила первое женское воинское формирование – Добровольческий ударный батальон смерти.

Граждане и гражданки! Наша мать, наша матушка Россия гибнет. Я хочу помочь спасти ее. Я зову с собой женщин, чьи сердца и души кристально чисты, а помыслы высоки. Покажем же мужчинам в этот тяжкий час пример самопожертвования, чтобы они заново осознали свой долг перед Родиной!¹⁷⁰

В-четвертых, Чужие – это те, кто хочет уничтожить Россию-Матушку или поработить ее. Женщина, распинаемая на кресте германским офицером и российским предателем, – такой изображена Россия на одном из рисунков (Прил., рис. 10). Необходимо также отметить, что исследуемый символ использовался и германской пропагандой. Так, еще в нача-

¹⁶⁵ «Локоть к локтю поляк, русский, еврей, латыш, грузин и татарин. Несть эллина, и несть иудея. Все – дети общей родины» (Немирович-Данченко В.И. Вчера и сегодня // Великая война России за свободу и объединение славян. С. 95).

¹⁶⁶ Война и Государственная Дума // Нива. 1915. № 7. С. 123–124.

¹⁶⁷ Коринфский А. Изгнанники войны // Там же. № 36. С. 677.

¹⁶⁸ Отклики войны: Война и русско-польские отношения: (Вопросы внутренней жизни) // Нива. 1916. № 34. Прил. С. 3.

¹⁶⁹ Историческое заседание Государственной Думы // Великая война России за свободу и объединение славян. С. 78.

¹⁷⁰ http://istoriku.ru/istoricheskie_lichnosti/024818-1.html (последнее посещение в декабре 2006 г.). Кстати, главным аргументом М. Бочкаревой при создании батальона (май 1917 г.) было то, что «солдаты в эту великую войну устали и им нужно помочь... нравственно»; то есть женщины пошли на войну, когда мужчины оказались не на высоте, пошли, чтобы их «устыдить» (Там же); см. также рисунок «Новобранца провожают» (Прил., рис. 27).

ле войны распространялось письмо, якобы написанное Николаем II, в котором говорилось:

Возникла сия несчастная война против воли моей <...> Ни под каким видом я не согласился бы на объявление сей войны, зная наперед ее печальный для матушки-России исход <...> Отказывайтесь повиноваться вашим вероломным генералам, обращайтесь ваше оружие на всех, кто угрожает жизни и свободе вашего царя, безопасности и прочности дорогой Родины.¹⁷¹

В журнале «Русский вестник», издаваемом для русских военнопленных в Германии и призванном генерировать антивоенные и антиантантовские настроения, после Февральской революции стали учитываться и «антибуржуйские» настроения масс революционной России; в частности, было опубликовано письмо одного солдата со словами: «Мы не хотим, чтобы за каприз наших капиталистов гибли миллионы нам подобных! Мы не хотим, чтобы грудь нашей матушки-России сосали иностранцы, а мы пользовались их подачками».¹⁷² «Россия-Матушка» включается в дискурс революции.

III. 3. «В жертву Интернационалу»: «Россия-Матушка»

в дискурсе Октябрьской революции и Гражданской войны

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь –
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
А. Блок¹⁷³

Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать!
С. Бехтеев¹⁷⁴

¹⁷¹ Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...»: Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002, <http://gosudarstvo.voskres.ru/multat/p1g1.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹⁷² Колоницкий Б.И. Указ. соч.

¹⁷³ Блок А.А. Двенадцать // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Л., 1980. С. 316.

¹⁷⁴ Бехтеев С. Россия, <http://www.derzava.ru/stihi/behteev.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

«Нет такой жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки-России. Посему я готов отречься от престола...» – такие слова содержала телеграмма, подготовленная Николаем II для М. Родзянко, Председателя Государственной думы (2 марта 1917 г.).¹⁷⁵ В России началась революция.

Как образы мужественности и женственности используются в политиках идентичности, в производстве Своих и Чужих, которые сопровождали гражданское противостояние в стране в период с Февральской революции до середины тридцатых? Как гендерный дискурс вовлекается в репрезентации происходящих в стране перемен? Каким образом он становится оружием Гражданской войны? Какие трансформации происходят с «Россией-Матушкой» в этот период?

Приступая к ответу на эти вопросы, отметим прежде всего, что народнический дискурс угнетенной Матушки-Руси активно используется для ниспровержения старой власти и легитимации новой. В одной из публикаций периода Февральской революции говорится:

За что же полюбил А.Ф. Керенский свою мать-Россию? Полюбил он ее пылкой сыновней любовью прежде всего за те страдания, которым целые века подвергали нашу мать-Россию ее наследственные мучители самодержавные цари и их сторожевые псы-опричники.¹⁷⁶

Заслуживают внимания усилия, прилагаемые революционной пропагандой, по десакрализации власти и демаскулинизации царя. В исследовании Э. Хэминуэй анализируется одна из политических сказок, опубликованная летом 1917 г., которая начинается словами: «Жила-была богатая вдова, с красивым лицом и здоровым телом, не старая и не молодая, и звали ее Россия-Матушка».¹⁷⁷ В этой сказке «Колька Кабатчик» наряду с «Прошкой Большевиком» и «Прошкой Меньшевиком» – всего-

¹⁷⁵ См.: Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг.: В 3 т. Нью-Йорк, 1962. Т. 3. С. 296.

¹⁷⁶ Кирьяков В. А.Ф. Керенский // Нива. 1917. № 19. С. 287. Отдельные представители меньшевиков и эсеров рассматривали данный символ как очень важный в борьбе против Германии и в революционных преобразованиях (Hemenway E.J. Mother Russia and the Crisis of the Russian National Family: The Puzzle of Gender in Revolutionary Russia // Nationalities Papers. Vol. 25. No. 1. 1997. P. 112–113).

¹⁷⁷ Hemenway E.J. Op. cit. P. 103.

навсего один из сыновей России-Матушки, но никак не муж.¹⁷⁸ Неспособность Николая II быть мужем сакрального тела народа, России-Матушки, демонстрируется и через его неспособность быть достойным мужем императрицы, чему были призваны способствовать слухи о романе Александры Федоровны с Г. Распутиным. «По всей России к моменту революции ходило множество похабных рисунков. Один из этих графити – ‘Семья’: бородатый мужик (Распутин), в его объятиях две крутобедрые красавицы (царица и Аня) – и все это на фоне бесстыдно отплясывающих девиц (великие княжны)».¹⁷⁹

Образ «вечно-бабьего», метафора женственности активно включаются в объяснение причин происходящего, в ответы на вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». В соответствии с устойчивой европейской традицией революция и в России воспринималась в женском облике.¹⁸⁰ Со временем, однако, очарование революцией исчезает, и образ освобожденной России-Матушки перестает вдохновлять современников. «Вечно-женственное» вдруг оказалось «вечно-бабьим»,¹⁸¹ и в оценке происходящего у многих заметна изрядная доля мизогинии. Так, Н. Бердяев, рассуждая в июле 1917 г. о религиозных основах большевизма, отмечает, что русские по женственной природе своей легко поддаются соблазнам зла, принявшего обличье добра.¹⁸² В «Философии неравенства» (1918) причина революции усматривается им в отсутствии «зрелого национального духа, который всегда есть соединение мужского и женского». Замысел Божий – Россия как великий и цельный Востоко-Запад –

¹⁷⁸ Там же. О феминизации образа Николая II в дискурсе революции см.: Там же. Р. 109.

¹⁷⁹ Радзинский Э. «Господи... спаси и усмири Россию». Николай II: Жизнь и смерть. М., 1993. С. 133. Другие примеры подобных рисунков см.: Херсонский. О Царе Дураке, о Царице Блуднице и о Гришке-Распутной шишке. Пг., 1917; Евстигнеева Л. Указ. соч. С. 137; Figes O., Kolonitski B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999.

¹⁸⁰ В образе революции видели даже Прекрасную Даму и Софию (Бердяев Н.А. Мутные лики // Бердяев Н.А. Философия творчества... Т. 2. С. 455, 450; Он же. В защиту А. Блока // Там же. С. 486.

¹⁸¹ Это разочарование можно проиллюстрировать карикатурой «Дева Революция». Та, о которой грезили и которую воображали как юную прекрасную деву, оказалась в действительности вульгарной и немолодой «бабой» (М. Бобышов, Б. Антоновский. Дева Революция (Бич. 1917. № 28. С. 1, 16)).

¹⁸² См.: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме: Опыт аналитической антологии. СПб., 1999. С. 145.

остался нереализованным: женственное, то есть дионисийское, стихийное, безответственное, начало не смогло в России соединиться с мужским. Душа русского народа – это женственная душа, которая ищет и не находит своего жениха. Мужественный дух призвана вносить в народную душу интеллигенция, но она сама обнаруживает скорее женственную природу.¹⁸³ Явлением мужественным в русском государстве был Петр I, однако законного брака русской мужественности и русской женственности не совершилось и через него: он изнасиловал женственную душу русского народа. После же падения мужественной (но чужой и непонятной для народной Руси) идеи монархии «женственная и пассивная душа русского народа подверглась разложению».¹⁸⁴

Очевидно, меняется образ женственной России и у А. Блока: теперь она представлена не как Прекрасная Дама, но скорее как Катька, героиня поэмы «Двенадцать»: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста! / Катька с Ванькой занята – / Чем, чем занята?»¹⁸⁵ Перед смертью же поэт, очевидно, вспоминает «Свинью-Матушку»; в одном из писем А. Блока читаем: «Слопала-таки поганая, гнивая, родимая матушка Россия, как чушка своего поросенка».¹⁸⁶ В. Розанов так описывает распространенное восприятие России в период падения царского режима:

Да, уж если что 'скучное дело', то это – 'падение Руси'.

<...> ...шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. 'Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль'.¹⁸⁷

Помимо обличения «вечно-бабьего», наследие философии пола Серебряного века проявляется в других аспектах репрезентаций происходящих в стране перемен.

¹⁸³ «Русские мальчики» всегда искали духовного брака на стороне; интеллигенция черпала мужественный дух из западных (особенно германских) учений, «отдаваясь им в каком-то диком исступлении» (Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 34–36).

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Блок А.А. Двенадцать. С. 316.

¹⁸⁶ Блок А.А. Письмо К.И. Чуковскому, 26 мая 1921 г. // Собр. соч. Т. 6. Л., 1983. С. 305.

¹⁸⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени // Розанов В.В. Уединенное. М., 1990. С. 396. Еще один «шедевр» такого рода – стихотворение А. Рославлева «Голая», появившееся в 1918 г. в «Новом сатириконе»: «Похабно развеселая, / Нечесана, грязна, / Стоит 'Рассея' голая / У самого 'окна'» (Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконецы. М., 1968. С. 143; исследовательница уточняет, что имеется в виду «окно в Европу»).

Прежде всего, для многих авторов характерно понимание трансформации российского общества и русского характера после Октябрьской революции как маскулинизации России. Г. Федотов рассматривает большевистский режим в качестве порождения абсолютизированного мужского начала.¹⁸⁸ Свидетельством отрицания большевизмом ценности женственности называется его ориентация на дисциплину, рационализацию, жестокость, «толстокожесть».¹⁸⁹ Поскольку всякая любовь «‘размагничивает’ человеческую машину, функционирующую для убийства», постольку большевизм уничтожает и любовь.¹⁹⁰ Автор высказывает сожаление, что русские лишаются таких черт характера, как вера, чистота, идеализм, гуманность. В результате подобных изменений русский становится «немцем», превращается в *Homo Europeo-Americanus*.¹⁹¹ Утрата женственности трактуется как потеря русскости.

Схожими гендерными характеристиками наделяется новое общество и в работах других авторов, в частности в книге Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). О женственной природе России, всегда подвергающейся изнасилованию чуждым ей мужественным началом, свидетельствует, по мнению мыслителя, народное восприятие революции: большевизм – это русская народная революция, разлив народной стихии; коммунизм же, который пришел от «инородцев», наложил на революционную стихию гнет деспотической организации, рационализировал иррациональное, представляет собой торжество маскулинного начала.¹⁹²

¹⁸⁸ Федотов Г.П. Три столицы // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 51.

¹⁸⁹ Федотов Г.П. Правда побежденных // Там же. Т. 2. С. 32; Он же. Тяжба о России // Там же. С. 117; Он же. Письма о русской культуре // Там же. С. 167; приведем другие характеристики большевизма: «..жесток – в России это высшая похвала» (Он же. Тяжба о России. С. 115); «признавая только одну добродетель – силу, большевик считает пороком только слабость – все, что расслабляет занесенный для удара кулак...» (Он же. Правда побежденных. С. 33).

¹⁹⁰ Там же. С. 35, 27.

¹⁹¹ Федотов Г.П. Письма о русской культуре. С. 166.

¹⁹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 109. В Примечаниях 1944 г. к статье «Русский соблазн» философ так комментирует свой призыв 34-летней давности к «русским мальчикам» обрести силу мужественного Логоса: «Мужественная русская сила проснулась в советской России после революции. Но ее пробуждение было оторвано от русских духовных течений, и с этим отрывом было связано много дурного» (Бердяев Н.А. Русский соблазн. С. 502).

По оценке И. Ильина, после революции, во многом порожденной избытком женского начала в России, бразды правления перешли к «сверхмужескому волевому клубку безрелигиозного тоталитаризма».¹⁹³ В таком контексте новое – антитоталитарное – измерение приобрел мотив спасительной миссии женского начала. Для Европы с ее сверхмужеской культурой вряд ли отыщется другой, более верный и созидательный путь, пишет И. Ильин, чем реабилитация вечно-женственного и восприятие его лучей. Путь спасения России и Европы от тоталитаризма как порождения абсолютизированной маскулинности лежит в восстановлении значения вечно-женственного с его любовью, верностью, терпением, молитвой.¹⁹⁴

Наконец, для оценки происходящих в России перемен используется материнский образ страны. Падшесть Родины – «живого, реального существа», по словам С. Франка, – вызывает не только обиду на нее, но и жалость, мобилизует желание ее защитить. С. Франк пишет в сочинении «Крушение кумиров» (1923): «Мы любим... нашу родную, древнюю, исконную мать; она сама теперь несчастна, обесчещена, больна тяжким недугом, лишена всякого величия, всяких приметных, бесспорных для постороннего достоинств и добродетелей; она и духовно больна вместе со всеми нами, ее детьми».¹⁹⁵

¹⁹³ Ильин И.А. О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе // Собр. соч.: В 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. 3. С. 193. Заметим, что понимание Октябрьской революции как протеста против «вечно-бабьего» распространено и сейчас. Приведем оценку Б. Парамонова: «Несомненно, большевизм, большевицкий этап русской истории это мощная и впечатляющая попытка преодолеть, отбросить, изжить женственность русской души, покончить с 'вечно-бабьим' в ней. <...> Россия стала страной ракет, и это импонировало всем. Технологическая цивилизация – это и есть борьба с природой на высшей стадии. Но для России эта борьба с природой, как цивилизационная установка, предстала борьбой с вечно-бабьим. Россия стала страной мужественной, военной – не частично, не в государственном только слое, но тотально, национально. Солдат стал не маргинальным, а господствующим типом русской жизни. И эта односторонняя мужественность убила русский Эрос, что и привело к краху режима, взявшего такой курс: нельзя было идти только по одной дороге, путями Танатоса. <...> Рывок – в сторону от себя – был сделан Россией слишком уж резкий, курс, взятый ею, оказался слишком 'мужественным', односторонним» (См.: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. С. 235–236).

¹⁹⁴ Ильин И.А. Указ. соч. С. 193.

¹⁹⁵ Франк С.Л. Крушение кумиров // Соч. М., 1990. С. 164. «В пылу политических страстей мы часто отрекаемся от несчастной матери – единственного сокоро-

Показательны и строки В. Розанова:

Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно, когда наша 'мать' пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, — мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, — тот будет 'русский', кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого.¹⁹⁶

Женский образ России играл важную роль в дискурсе Белого движения. «Благородным рыцарем Прекрасной Дамы – Великой, Единой России» называет генерала А. Деникина один из идеологов Добровольческой армии.¹⁹⁷ Основным же женским ликом России, используемым в антибольшевистской пропаганде, был материнский. Противники Октябрьской революции еще до начала организованного Белого движения активно использовали образ России-Матушки. Приведем (с сохранением орфографии оригинала) письмо некоего русского крестьянина.

Пишу эти проклятия великоросс уроженец Орловской губернии крестьянин Мценского уезда 10-го Января 1918 г.

К ВАМ!

Правители, Грабители, насильники, розорители, Узурпаторы Угнетатели матушки России Гражданин России, Троцкий, Урицкий, Зиновьев, Спиридонова, Антонов, Луначерский, Крыленко и Ко

Позвольте Вас спросить: долго-ли вы будите издеваться на много Миллионной Россией над измученным и истерзанным народом? вы вместо мира заключили перемирие с врагом, тем дали большую льготу нашему противнику и вы объявили войну России обманутые вами войска вы двинули на Русско-Русский фронт Начали братоубийственную войну, вашими наемными Красногвардейцами везде производится грабежи, убитства, носилия; пожар охватил всю матушку России, Шлем мы сознательные великороссы вам полачам наемникам Кайзера свое проклятие будьте вы прокляты анофемы полач и кровожатные

вища, оставшегося у нас на земле. Мы выставляем напоказ ее позор, мы злорадно усмехаемся ее страданиям... Мы взваливаем на других и на нее самое ту ответственность за ее грехи и несчастья, которая лежит одинаково на нас всех, ее детях, мы часто готовы отождествить ее столь дорогую и родную нам душу, которая – мы знаем это – непреходяща, с бесчинством и мерзостью ее порочных детей-насильников, теперь издевающихся над ней» (Там же).

¹⁹⁶ Розанов В.В. Опавшие листья: Короб первый // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 299.

¹⁹⁷ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избр. произведения: В 16 кн. М., 1992. Кн. «Кубань и Добровольческая армия». С. 284

наемники Кайзера вы недумайте, отризвится народ русский и придет Вам Ко-
нец.¹⁹⁸

Большевики как «угнетатели матушки России», «наемники Кайзера», «палачи» – эти сюжеты активно используются и в сатирической графике. Одна из карикатур, датируемая июлем 1917 г., показывает пытки, которым подвергается Россия (Прил., рис. 31). Любопытно, как обыгрывается в антибольшевистском дискурсе идея иерогамии. Карикатура Б. Антоновского «Роман Ленина и России», опубликованная в «Новом сатириконе» в те же июльские дни, изображает настойчивые ухаживания В. Ленина за дородной женщиной в русском национальном костюме; ребенок, появившийся на свет в результате этого романа, рождается в кайзеровском шлеме (Прил., рис. 32). Позднее мотив борьбы с большевиками как сражения с врагами Родины, с «инородцами», с «германскими шпионами» и так далее активно включается в визуальную пропаганду Белого движения. Характерным примером является плакат «В жертву Интернационалу», на котором Россия представлена в образе связанной женщины в окружении группы большевистских лидеров (Прил., рис. 7).¹⁹⁹ Одна из мобилизационных листовок 1919 г. сопровождается изображением воина, который разрубает оковы молодой женщины («Добровольческая армия, подобно витязю, освобождает Россию от большевиков»); текст призывал «всех верных сынов Родины» вступать в ряды Белого движения.²⁰⁰ К идее сыновнего долга перед страдающей Родиной апеллируют и другие известные плакаты Добровольческой армии, в числе которых «Сын мой! Иди и спасай Родину!», «Ваши родные и близкие стонут под игом большевистских комиссаров, они мрут от насилия и голода, они зовут вас, идите спасать их!», «Плач измученной Руси».²⁰¹

¹⁹⁸ <http://www.yale.edu/annals/Steinberg/Documents/Steinberg128.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

¹⁹⁹ См. также: Waters E. *The Female Forms in Soviet Political Iconography* // C.D. Worobec (Ed.) *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation*. Berkeley, 1991. P. 331; Вашик К., Бабурина Н. Реальность утопии: Искусство русского плаката XX в. М., 2004. С. 158.

²⁰⁰ Единая, Великая и свободная Россия – вот за что борется Добровольческая Армия (Российская государственная библиотека).

²⁰¹ Российская государственная библиотека; Бабурина Н.И. *Россия – XX век = Russia – 20th Century: История страны в плакате*. М., 1993. С. 50;

Широкой популярностью среди сторонников Белой идеи пользовались образы из поэзии С. Бехтеева. Так, стихотворение «Святая Русь» (1920) начинается словами: «Где ты, кроткая, православная, / Наша матушка Русь широкая, / Меж сестер славян сестра главная, / Светлокудрая, синеокая?» Революционная Россия как блудница – этот образ появляется в ряде других произведений поэта, включая «Россию» (1917). Наконец, образ России распятой нашел отражение в строках «Русской Голгофы» (1920): «И воинство с ‘красной звездой’ / Приняв роковую печать, / К кресту пригвозждает с хулою / Несчастную Родину-Мать!»²⁰²

Примечательно, что и завершение Гражданской войны ознаменовалось привлечением исследуемого символа. П. Врангель в своем обращении к морякам и офицерам Российского Черноморского флота, ушедшего в Тунис (декабрь 1920 г.), сказал: «Твердо верю, что красный туман, заставший нашу Родину, рассеется, и Господь сподобит нас послужить еще матушке-России...»²⁰³

А что же другая сторона? Известно несколько случаев периода Гражданской войны, когда большевистская пропаганда использовала женский образ как аллегорию нации. Так, Бессарабия была представлена на одном из плакатов как плененная женщина.²⁰⁴ Особый интерес вызывает плакат В. Дени «Палачи терзают Украину. Смерть палачам!»

<http://www.russianposter.ru/archive.php?rid=31020024200001> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²⁰² <http://www.derzava.ru/stihi/behteev.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.). О популярности образа Своих как защитников России-Матушки в казачьей среде дает представление такой источник, как песни. Старинная казачья песня «Любо, братцы, любо» в эти годы получила новый куплет: «Так помянем, братцы, / Братьев наших верных, / Терских да кубанских / наших братьев во Христе. // То иуда Троцкий, / То иуда Свердлов / Подло распинали / Мать-Россию на кресте» (<http://cossackweb.narod.ru/songs/liubo.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.)). Заметим, что существует точка зрения, согласно которой эти строки являются стилизацией более позднего времени – периода Второй мировой войны или даже конца XX в. (<http://aresni.narod.ru/grvojna/bel/lubo-bel.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.)). См. также обращенные к казачеству приказы П. Врангеля (Росс Н.Г. Врангель в Крыму. Frankfurt am Main, 1982. С. 246; Белое дело: Избр. произведения: В 16 кн. Кн. «Кубань и Добровольческая армия»).

²⁰³ Кадесников Н. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в Белой борьбе / Под ред. С.В. Волкова. М., 2002. С. 70.

²⁰⁴ Bonnell V.E. The Representation of Women in Early Soviet Political Art. P. 275.

(1920), на котором «польский пан» и гетман С. Петлюра распинают на кресте молодую женщину, символизирующую Украину (Прил., рис. 11).²⁰⁵

Однако изображения России (Российской республики, РСФСР, Советской России) в женском облике в большевистской пропаганде рассматриваемого периода не встречаются. Можно выделить целый ряд факторов, обусловивших эту тенденцию. Во-первых, как было отмечено, исследуемый образ использовался белогвардейцами и имел прочные ассоциации с идеологией и мифологией царского режима – более того, многие противники царизма, поддерживающие Февральскую революцию и критикующие большевиков, также позиционировали себя как защитников России-Матушки. Так, в статье Э. Хэминуэй рассматриваются листовки осени 1917 г.; в них образ Родины-Матери, которой грозит опасность со стороны большевиков, занимает центральное место.²⁰⁶

О. Файджес и Б. Колоницкий, анализируя, как претенденты на власть боролись за право контролировать символическую систему революции, предлагают различать «язык включения» и «язык исключения» в России 1917 г.;²⁰⁷ первый характерен для дискурса народнического, второй – для большевистского. «Россия-Матушка» как символ народного объединения большевикам был не нужен. В качестве важнейшего символа коллективной идентичности, заменившего «Матушку-Россию», большевики, по мнению В. Боннелл, использовали фигуру рабочего.²⁰⁸

Во-вторых, советская идентичность 20-х гг. фактически элиминировала этнический компонент, замещая его классовым; нигилистическое отношение к национальному, характерное для части большевиков этого

²⁰⁵ В большевистской пропаганде периода советско-польской войны 1920 г. получил распространение также образ женщины, страдающей от произвола польского Врага; описание плакатов с подобными сюжетами см.: Бутник-Сиверский В. Указ. соч.

²⁰⁶ Nemenway E.J. Op. cit. P. 115–116. Женский образ России был помещен на агитационный плакат партии кадетов (А.Ф. Максимов. Голосуйте за Партию Народной свободы (Вашик К., Бабурина Н. Указ. соч. С. 55)).

²⁰⁷ Figes O., Kolonitski B. Op. cit. P. 116.

²⁰⁸ В. Боннелл сообщает о рисунке периода Первой русской революции (Д. Шатан. «Заключение союза»), опубликованном в одесском журнале «Свисток», на котором изображены оба символа: мускулистый рабочий пожимает руку женщине в красном, предположительно России (Bonnell V.E. Iconography of Power. P. 24).

периода, проявило себя в преуменьшении значимости «материнского» компонента нации.²⁰⁹

В-третьих, менее всего большевистская революция была задумана как антиевропейская; скорее она была направлена именно против «азиатчины» в российском обществе.²¹⁰ По оценке И. Нойманна, большевики взяли на вооружение идею «двух Европ»; в их идентификационных стратегиях до конца 20-х гг. основной была дихотомия «подлинной Европы» и «ложной Европы», и себя они воспринимали в качестве лидера первой.²¹¹ Одним из символов отсталости, того, что предполагалось преодолеть в результате революционных преобразований, в глазах большевиков и явилась «Россия-Матушка», «толстозадая баба Россия».²¹² Весьма выразительно это отношение сформулировано в напечатанном в «Правде» стихотворении с красноречивым названием «Русь и СССР»:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой тяжкий сон.
Эх, старуха! Слепая и глупая!
Разорил твою хижину внук...

Да, он крепко стоит, не свалится,
А глазами туда и сюда.

²⁰⁹ Чтобы объяснить, почему большевики воспринимали «Россию-Матушку» в качестве символа национального и классового гнета в царской России, М. Кольцов приводит слова некоего отца Аркадия, законоучителя реального училища: «Убережем белоснежную отчизну от прикосновения нечистых рук инородцев, внешних и внутренних. Возлюбите православную нашу родину, как любит она вас... лелея сосцами своими под скипетром обожаемого монарха и царской семьи». Между тем учеников, в числе которых был и М. Кольцов, не покидало ощущение, что к «сосцам» прильнули помещики, купцы, фабриканты. «Слова 'родина' и 'отечество' стояли в одном строю постылых, всем чуждых слов, там же, где 'самодержавие', 'исполать', 'в бозе почил', 'августейший'», – заключает он (Кольцов М. Найденная Родина // Правда. 1934. 19 июня).

²¹⁰ Neumann I.B. Uses of the Other. P. 100; Он же. Constructing Europe. P. 235.

²¹¹ Neumann I.B. Russia and the Idea of Europe. P.117. В свою очередь, противники И. Сталина активно использовали образы азиатского деспотизма и Чингисхана (Там же. P. 121–122).

²¹² См.: Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998. С. 134.

И дрожат напряженные пальцы
В лихорадке борьбы и труда.²¹³

Нередко образ России-Матушки использовался в ироническом смысле. Например, статья о К. Минине-Сухоруке из «Малой советской энциклопедии», издававшейся в 1930–1932 гг., содержала следующие оценки: «Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую ‘матушку Россию’ и пыталась сделать из него национального героя».²¹⁴ Заслуживает внимания и появление этого концепта в выступлениях И. Сталина, в частности, на Первой Всероссийской конференции работников социалистической промышленности (1931), где «Матушка-Русь» понимается как символ слабости и отсталости:

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла... в том, что её непрерывно били за отсталость. <...> Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: ‘Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь’. Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: ‘ты обильная’ — стало быть, можно на твой счёт поживиться. Они били и приговаривали: ‘ты убогая, бессильная’ — стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уж закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. <...> Вот почему нельзя нам больше отставать.²¹⁵

Особняком стоит тот случай, когда большевистская пропаганда рассматриваемого периода была вынуждена «обратиться за помощью» к образу России-Матушки. Он важен для понимания логики дальнейшего развития этого образа. 30 мая 1920 г., когда красноармейцы вели бои с войсками Ю. Пилсудского, в «Известиях» было напечатано воззвание

²¹³ Александровский В. Русь и СССР // Правда. 1925. 13 августа.

²¹⁴ См.: Кожин В. Россия. Век XX (1901–1939). М., 2002. С. 365; см. также: Бухарин Н.И. О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР, http://pr01etariy.narod.ru/lib/buharin_b_6.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.); Бабель И. Линия и цвет // Избранное. М., 1989. С. 188.

²¹⁵ Сталин И.В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Собр. соч.: В 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 38–39. Упомянутый отрывок из поэмы Н. Некрасова неоднократно использовал в своих работах В. Ленин, напр.: Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 209–210; Он же. Главная задача наших дней // Там же. Т. 36. С. 78–79.

«Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», подписанное военспецами Красной армии во главе с генералом А. Брусиловым. В нем, в частности, говорилось:

В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию... дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку-Россию.²¹⁶

В-четвертых, мировоззренческая система большевиков – согласимся с оценками мыслителей Русского зарубежья – была построена на маскулинных ценностях и недоверии к ценностям фемининным. Так, Э. Нэйман анализирует гипертрофированную маскулинность времен военного коммунизма, показывая, что для ранней советской идеологии было свойственно уничтожение (если не уничтожение) фемининного.²¹⁷ Единое коллективное тело нового класса – это самодостаточный маскулинный гигант, который не нуждается в женственности,²¹⁸ предпринимаются попытки представить новый класс как большую Семью, отменяющую необходимость в семье традиционной.²¹⁹ Это не удивительно: ценности, которые вдохновляли сторонников большевистской революции (рационализм «научного социализма», сила воли, организация, дисцип-

²¹⁶ Известия. 1920. 30 мая. С. 1. П. Врангель же в воззвании к военспецам РККА, бывшим офицерам Русской Императорской армии, обещает забвение прошлого, предоставляет возможность «смыть пятно позора» и напоминает: «Ныне разоренная, опозоренная и окровавленная братской кровью лежит перед нами Мать-Россия...» (см.: Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал П.Н. Врангель. Последний рыцарь Российской империи: Документальное жизнеописание. М., 2004. С. 314).

²¹⁷ Naiman E. *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology*. Princeton, 1997. P. 71.

²¹⁸ Там же. P. 74; см. об этом также: Рябов О.В. Русская философия женственности. С. 264–269.

²¹⁹ Подробнее о взглядах на семью см.: Рябов О.В. Русская философия женственности. С. 271–272.

лина), традиционно воспринимаются как атрибуты мужчины.²²⁰ Очевидно, подобная рецепция гендерного измерения новой эпохи вряд ли могла способствовать восприятию страны в материнском облике. Выше мы рассмотрели те немногочисленные случаи, когда в советской визуальной пропаганде Своим атрибутируются фемининные качества, а Чужим – маскулинные. Однако гораздо большее распространение получила противоположная тенденция. В большевистской иконографии Советскую Россию – как и СССР – символизирует мужчина.²²¹

В этом плане показательной является карикатура И. Малютина, напечатанная в журнале «Крокодил» в 1922 г. (Прил., рис. 28), на которой Европу олицетворяет Марианна, а РСФСР – молодой пролетарий.

Франция. О, моя маленькая дочка...

Р.С.Ф.С.Р. Во-первых, я не дочь, а сын, а во-вторых, не ваш – а Парижской Коммуны...

«Не дочь, а сын» – едва ли данное противопоставление случайно, как не было случайностью и противопоставление «старухи Руси» и «ее внука СССР» в приведенном выше стихотворении.

Анализируя тексты художественной литературы, Э. Нэйман выявляет ту же тенденцию. Запад (и весь буржуазный мир) воспринимается как фемининное; исследователь рассматривает мотив революции как изнасилования Европы и «старого мира» в качестве развития «скифской темы».²²² Вновь обратимся к сатирической графике; буржуазный Запад представлен не просто как женщина, но как публичная женщина. В ответ на обещание «Лиги наций» приласкать, красноармеец лаконично отвечает: «Отстань, стерва! Мало ты народу французской болезнью заразила?!»²²³ Аналогичный случай – изображение Польши в образе публичной женщины, иллюстрирующее идею советской пропаганды о «продаж-

²²⁰ О соотношении фемининных и маскулинных ценностей в 30-е годы см.: Schrand T.G. *Socialism in One Gender: Masculine Values in the Stalin Revolution* // B.E. Clements, R. Friedman, D. Healey (Eds.) *Op. cit.*

²²¹ Так, в сатирических журналах 20-30-х гг. мне удалось обнаружить только одно изображение, которое может вызвать в памяти образ России-Матушки: бюджет СССР 1925 г. изображен в образе здоровой молодой женщины, на которую с завистью смотрят «худосочные девицы», символизирующие буржуазные страны (Ю. Ганф. Берут завидки (Крокодил. 1925. № 38. С.1)).

²²² Naiman E. *Op. cit.* P. 182.

²²³ Ник. К. Лига наций зазывает (Прил., рис. 34); см. также рисунок И. Малютина <Румыния – Р.С.Ф.С.Р.> (Крокодил. 1922. № 14. С. 1).

ности польских панов», о том, что они – «марионетками империализма» (Прил., рис. 33).

Феминизируется и внутренний враг, к примеру НЭП с его культом быта и наслаждения, с чувственностью и пошлостью.²²⁴ В качестве гендерной девиации представлен внутренний Враг в кинокартине С. Эйзенштейна «Октябрь» (1927). Этот фильм, как отмечается в статье Т. Рябовой, служит ярким примером феминизации Чужих мужчин (А. Керенский живет в покоях императрицы,²²⁵ а заседания меньшевиков проходят в комнате с вывеской «Классная дама») и маскулинизации Чужих женщин (воинов «женского батальона» по ошибке принимают за мужчин; автор картины достаточно прозрачно намекает на нетрадиционную сексуальную ориентацию тех из них, которые не сдались большевикам). Девиантность строя и вытекающую из этого обреченность Врага демонстрирует уже сам факт защиты «прогнившего режима» «женским батальоном». Гендерную норму в фильме репрезентируют Свои. И недоуменное отвращение на лице революционного матроса, ворвавшегося в занимаемые Временным правительством покои императрицы и обнаружившего там предметы женского туалета, весьма красноречиво.²²⁶

Гендерная инаковость и социальная чуждость, согласно дискурсивным практикам пропаганды, обуславливают друг друга. Н. Крыленко в 1936 г. высказался в том смысле, что гомосексуалисты – это обломки эксплуататорских классов;²²⁷ несколько лет спустя аналогичный прием применяется в отношении самого Н. Крыленко:

Враг народа Крыленко выдвигал чувственное влечение в качестве основного и единственного стимула для общения между полами, протаскивая идею о том, что следует считать правомерной чувственную любовь к контрреволюционеру, шпиону, ко всякому врагу Советской власти.²²⁸

²²⁴ Naiman E. Op. cit. P. 182.

²²⁵ Как остроумно заметила И. Новикова, анализируя гендерную схему киноповествования: «Александр Федорович в спальне Александры Федоровны» (Новикова И. Репрезентации мужественности и войны в советских и российских кинофильмах // Гендерные исследования. № 6 (2001). С. 169).

²²⁶ Рябова Т.Б. Гендерный дискурс как оружие политической борьбы // Женщина в российском обществе. 2003. № 1/2; см. также: Attwood L. «Rodina-Mat'» and the Soviet Cinema // M. Liljestrom, E. Mantysaari, A. Roseholm (Eds.) Op. cit. P. 16.

²²⁷ Friedman R., Healey D. Conclusions // B.E. Clements, R. Friedman, D. Healey (Eds.) Op. cit. P. 232.

²²⁸ Светлов В.И. Брак и семья при социализме и капитализме. М., 1939. С. 103.

Девиантность гендерного порядка Чужих призвана доказать девиантность и обреченность буржуазного социального порядка в целом.²²⁹ Социалистическая революция замышлялась в том числе и как великая гендерная революция, цель которой – возвращение к подлинной человеческой сущности, искаженной частной собственностью. Дискурс нормализации играет важную роль в советской пропаганде. Ненормальность «буржуазного Эроса» заключается, в первую очередь, в том, что «при первом же взгляде на современную половую жизнь... мы заметим, что она занимает во много раз больше места, чем имеет на то биологических прав».²³⁰ А. Залкинд пишет также о «непомерно разбухшей и запутавшейся сексуальности» как о «буржуазном половом наследстве».²³¹ М. Лядов призывает «избавиться от этого проклятого наследия рабства... вернуться к природе».²³² Иными словами, основная цель борьбы со старым миром репрезентируется как восстановление человеческого в человеке, как нормализация. Другой принципиальной чертой гендерного дискурса 20-х гг. стал тезис о половых отношениях как форме классовой борьбы. Так, А. Залкинд уверяет читателей: «Напускать же половой дурман на революционные трудовые массы – всецело в интересах буржуазии, что и проделывалось ею чрезвычайно старательно, неукоснительно».²³³ Известны его «12 половых заповедей революционного пролетариата», в которых данный тезис доходит до абсурда.²³⁴

²²⁹ Противопоставление Своих и Чужих осуществляется и через нормативные образцы гендерного дискурса; см., напр., анализ конкуренции гендерных моделей женственности периода Гражданской войны и военного коммунизма, с одной стороны, и НЭПа, с другой: Трофимова Е. Еще раз о «Гадюке» Алексея Толстого: (Попытка гендерного анализа) // Филологические науки. 2000. № 3.

²³⁰ Залкинд А.Б. Половой вопрос в условиях советской общественности. Л., 1926. С. 7.

²³¹ Вместе с другими отрицательными элементами доставшегося пролетариату буржуазного наследия, рабочий класс получил от эксплуататорского строя также и попорченную половую жизнь (Залкинд А.Б. Половой вопрос... С. 6–7).

²³² Лядов М.Н. Вопросы быта: Доклад на собрании ячейки Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1924 г.) // Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М., 1989. С. 317 (курсив мой – О.Р.).

²³³ Залкинд А.Б. Половой вопрос... С. 8.

²³⁴ Напр.: «Половое влечение к классово враждебному... объекту является таким же извращением, как и половое влечение человека к крокодилу, к орангутангу» (Залкинд А.Б. 12 половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви: В 2 ч. / Под ред. А.А. Ивина. М., 1990. Ч. 2 С. 339).

Негативная идентичность активно используется в визуальной пропаганде, в том числе в создании канонов телесности; девиантное тело Чужих служит фоном тела Своих, воплощающего нормальную гармоничную телесность. В частности, анализ репрезентаций польского Врага в пропаганде 20–30-х гг. позволяет различать два модуса его телесности и трактовать их в качестве антиподов двух модусов Своего тела, условно говоря, «пролетарского» и «крестьянского». Первый («антипролетарский») – это образ «пузатого пана», который появляется еще в период советско-польской войны 1920 г. Второй («антикрестьянский») создается несколько позже, но в 30-е гг. прочно занимает место на страницах советских изданий. Это – польский шляхтич, как правило, офицер, с высокомерным выражением лица и худым телом. Его франтоватость, позерство, героическая риторика, за которыми могут скрываться малодушие и трусость, – это те черты, которые выходили далеко за пределы канона советской маскулинности. Идеология Чужого тела в политической сатире любопытна и тем, что позволяет проследить взаимообусловленность образов внешних и внутренних Врагов. В связи с этим представляет интерес сходство репрезентаций телесности того же польского Врага и внутренних Чужих советского общества. Очевидно, первый – «антипролетарский» – тип нашел воплощение в портретировании таких Врагов, как капиталисты (вспомним «Капитал» В. Дени), нэпманы, кулаки, и сохранялся в политической карикатуре вплоть до окончания Холодной войны. Второй – «антикрестьянский» – отразился в облике белого офицерства, меньшевиков, троцкистов, а затем и диссидентов.²³⁵

В заключение отметим характерную тенденцию в культуре Русского зарубежья: негативное отношение к большевистскому режиму обуславливает противопоставление отцовского и материнского, мужского и женского начал России и различение их как Отечества и Родины. В творчестве Г. Федотова уже в статье «Три столицы» (1926) обнаруживаются симпатии к материнскому началу России.²³⁶ В работе «Сумерки отечества» (1931) Г. Федотов пишет: «Родина, материнство связаны с языком, с

²³⁵ Рябов О. Образ врага в советской политической карикатуре межвоенного периода: Случай Польши // *Polacy i Rosjanie. Przewyciezenie uprzedzen = Поляки и русские. Преодоление предубеждений* / Под ред. А. de Lazari, Т. Ronginskiej. Lodz, 2006.

²³⁶ Федотов Г.П. Три столицы. С. 50–51.

песней и сказкой, с народностью и неопределимой, но могущественной жизнью бессознательного. Отечество, отцовство – с долгом и правом, с социально-государственной, сознательной жизнью». Национализм, полагает автор, должен стать на путь возвращения: от отечества к родине, к материнскому началу.²³⁷

III. 4. «Родина-Мать зовет!»: национализм и гендер в дискурсе Великой Отечественной войны

У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее,
то хотя бы только в ней, на ней, умирает
всегда уютно, как бы ребенок засыпая
в мягкой и теплой постельке...
А. Лосев²³⁸

Святая ты, святая трижды, о матушка Русь,
с тех пор, как в землю мы твою
своих товарищей убитых опускаем.
Л. Мюллер²³⁹

«Рады, что вы оправдали лучшие надежды страны и оказались достойными сынами нашей великой Родины» – такие слова приветствия были в телеграмме, которую высшее руководство СССР направило челюскинцам и первым Героям Советского Союза 14 апреля 1934 г. По всей вероятности, именно этот текст стал поворотным в дискурсе Родины. Россия-Матушка возрождается в образе Советской Родины-Матери. Постепенно этот образ занимает важнейшее место в советской идентичности. Если до этого – во всяком случае в центральной прессе – понятие Родины

²³⁷ Федотов Г.П. Сумерки отечества // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. С. 324, 325. Еще более явно тенденция проведения при помощи дистинкции «Родина–Отечество» границы между Своими и Чужими, между подлинной Россией и неподлинной, истинным патриотизмом и ложным – равно как и оправдание эмиграции – видна в работах Ф. Степуна, написанных уже после Второй мировой войны. Поскольку Родина – начало материнское, Отечество – начало отчее, постольку Родины – в отличие от Отечества – человек не может потерять никогда. Эмигрант же – это «активный борец за свою родину-мать против предавшего ее отца» (Степун Ф.А. Родина, Отечество и чужбина // Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 289, 293).

²³⁸ Лосев А.Ф. Родина // Русская идея. М., 1992. С. 427.

²³⁹ Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 21.

практически отсутствовало, то отныне о Родине, ее сынах и дочерях пишут в передовицах «Правды» и упоминают в приказах наркомов, ее изображают художники и воспевают поэты.

Изменения в дискурсе России-Матушки в десятилетие с середины 30-х до окончания Второй мировой войны, роль гендерного дискурса в создании советскости, в определении Своих и Чужих и станут предметом нашего анализа в этом параграфе.

Для этого анализа особый интерес представляет открытое письмо работников «Красного путиловца» челюскинцам и героям-летчикам, опубликованное в июне 1934 г. в «Правде». Авторы пишут: «Мы страдали, что наша страна, там, где мы родились, находится в плену у грабителей и проходимцев, что она – для чужих, для наших классовых врагов. И мы сделали все, чтобы вырвать власть из рук врагов трудового народа».²⁴⁰ Победа в гражданской войне, сказано в письме, стала возможна благодаря «любви к родине, к своей земле»:

Впервые в Октябре мы почувствовали себя хозяевами страны, впервые мы почувствовали свое, родное, любимое, за что и жизнь можно и надо отдать. Мы любили нашу страну и поэтому мы ее отстаивали и защитили.

Россия стала матерью для трудящихся всех национальностей. Ее богатство, ее обилие, ее красота, ее города, фабрики, заводы, села, реки, моря, леса, горы, поля, сады, ее небо, ее культура – все это наше. Жизнь для нас! Для нас светит солнце сегодня, для нас оно взойдет и завтра! <...> Советский Союз – отечество трудящихся всего мира.²⁴¹

Уже в этом фрагменте заметны ключевые элементы дискурса советского патриотизма, который при этом приобретает классовый характер, СССР называется отечеством трудящихся всего мира, Россия же – матерью для трудящихся всех национальностей. Происходит своеобразный синтез Революции и Родины: Революция теперь представлена как обретение Родины, как ее освобождение. Принципиально, что происходит не просто реабилитация национального чувства – советский патрио-

²⁴⁰ Таким образом, можно говорить и о возрождении народнического дискурса об угнетаемой Матушке-Руси. В дальнейшем высказывание аналогичных идей, как правило, сопровождается цитированием слов В. Ленина: «Нам больнее всего видеть, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты!» (Ленин В.И. О национальной гордости великороссов // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 107).

²⁴¹ Правда. 1934. 18 июня. Эти идеи получили яркое развитие в статье М. Кольцова «Найденная Родина» (Кольцов М. Указ. соч.).

тизм объявляется высшим типом патриотизма. Самые большие патриоты – это именно трудящиеся СССР; у капиталистов же «естественное чувство привязанности к родному краю» подавлено стремлением к наживе. «Советский патриотизм – это любовь нашего народа к стране, кровью и потом отвоеванной у капиталистов и помещиков».²⁴² В статье К. Радека данное положение обосновывается при помощи марксистской диалектики: тезис – это буржуазный патриотизм, антитезис – пролетарский интернационализм; в СССР же происходит синтез – пролетарский, советский патриотизм. В октябре 1917 г., пишет автор, большевики-интернационалисты стали патриотами советской земли.²⁴³

Одновременно на протяжении рассматриваемого десятилетия в официальном дискурсе происходит реабилитация русской культуры, русской истории и русского характера.

Важную роль в восстановлении в правах русской культуры сыграл пушкинский юбилей 1937 г. – столетие гибели поэта. Теперь отмечается вклад России в мировую культуру и критикуется низкопоклонство перед Западом. Русский язык объявляется «международным языком социалистической культуры, языком Ленина и Сталина»; знаковым событием стал перевод на кириллицу алфавитов всех народов СССР (1938).²⁴⁴

Меняется и взгляд на ключевые события исторического прошлого и его основных героев. Помимо «прогрессивности», критерием оценки деятельности того или иного персонажа истории становится его преданность Родине. Значительный вклад в переформатирование «полезного прошлого» внесло создание в 1937–1938 гг. художественных фильмов, посвященных Петру Первому, Александру Невскому, А. Суворову, К. Минину и Д. Пожарскому, Б. Хмельницкому.²⁴⁵

²⁴² Советский патриотизм // Правда. 1935. 19 марта. Связь нового патриотизма с революционной идеологией очевидна в фильме «Александр Невский» (С. Эйзенштейн, 1938). Патриотизм представлен как явление народное по самой своей сущности; представители эксплуататорских классов, напротив, больше думают о собственных интересах, чем о защите родной земли.

²⁴³ Радек К.Б. Советский патриотизм // Правда. 1936. 1 мая.

²⁴⁴ Сандомирская И. Указ. соч.

²⁴⁵ О репрезентациях персонажей дореволюционной истории России в этот период см.: Perrie M. The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. New York, 2001; Шенк Ф.Б. Политический миф и коллективная идентичность: Миф Александра Невского в российской истории (1263–1998) // Ab Imperio. 2001. № 1/2.

Наконец, новые оценки получает «великий русский народ» – именно такая речевая формула получает широкое распространение.²⁴⁶ Мессианское предназначение русского народа теперь видят в его роли в «борьбе за торжество коммунизма во всем мире».

Показательной стала реакция на ряд публикаций Н. Бухарина в «Известиях» в 1936 г., который в соответствии с настроениями послереволюционного периода продолжал высказываться о русских как о «нации обломовых», «аморфной, малосознательной массе», а о России – как «тюрьме народов», «алчном и хищном насильнике».²⁴⁷ Ответная статья в «Правде» любопытна тем, что резкая критика взглядов Н. Бухарина осуществляется здесь в контексте изменения воззрений на «Россию-Матушку». Ее автор пишет: «Ленин и Сталин, говоря о старой России, приводили знаменитые некрасовские слова» – то есть они видели и недостатки и достоинства, и сильные и слабые стороны «Матушки-Руси». Теперь же «под водительством Сталина наша страна стала поистине могучей и обильной». Любопытно, что при этом объявляется следующее: в итоге «русский революционный размах» соединился с «американской деловитостью»²⁴⁸ – чем не реализация бердяевского идеала о России как андрогиническом синтезе Запада и Востока!

Соотношение русскости и советскости в коллективной идентичности сталинского периода носило противоречивый характер. С одной стороны, многонациональность советскости – это важнейший постулат идеологии, а Советская Родина – это мать всех советских народов. Соответственно, в результате событий 1939–1940 гг. новые республики «влились в дружную многонациональную семью советских народов». С другой стороны, русский народ получает титул «первый среди равных», «старший брат»,²⁴⁹ например в статье «Старший среди равных» (1937):

Когда русский народ поднялся во весь рост, свободолюбивый, талантливый, мужественный, справедливый, как всякий народ, несущий на своих знаменах

²⁴⁶ Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9.

²⁴⁷ Напр.: Известия. 1936. 2 февраля.

²⁴⁸ Об одной гнилой концепции // Правда. 1936. 10 февраля.

²⁴⁹ Еще в декабре 1935 г. И. Сталин называет русский народ «первым среди равных» (Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, 2002. P. 43. (Russian Research Center Studies. No. 93).

свободу, он по-братски был признан первым другими народами СССР. Так братья, равные в дружной семье, отдают первенство старшему.²⁵⁰

Помимо идеологического оформления, «наша прекрасная Родина» нуждалась в эстетико-эротическом. Любовь – популярнейшее слово дискурса о Советской Родине. Важное значение для решения этой задачи имело массовое искусство. В исследовании Х. Гюнтера показана роль советской песни в создании «Родины-Матери». Начиная с 1934 г. песенное начало быстро вытесняет идеологически насыщенную революционную музыку. Родина предстает в свете мифологии, заимствованной главным образом из русского фольклора. Необъятная страна является огромным материнским телом с цветущими полями и глубокими реками, полными жизненной силы. Она открывает широкие дороги, по которым молодежь вольно шагает в ясную даль. Вся эта картина напоминает хронотоп идиллии. На фоне щедрой природы, в которой вечно царит весна, в полном согласии непринужденно живут молодые, то есть нестареющие, люди, которых любит и кормит мать-земля. Все вместе – молодежь, мать-земля и мудрый «отец» – образуют счастливую Большую семью.²⁵¹

Расцвет массовой песни осуществлялся во многом благодаря подъему советской кинокомедии, которая обеспечила этой песне огромную популярность. Создание Родины как эстетического феномена сегодня сложно представить без песни И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача из кинофильма «Цирк» (Г. Александров, 1936): «Но сурово брови мы насушим, / Если враг захочет нас сломать. / Как невесту, Родину мы любим. / Бережем, как ласковую мать». Наконец, следует упомянуть о таком измерении исследуемого феномена, как киносказки А. Роу «Василиса Премудрая» (1940), «Конек-Горбунок» (1941), «Кащей Бессмертный» (1944); в этих фильмах происходило создание своеобразного «Золотого века» истории Родины.

Несмотря на подобный лиризм и знакомые черты национальной мифологии, «Советская Родина», очевидно, имеет одно существенное

²⁵⁰ См.: Вдовин А.И. Русские в XX веке: Факты. События. Люди. М., 2004, [http://www.portal-slovo.ru/rus/history/49/62/488/\\$detail_annotation/](http://www.portal-slovo.ru/rus/history/49/62/488/$detail_annotation/) (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²⁵¹ Гюнтер Х. Поющая Родина: Советская массовая песня как выражение архетипа матери // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 61.

отличие от дореволюционной «России-Матушки» – по сути, она неотделима от государства. В. Филимонов даже считает возможным в связи с этим обозначить ее как «Отчизна», что точнее бы выражало ее государственно-имперские значения, заслонившие толкование Родины как земли родной.²⁵² По оценке исследователя, титаномахия сталинистской идеологии находила выражение и в борьбе со стихийностью материализма.²⁵³

Отмеченные трансформации в дискурсе Родины, происшедшие с 20-х гг., связаны с рядом причин, среди которых назову изменение геополитической ситуации и необходимость национальной мобилизации в преддверии войны; стремление И. Сталина и его окружения укрепить социально-политический порядок; переконфигурацию гендерного порядка и перемены в демографической политике.

Что касается внешнеполитической обстановки, то выскажу предположение, что появление мифологии Советской Родины в значительной степени было реакцией на приход к власти германского нацизма. Косвенным свидетельством этого служит и тот факт, что упоминания о военной угрозе со стороны фашистских режимов сопровождают едва ли не все тексты этого времени, призывающие воспитывать патриотизм.²⁵⁴ Неизбежность войны с гитлеровской Германией становится все более очевидной в массовом сознании. Руководство страны понимало значе-

²⁵² Филимонов В. «Прощание с Матерой»: Образ Родины-матери в кинематографе 1920 – 1980-х годов // Историк и художник. 2005. № 3. С. 90–91.

²⁵³ В. Полосин, напротив, полагает, что в 30-е гг. «хтоническое мировосприятие» вновь торжествует, только «собственно мать-сыра земля предстала не в своем привычном древнерусском образе, а в образе философской 'материи' (в официальной идеологии) и в образе 'народной массы' (в популярной пропаганде)». Исследователь указывает, что даже на страницах сталинских произведений всплывают образы хтонической мифологии; в частности, И. Сталин говорит: «...большевики напоминают древнегреческого героя Антея. Так же, как Антей, они сильны потому, что связаны со своей матерью, то есть с массами, которые их породили, вскормили и воспитали. И пока они будут привязаны к своей матери, к своему народу, у них есть все шансы быть непобедимыми» (Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. М., 1999. С. 430–431). Примечательно, что этими словами И. Сталина завершается канонический «Краткий курс» (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1945. С. 346).

²⁵⁴ Любопытно, что еще в 1936 г. вышел фильм «Родина зовет!» (А. Мачерет), действие которого происходит во время предполагаемой войны с фашистской Германией.

ние патриотических настроений в предстоящей войне и стремилось использовать чувство естественного патриотизма советских людей, которым, очевидно, образ Родины-Матери был ближе и понятнее, чем изобретения пропагандистов 20-х гг. Уже во второй половине 30-х гг. данный образ включается во внешнеполитический дискурс советской пропаганды, в частности в период военных конфликтов на Дальнем Востоке.²⁵⁵

Вторая причина возрождения «Родины» заключалась в стремлении легитимировать социально-политический порядок. Патриотизм превращается в значимый элемент советской идентичности: «быть советским» отныне означает «быть патриотом Советской Родины». Свои как верные сыны и дочери Советской Родины-Матери – теперь это основное измерение в способах идентификации себя с коллективным целым.

Обратим внимание также на то, что гегемонной становится маскулинность патриота: культ Родины-Матери задает эталон в том числе и в гендерном аспекте. Так, новгородская девушка Ольга, героиня фильма «Александр Невский», выбирает между двумя богатырями – претендентами на ее руку и сердце. Главный критерий своего выбора она определяет перед решающей битвой русской дружины с немецкими рыцарями: «кто лучше сражается, за того и замуж пойду».²⁵⁶

Чужие, Враги – это предатели Родины. Дискурс «большого террора» невозможно понять, не принимая во внимание образ Родины-Матери. С самых первых политических оценок процессов 1937 г. идеологические противники обличаются как изменники Родины, которые хотят продать ее фашистам.²⁵⁷ Не вызывает удивления и реакция на вынесенный им приговор: «Мерзавцы, предавшие родину, не имеют права на жизнь! Так огромные массы советского народа встретили приведенный уже в исполнение приговор Верховного суда СССР о расстреле восьми

²⁵⁵ Приведем в качестве примера слова одной из популярных песен 1939 г.: «Знает Сталин-отец, / Знает Родина-мать, / Что советский боец / Не привык отступать!» (Лебедев-Кумач В. Хасанская ночь, <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=hasannoc> (последнее посещение в декабре 2006 г.)).

²⁵⁶ Другой пример. В появившемся уже в военные годы фильме «Кашей Бессмертный» главная героиня задает богатырю вопрос: «Кого любить должен добрый молодец больше отца с матерью, больше света белого?» Вначале тот отвечает: «Красоту твою девичью», и лишь после вторжения иноземных захватчиков находит нужный ответ: «Родную землю».

²⁵⁷ Напр.: Александров Е. Троцкизм – боевой отряд фашизма // Известия. 1937. 1 февраля.

презренных фашистских шпионов».²⁵⁸ В «Правду» присылают стихи, призванные выразить настроения советского народа: «Слушай, моя Родина, пришедшая к счастью, / Слушай, народов великая мать! / Тебя эта сволочь хотела на части / Растерзать и по частям продать!»;²⁵⁹ при этом воскрешаются образы из поэтического багажа совсем других политических сил: приспешники фашистов хотели Родину «распятъ», «обречь мечу», «заложницей отдать».²⁶⁰ А. Толстой ставит знак равенства между отсутствием патриотизма и троцкизмом: «...всякий гражданин, не любящий свою родину, – троцкист, диверсант и шпион»; в свою очередь, «любой троцкист расхохотался бы вам в лицо, упомяни ему о такой ‘старомодной пошлости’, как любовь к родине».²⁶¹

Кстати, что касается самого Л. Троцкого, то он, как известно, одной из существенных черт «сталинского термидора» считал антисемитизм. В работе 1937 г. в обличение антисемитских настроений в России он включает и исследуемый образ:

...антисемитизм был довольно широко распространён в царской России... Россия-Мать была прославлена не только её периодическими еврейскими погромами, но также существованием большого числа антисемитских публикаций... Октябрьская Революция упразднила бесправный статус евреев. Это, разумеется, не значит, что антисемитизм был выметен одним ударом.²⁶²

Кроме того, в легитимацию социально-политического порядка советского общества, в котором важнейшее место занимал культ И. Сталина, была вовлечена реанимированная (наряду с некоторыми другими традициями дореволюционной политической культуры) идея иерогамии. Дж. Брукс считает, что поворотным моментом в создании мифологии мудрого отца народов стала дискуссия в советской прессе о новом семейном законодательстве (май 1936 г.). В ней И. Сталин был

²⁵⁸ Священна и неприкосновенна советская земля // Там же. 14 июня.

²⁵⁹ Гусев В. Слушай, моя Родина! // Правда. 1937. 25 января.

²⁶⁰ Маркиш П. За все мы воздадим // Известия. 1937. 29 января.

²⁶¹ Толстой А. Родина! // Известия. 1937. 14 июня.

²⁶² Троцкий Л. Термидор и антисемитизм, <http://www.1917.com/Actions/AntiF/1069450897.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.). Заслуживает упоминания тот факт, что И. Дойчер, биограф Л. Троцкого и сторонник его взглядов, полагает, что «Запад, где марксизм, низведенный матушкой Россией до уровня сталинизма, вызывал отвращение и страх, конечно, ответил совершенно по-иному на марксизм, очищенный от варварских наростов» (Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 544).

представлен как *pater familias* нации, который заботится о матерях и детях.²⁶³ В роли Отца советский лидер репрезентировался в визуальном дискурсе, в частности на канонических картинах «Спасибо любимому Сталину» (В. Говорков, 1937) и «Спасибо родному Сталину за счастливое детство!» (Н. Ватолина, 1939).²⁶⁴ Отражение идеи иерогамии можно усмотреть и в знаменитой речевой формуле «За Родину, за Сталина!», которая была широко распространена с самых первых дней Великой Отечественной войны.²⁶⁵

Наконец, третьим важнейшим фактором «реабилитации» идеи Родины-Матери стали изменения в гендерной политике. Новые тенденции в демографической политике сопровождались пропагандой значимости материнства. Л. Этвуд прослеживает перемены в репрезентациях женщин в женских журналах, отмечая, что на протяжении 30-х гг. на страницах «Работницы» и «Крестьянки» образы героинь труда заменяются рисунками и фотографиями матери и ребенка.²⁶⁶ Уже в военное время эти тенденции нашли выражение в учреждении в 1944 г. почетного звания «мать-героиня», ордена «Материнская слава» и «Медали материнства». Патриотический контекст новой демографической политики не скрывался – например, законодательное запрещение аборт (1936) обосновывалось следующим образом:

Мы не имеем права больше калечить женский организм и лишать государство будущих советских богатырей. Мы не имеем права отнимать у женщины великое, святое чувство материнства.²⁶⁷

²⁶³ Brooks J. Thank You, Comrade Stalin!: Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton, 2000. P. 90.

²⁶⁴ Вашик К., Бабурина Н. Указ. соч. С. 112. Показательно, что З. Космодемьянская, героиня Великой Отечественной войны, называется «верной дочерью Сталина» (Лидов П. Таня // Работница. 1942. № 3. С. 9).

²⁶⁵ Гладков Ф. За Родину, за Сталина! // Литературная газета. 1941. 25 июня. Плакат с таким названием создает И. Тоидзе (Там же. 6 июля). Заметим, что эта речевая формула использовалась уже во время военного конфликта 1938 г. (напр.: Садыкин Г. За Родину!: Из дневника участников боев в районе озера Хасан // Правда. 1938. 7 сентября); см. также: Прил., рис. 36.

²⁶⁶ Attwood L. Rationality versus Romanticism: Representations of Women in the Stalinist Press // L. Edmondson (Ed.) Gender in Russian History and Culture. Houndmills; New York, 2001. P. 168.

²⁶⁷ Юшкова З. Советская женщина – счастливая мать. М., 1937. С. 28. Показательно, что обложку книги с таким красноречивым названием украшает известное фото 1936 г. И. Сталина с девочкой на руках.

Социальный титанизм тридцатых усиливает маскулинизацию идентичности.²⁶⁸ Вместе с тем утверждающийся в этот период гендерный порядок в дальнейшем станет и источником кризиса советской маскулинности, и одним из слабых звеньев социалистического общества. В одной из статей читаем: «Мама, папа, Сталин – первые слова, которые произносит ребенок, едва научившись говорить»;²⁶⁹ согласимся, что в такого рода семье «папе» совсем непросто в полной мере почувствовать себя мужчиной... Вмешательство государства в домашнюю сферу, наряду с тяжелыми экономическими условиями и кочевым образом жизни многих советских мужчин, приводили к слабости брака и отцовства.²⁷⁰ По оценке О. Ворониной, власть мужчины-патриарха над женщиной была заменена властью тоталитарного государства над ней. Возник специфический тип патриархата, при котором основным механизмом дискриминации женщин являются не мужчины как группа, а государство. Для того чтобы полнее господствовать над женщиной, государство-патриарх должно «убрать» со своей дороги конкурента-мужчину, уничтожить легитимацию его юридических и экономических прав на нее.²⁷¹

Начало Великой Отечественной войны ознаменовалось появлением одного из самых известных образов России-Матушки: плакат И. Тоидзе «Родина-Мать зовет!» стал символом своего времени. Русская женщина с текстом воинской присяги в руке воплощает не столько страдания родной земли или ее силу, сколько призыв к чувству долга советского воина. Обращает на себя внимание и тот факт, что этот женский образ значительно отличается от образов современниц с плакатов предвоенной поры. Это связано скорее всего с тем, что автор стремился показать не классовый, а национальный характер мобилизации, используя

²⁶⁸ Goscilo H., Lanoux A. Op. cit. «Закаленная сталь» – такая метафора избирается для характеристики репрезентаций советской мужественности исследователями (Там же). Анализ скульптуры этого периода (скажем, в московском метро) показывает роль мужского тела в репрезентации советских идеалов (Там же).

²⁶⁹ Баныкин В. Светлое будущее Родины // Литературная газета. 1953. 14 марта.

²⁷⁰ Friedman R., Healey D. Op. cit. P. 232–233.

²⁷¹ Воронина О.А. Женщина и социализм: Опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток. Запад. Россия / Под ред. М.Т. Степанянц. М., 1993. С. 220.

символический капитал аналогичных сюжетов графики дореволюционной России.²⁷²

Как в публицистике, так и в визуальном дискурсе получил распространение и такой традиционный сюжет мобилизационной пропаганды, как мать, благословляющая сына на борьбу с врагом.²⁷³ К такому же чувству долга, к стремлению мужчины защитить честь и жизнь дорогих ему женщин взывали другие известные работы, посвященные теме страданий советских женщин.²⁷⁴ Эта тема отражена и в кинокартинах, вышедших в прокат в годы войны – прежде всего, в фильмах «Она защищает Родину» (М. Эрмлер, 1943), «Радуга» (М. Донской, 1943).²⁷⁵ Еще один аспект темы Родины-Матери – мать, защищающая свое дитя, – получил яркое воплощение в произведении В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!» (1943) (Прил., рис. 4).²⁷⁶ Женщины – это и самые строгие судьи

²⁷² Высказывается мысль, что на данный образ оказал влияние кинематограф; в частности образ главной героини фильма «Мать» (В. Пудовкин, 1926) в исполнении В. Барановской (Филимонов В. Указ. соч. С. 99). «Родина-Мать» получила воплощение и в ряде других рисунков и плакатов, напр.: «За Родину-Мать!» (И. Тоидзе, 1943) (Прил., рис. 38); «Освобожденные советские люди! Вы избавлены от гнета фашистской неволи – возвращайтесь скорее на Родину!» (В. Иванов, 1944) (Плакаты Великой Отечественной, 1941–1945. М., 1985. С. 162); «Ни шагу назад!» (К. Елисеев, 1942) (Крокодил. 1942. № 30. С. 1); «Воин, ответь Родине победой» (Д. Шмаринов, 1942) (Шмаринов Д.А. Годы жизни и работы. М., 1989. С. 147); «Слава советским воинам-победителям!» (В. Корецкий, 1945) (Снитковская Г. Виктор Корецкий. М., 1984. С. 58).

²⁷³ «Бей крепче, сынок!» (И. Серебряный, 1941) (Плакаты Великой Отечественной. С. 38); «Запомни, сын, святое слово...» (П. Соколов-Скала, 1941) (Работница. 1941. № 22. С. 1); «Будь героем!» (В. Корецкий, 1941) (Снитковская Г. Указ. соч. С. 43).

²⁷⁴ «Сын мой! Ты видишь долю мою... Громи фашистов в святом бою!» (Ф. Антонов, 1943) (Демосфенова Г.Л. Советские плакатисты – фронту. С. 139); «Отомсти!» (Д. Шмаринов, 1942) (Плакаты Великой Отечественной. С. 80); «Смерть фашистским душегубам!» (Д. Шмаринов, 1943) (Там же. С. 113); «Вся надежда на тебя, красный воин!» (В. Иванов, О. Бурова, 1943) (Paret P., Lewis B.I., Paret P. Op. cit. P. 163); «Советский воин, освободи!» (В. Айвазян, 1942) («Окна ТАСС». М., 1970. С. 559).

²⁷⁵ Kenez P. Black and White: The War on Film // R. Stites (Ed.) Culture and Entertainment in Wartime Russia. Bloomington, 1995. P. 168–170; Филимонов В. Указ. соч. Фильм «Радуга», по оценке В. Филимонова, примечателен тем, что он стал единственной картиной в советском кино второй половины XX в., где используется хтонический образ матери-земли: иноземному врагу противостоит сама Мать-земля со своей естественной архаической символикой, отличной от символики государственного мифа (Там же. С. 104).

²⁷⁶ Газеты, журналы, открытки воспроизвели этот плакат тиражом более 14 миллионов экземпляров; о популярности рисунка среди фронтовиков, назы-

мужества воинов; они проклинают предателей и обнимают героев.²⁷⁷ О том, что эти призывы находили отклик в сердцах воинов, свидетельствуют такие источники, как дневниковые записи или фронтовая поэзия (например: «Сегодня зачитали приказ т. Сталина, бьющий не в бровь, а прямо в глаз. Довольно утешать себя словами. Нужно драться, как львам, чтобы спасти от позора матушку Русь! Велика Россия, но отступить некуда...»).²⁷⁸

Честь и бесчестье родной земли – этот сюжет занимает важное место в канонах русской маскулинности,²⁷⁹ на роль данной оппозиции в дискурсе Великой Отечественной обращает внимание Дж. Брукс.²⁸⁰ «‘Не отдай меня на поругание!’ – призывает родная земля, взрастившая нас» – так этот аспект репрезентаций Родины-Матери представлен в письме И. Сталину от участников антифашистского митинга советских спортсменов.²⁸¹ Поругание советских женщин – это другой аспект изображения Врага как насильника.²⁸² «Чудовищные надругательства совершают гит-

вавших его «фронтовая мадонна», см.: Вашик К., Бабурина Н. Указ. соч. С. 276.

²⁷⁷ «Трусу нет места в советской семье!» (И. Астапов, Б. Тимофеев, 1941) (Боевой карандаш. Л., 1977. С. 44.), «Ты вернул нам жизни!» (В. Иванов, 1943) (Плакаты Великой Отечественной. С. 134).

²⁷⁸ Шипулин М. Из фронтового дневника, <http://www.ravnenie-na-pobedu.ru/regions/70/3-4-7.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.). Пример солдатских стихов: «Я слышу стон замученных врагами, / Я слышу плач сестер и матерей... / Я слышу, Родина! Сыновними глазами / Я вижу трупы маленьких детей. <...> И я клянусь, назад не отступая, // Громить и бить двуногое зверье! // Тебе я, Родина, тебе я, мать родная, / Вручаю сердце гневное свое» (О Родине, о мужестве, о славе: Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны / Под ред. И.И. Доронина. М., 1975. С. 34).

²⁷⁹ Л. Черная, анализируя представления об этой оппозиции в древнерусских текстах, отмечает, что поругание Русской земли расценивалось одновременно и как бесчестье для князя (Черная Л.А. «Честь»: Представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII веков // Древнерусская литература: Изображение общества / Под ред. А.С. Демина. Л., 1991). Об образе воина как защитника чести Родины см.: Сандомирская И. Указ. соч.

²⁸⁰ Brooks J. Op. cit. P. 179.

²⁸¹ Красный спорт. 1942. 4 августа. Мотив насилия немцев над родной землей получил отражение и в кинематографе, в частности в фильме «Радуга» (Pisiotis A.K. Images of Hate in the Art of War // R. Stites (Ed.) Op. cit. P. 143).

²⁸² Репрезентации издевательств и изнасилований см., напр.: Гляссер М. Священная ненависть советского народа // Работница. 1941. № 25. С. 12; Гризодубова В. Под ярмом фашизма: Зверства гитлеровских захватчиков // Там же. № 17. С. 22–23; Гопнер С. Что несет фашизм женщинам // Там же. 1942. № 15. С. 4. Тема изнасилования широко использовалась визуальной пропагандой как союзнических стран, так и государств «оси», напр.: В. Крайн. Хотите ли Вы

леровцы над женщинами оккупированных стран Европы: насильно отправляют матерей и жен в солдатские публичные дома, под угрозой смерти отдают их во власть любого фашистского офицера», – отмечается в обращении, озаглавленном «Нет большего врага у женщин, чем Гитлер» и подписанном, в частности, А. Ахматовой, Г. Улановой, М. Расковой.²⁸³ В другом обращении говорится: «Немецким солдатам разрешают, в награду за совершенные злодеяния... насиловать женщин, девушек, подростков... <...> Фашистские злодеи не только обесчестили сотни тысяч женщин и девушек, но и заразили их дурными болезнями».²⁸⁴ «Отомстить за поруганную девичью честь» призывала листовка-обращение к молодым москвичам, распространявшаяся в столице в период оборонительных боев за Москву в 1941 г.²⁸⁵ Этот сюжет обыгрывается в Постановлении ЦК ВКП(б).²⁸⁶ Более того, даже в приказе Верховного Главнокомандующего затрагивалась данная тема; среди задач Красной Армии названа и такая – «освободить, наконец, наших женщин от того позора и поругания, которым подвергают их немецко-фашистские изверги».²⁸⁷ Эти слова И. Сталина сопровождали изображение закованной в наручники советской женщины на плакате Д. Шмаринова «Освободи!» (1942).²⁸⁸ Среди других работ, репрезентирующих фашизм как сексуального агрессора, отметим плакаты «Боец Красной Армии! Ты не дашь любимую на позор и бесчестье гитлеровским солдатам» (Ф. Антонов, 1942), «За честь жены, за жизнь детей... убей захватчика врага!» (Л. Голованов, 1942), «Убей фашиста-изувера!» (В. Дени, 1942), «Насильники» (Д. Шмаринов, 1942).²⁸⁹

допустить, чтобы это случилось с Вашими женщинами и девушками? (Родина. 2002. № 10. С. 16); G. Voccasile. Vostro Amico? (Philippe R. Political Graphics: Art as a Weapon. New York, 1982. P. 250); см. также: Вашик К. Указ. соч. С. 210.

²⁸³ Нет большего врага у женщин, чем Гитлер // Работница. 1941. № 15. С. 2.

²⁸⁴ К женщинам всего мира! // Литературная газета. 1941. 10 сентября. № 36.

²⁸⁵ Назаров А. Трансформация образа врага в советских хроникальных кинофотодокументах июня–декабря 1941 года // Образ врага. С. 189.

²⁸⁶ О Международном коммунистическом женском дне 8 марта // Работница. 1942. № 5. С. 3.

²⁸⁷ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 36.

²⁸⁸ <http://grafik.org.ru/chegodaeva.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

²⁸⁹ Демосфенова Г.Л. Советский политический плакат. М., 1962. С. 350; Плакаты Великой Отечественной. С. 78; Сысоев П.М. Советские мастера сатиры, 1941–1945. М.; Л., 1946. С. 8; Шмаринов Д.А. Указ. соч. С. 160.

Ущербность гендерного порядка фашизма – другой важный мотив советской пропаганды – может быть проиллюстрирована названием плаката «Победа будет в той стране, где женщина с мужчиной наравне!». ²⁹⁰ Квинтэссенция идеологии Врага представлена так: «Все народы стоят ниже немцев, а у каждого народа женщина ниже мужчины». ²⁹¹ В обращении «К женщинам всего мира!» говорится: «Женщина в гитлеровской Германии – это машина для производства солдат. Гитлеровское государство обращается с ней, как хозяин стада со скотиной, дающей приплод». ²⁹²

Словом, название плаката «Фашизм – злейший враг женщин! Все на борьбу с фашизмом!» (Н. Ватолина, 1941) отражает принципиальный аспект гендерного дискурса советской пропаганды. ²⁹³ Заметим, что уже с 30-х гг. гендерный порядок фашизма становится важной темой внешнеполитического и гендерного дискурсов. Девиантность национал-социализма выявляется через такие черты, как разврат, проституция, резкое падение рождаемости, расизм, мизогиния. ²⁹⁴ А. Розенберг называется «идеологом разврата и половой преступности»; убогость фашистской идеологии, рассматривающей женщину как «родильный аппарат, поставленный под контроль фашистского государства», демонстрируется при помощи следующего высказывания Й. Геббельса: «Женщина должна быть красивой и рожать своему мужу детей. И птичья самка украшает себя для своего птичьего мужа и высиживает для него птенцов». ²⁹⁵ «Фашистские писаки, всячески унижая женщин, распространяют

²⁹⁰ Астапов И. Победа будет в той стране, где женщина с мужчиной наравне! (Ленинградские «Окна ТАСС» 1941–1945 гг. в собрании Российской национальной библиотеки: Каталог / Сост. И.В. Селиванова, Н.Н. Школьный. СПб., 1995. Ил. № 7).

²⁹¹ Гопнер С. Указ. соч. С. 4.

²⁹² К женщинам всего мира! С. 1. Автор одной публикации приводит нацистский документ, из которого следует, что в Германии каждому мужчине предписывают оплодотворять несколько десятков женщин, и заключает: «Эти мерзавцы превратили рождение человека в скотский акт, женщину – в свинью, которую спаривают с производителем и от которой ничего не ждут, кроме приплода» (Кононенко Е. Гитлеровские скоты в образе человека // Работница. 1941. № 32. С. 10).

²⁹³ Демосфенова Г.Л. Советские плакатисты – фронту. С. 88.

²⁹⁴ Светлов В.И. Указ. соч. С. 56, 62, 75.

²⁹⁵ Там же. С. 78; см. также: В первых рядах // Правда. 1934. 8 марта. С. 1. Еще раз обратим внимание на то, как идея взаимосвязи внутренних и внешних Врагов обыгрывается в гендерном дискурсе: «Подлые фашистские наймиты –

лживые, клеветнические утверждения, что женщины якобы неспособны к интеллектуальной, творческой деятельности».²⁹⁶

Разумеется, женщины Врага, помимо сострадания, вызывали и другие чувства. Мотив бессердечия и жестокости немецких женщин обыгрывается в сатирической графике и поэзии.²⁹⁷ Так, известный советский поэт опубликовал стихотворение, строки из которого иллюстрируют этот мотив весьма выразительно:

Фашистские женщины, самки зверей!
С улыбкой вы слушали плач матерей
Варшавы, Парижа, Белграда.
И вас не тревожил их траурный креп,
Вы ели спокойно украденный хлеб,
Носили с убитых наряды.
Вы гордо ходили в парижских чулках,
В варшавских ботинках, в лионских шелках,
Норвежское масло глотали.
И мужу писала нацистская дрянь:
«Ты шубку получше мне, пупсик, достань,
Белье... и другие детали».

Фашистские женщины, самки зверей!
Вы вдруг ощутили тоску матерей
И дико протяжно завывали.
Но кто сыновьям в грабеже потакал?
Кто зверя на новые зверства толкал?
Кто славил убийства? Не вы ли?
Так пейте же чашу свою до конца!²⁹⁸

Наконец, ущербность гендерного порядка Врага демонстрируется при помощи превосходства собственной маскулинности. Здесь также вспомним карикатуры, в которых можно обнаружить типичные сюжеты

троцкисты, бухаринцы и другие шпионы и диверсанты, стремясь реставрировать капитализм в нашей стране и установить в ней фашистский строй, покушались и на нашу социалистическую семью, на равноправие женщины в нашей стране... Презренные предатели хотели... лишить женщину ее экономической и политической самостоятельности, сделать ее опять рабой кухни, мужа, семьи. Подлые предатели родины хотели осуществить в нашей стране программу фашизма» (Светлов В.И. Указ. соч. С. 103).

²⁹⁶ Светлов В.И. Указ. соч. С. 56.

²⁹⁷ Напр.: Г. Вальк. Рынок невольниц (Крокодил. 1942. № 30. С. 2); А. Баженов. Мера доблести (Там же. 1941. № 26. С. 5); Л. Бродаты. <Фрау Грюнвальд из Дрездена...> (Там же. 1943. № 21. С. 1).

²⁹⁸ Лебедев-Кумач В. Фашистским женщинам // Работница. 1941. № 29. С. 8.

пропагандистского дискурса.²⁹⁹ Любопытно, что те территории, за которые сражаются русские и немецкие мужчины, в визуальном дискурсе репрезентируются как женщины (это касается освобождаемых Украины и Белоруссии; как женщина в оковах изображена и Европа).³⁰⁰

В связи с этим заслуживает внимания и то, как теперь философия Русского зарубежья акцентирует мужское начало в русскости. Полемика с идеями, высказанными в известной статье Н. Бердяева, очевидна уже в названии лекции, с которой И. Ильин выступает в Швейцарии в 1943 г., – «О вечно-женственном и вечно-мужественном в русской душе». Он признает, что русская душа «в избытке вобрала в себя и целиком поглотила лучи вечно-женственного, подвергнувшись лучам вечно-мужественного в гораздо меньшей, более ограниченной мере».³⁰¹ Однако, тут же оговаривается философ, это ни в коем случае не следует понимать так, будто русская душа стала более изнеженной. Женственность России не означает феминизированности русского мужчины: «Русский мужик не женствен; он мужествен и живет по всем нормам мужского естества... но все жизненно-мужские проявления проистекают из недр

²⁹⁹ Напр.: Д. Моор. Лучший способ наступать – это посылать впереди танков женщин и детей (Сысоев П.М. Указ. соч. С. 27); Кукрыниксы. Потеряла я колечко... (Там же. С. 43); Л. Бродаты. Восемь девок – один я (Крокодил. 1942. № 14. С. 3). Говоря о предыстории репрезентаций советской и немецкой маскулинностей, необходимо принимать во внимание как опыт Первой мировой войны, так и дискурс тридцатых годов. Фильм «Цирк» сыграл заметную роль в создании не только «Родины-Матери», но и образа гендерного порядка Своих и Чужих. Сюжет фильма выстроен вокруг интернационального любовного треугольника: оказавшись в СССР, американская актриса Мэрион Диксон, героиня Л. Орловой, находит здесь свое счастье. Советский строй и советская маскулинность помогли ей не только найти любовь, но и обрести человеческое достоинство. Не удивительно, что соперником и антиподом Ивана Мартынова, роль которого исполняет С. Столяров, выбран немец, фон Кнейшиц. Девиантность маскулинности этого представителя мира Чужих манифестируется в фильме и через телосложение, и через нарушения кодекса чести, и через убогость представлений о том, что нужно любимой женщине (Прил., рис. 39, 40).

³⁰⁰ «Боец, Украина ждет тебя!» (Н. Жуков, В. Климашин, 1943) (Демосфенова Г.Л. Советские плакатысты – фронту. С. 136); «Боец, освободи свою Белоруссию!» (В. Корецкий, 1943) (<http://www.philatelist.ru/stamp/index.php?categoryID=217> (последнее посещение в декабре 2006 г.)); «Европа будет свободной!» (В. Корецкий, 1944), www.davno.ru/posters/1944/poster-1944l.html (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³⁰¹ Ильин И.А. Указ. соч. С. 184–185.

сердечного созерцания, согреты лучами вечно-женственного; умерены ими, смягчены, облагорожены».³⁰²

Как было отмечено в предыдущей главе, идея женственности русской души занимала важное место в тезисе фашистской доктрины о расовой неполноценности русских. Вместе с тем женский образ России включается и в попытки пропаганды представить оккупацию Советского Союза войсками нацистской Германии в качестве освобождения России от «ига еврейских комиссаров»; враждебность «России-Матушки» И. Сталину – это тема карикатуры из журнала «Симплициссимус» (1937).³⁰³ Возможно, к этой России-Матушке – без И. Сталина, без коммунистов – некоторые чувствовали даже симпатию. Так, замечательное стихотворение в прозе «Матушка Русь», написанное солдатом вермахта Л. Мюллером в августе 1942 г. подо Ржевом, воспекает Россию, однако главная причина влюбленности автора, его русофилии в том, пожалуй, что теперь предмет страсти принадлежит германским мужчинам. Приведем его заключительные строки.

Матушка Русь! Великой, прекрасной, святой зовут тебя дети твои. Но нищетой полны деревни твои, горькая нужда растекается по улицам разорённых городов. Нет радости в лицах детей твоих, нет счастья в их сердцах.

И всё же: велика ты, и солдатским шагом наших колонн постигаем мы величье твоё, просторы твои.

Святая ты, святая трижды, о матушка Русь, с тех пор, как в землю мы твою своих товарищей убитых опускаем.³⁰⁴

Характерна и риторика тех русских, которые сражались против Советской Армии. Советский майор И. Кононов, собираясь перейти на сторону Германии и принять участие в создании «Русской освободительной армии», говорит своим подчиненным: «...Я решил обратиться к вам от глубины всего своего сердца. Я выбрал этот день, чтобы объявить войну

³⁰² Там же. С. 189–190. Напомним и рассуждения И. Солоневича об ответственности отечественных литераторов, «бердяев булгаковичей», за тот феминизированный образ русского человека, русского мужчины, который, как полагает автор «Народной монархии», провоцирует Запад на попытки завоевать Россию. «Если русский народ нуждается в этакой железной няньке – то по всему ходу вещей роль этой няньки должна взять на себя Германия» (Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 194). Подробнее см.: Рябов О.В. «Матушка-Русь». С. 149–151.

³⁰³ Douglas R. Between the Wars, 1919–1939: The Cartoonists' Vision. New York, 1992. P. 279.

³⁰⁴ Мюллер Л. Указ. соч. С. 21.

Сталину и коммунистическому режиму. <...> Те, кто хочет идти со мной и сражаться за нашу матушку Россию, встаньте справа от меня...».³⁰⁵ Присяга воинов РОА начиналась со слов: «Как верный сын моей родины я добровольно вступаю в ряды войск Комитета освобождения народов России».³⁰⁶ В открытом письме генерала А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (1943) утверждалось, что большевизм лишь маскируется святым именем Родины.³⁰⁷ Манифест Комитета освобождения народов России провозглашал: «С нами миллионы лучших сынов родины... уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма».³⁰⁸

Однако в итоге эффективность такой пропаганды оказалась, очевидно, меньшей, чем на это рассчитывали. Так, Г. Гудериан полагает, что «расовый» характер пропаганды и политики вермахта в СССР привел к тому, что русские сплотились под знаменем И. Сталина и сражались за «Матушку-Русь» против иностранного вторжения.³⁰⁹ Любовь противника к России-Матушке отмечается в различного рода инструкциях бойцам немецкого идеологического фронта.³¹⁰

Действительно, одним из решающих факторов победы Советской Армии стало восприятие войны с германским фашизмом в качестве Великой Отечественной. Дискурс войны, помимо идеологического («коммунизм – капитализм»), имел много других измерений, в том числе конфессиональное. В эти годы происходят значительные перемены в религиозной политике Советской власти.³¹¹ Православная церковь призвала верующих к «защите Матери-Родины».³¹² В исследовании О. Платонова показана роль в военной мобилизации веры в то, что Россия – это «Дом Пресвятой Богородицы»; так, в период германского наступления на Москву в день праздника Покрова митрополит Сергей (Страгородский) об-

³⁰⁵ Ланнуа Ф. де. Казаки Паннвица, 1942–1945. М., 2006. С. 14.

³⁰⁶ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 430.

³⁰⁷ Там же. С. 160–165.

³⁰⁸ Там же. С. 413.

³⁰⁹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1999. С. 595–614.

³¹⁰ Напр.: Фатеев А.В. Указ. соч. С. 18.

³¹¹ Так, за время войны в СССР были вновь открыты 20 тысяч храмов (Платонов О.А. Указ. соч.).

³¹² См.: Там же.

ратился с посланием, в котором говорилось: «Над нами Покров Пресвятой Девы Богородицы, всегдашней заступницы Русской Земли».³¹³

Другим измерением дискурса войны стало национальное. Согласно исследованию Д. Бранденбергера, анализ дневниковых записей советских воинов показывает, что именно русский патриотизм стал решающим мобилизующим фактором.³¹⁴

О многом говорят и строки А. Лосева – русского мыслителя, который отнюдь не являлся сторонником сталинского режима:

Благородный гражданин любит свою Родину... не за то, что она везде и всегда, во всем и непременно велика, высока, богата, прекрасна и пр. Нет. Мы знаем весь тернистый путь нашей страны... Но для сына своей Родины все это – свое, неотъемлемое свое, родное; он с этим живет и с этим погибает; он и есть это самое, а это самое, родное, и есть он сам. Пусть в тебе, Родина-Мать, много и слабого, больного, много немощного, неустроенного, безрадостного. Но и рубища твои созерцаем как родные себе. И миллионы жизней готовы отдаться за тебя, хотя бы ты была и в рубищах. <...> Веления этой Матери-Родины непререкаемы. Жертвы для этой Матери-Родины неотвратимы. <...> У кого есть Родина, тот, умирая если не за нее, то хотя бы только в ней, на ней, умирает всегда уютно, как бы ребенок засыпая в мягкой и теплой постельке, – хотя бы эта смерть была и в бою...³¹⁵

Широкую известность (наряду с изрядной долей критики) получил памфлет И. Эренбурга «Убей!»:

Мы поняли: немцы не люди. <...> Отныне слово ‘немец’ разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. <...> Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!³¹⁶

³¹³ См.: Там же. Автор приводит ряд случаев, свидетельствующих о глубокой вере советских солдат в чудотворную силу Казанской иконы Божьей Матери.

³¹⁴ Brandenberger D. Op. cit. P. 157.

³¹⁵ Лосев А.Ф. Родина. С. 423–427.

³¹⁶ Красная звезда. 1942. 24 июля. Влияние этого текста на отношение к Врагу просматривается во многих документах эпохи; например, в обращении советских спортсменов к спортсменам всего мира говорилось: «Беспощадно уничтожай гитлеровских бандитов. Это они разрушили твой очаг, убили твою старуху-мать, изнасиловали твою невесту, замучили твоих маленьких братьев и сестер, сожгли твоего раненого товарища. <...> Каждый убитый немец – это спасенная русская женщина» (Красный спорт. 1942. 4 августа).

Наконец, обратим внимание на возрождение с самого начала войны идеи славянского братства.³¹⁷ Уже перед окончанием войны во время одного из выступлений И. Сталин отметил, что обе мировые войны начались из-за того, что немцы хотели подчинить славян. При этом он подчеркнул: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов».³¹⁸ Затем, в период Холодной войны, это «новое славянофильство» сыграло свою роль в переконфигурации советской идентичности.

III. 5. «Быть верным сыном такого народа и такой партии»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе Холодной войны

Быть верным сыном такого народа
и такой партии – это ли, мой друг,
не самое высокое счастье в жизни?
*М. Шолохов*³¹⁹

Тысячелетняя раба.
*В. Гроссман*³²⁰

Холодная война – это период послевоенной истории, который обычно датируют 1946–1991 гг. (от фултонской речи У. Черчилля 5 марта 1946 г. до распада Советского Союза). Анализ изменений, которые происходят в этот период в концепте России-Матушки, Родины-Матери, в роли гендерного дискурса в национальной идентичности, в репрезентациях Своих и Чужих, внутренних и внешних, – таковы задачи данного параграфа. Рассматриваемый период унаследовал многое из предыдущей эпохи: образ капиталистического окружения по-прежнему играл важнейшую роль в советской идентичности. Пропаганда строилась на контрасте Своих и Чужих; последние олицетворяли прошлое, реакцию, историческую обреченность, войну, эксплуатацию, бесчеловечность. Вместе с тем

³¹⁷ Братья угнетенные славяне! // Литературная газета. 1941. 13 августа; см. также плакат В. Одинцова «К оружию, славяне!» (Там же. 20 августа).

³¹⁸ Невежин В.А. Застольные речи Сталина: Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 442.

³¹⁹ Шолохов М.А. Слово о Родине // Шолохов М.А. Россия в сердце: Сборник рассказов, очерков, публицистики. М., 1975. С. 340.

³²⁰ Гроссман В.С. Все течет... // Гроссман В.С. Все течет...: Поздняя проза. М., 1992. С. 359.

противостояние западному миру обретает более жесткие формы; СССР превращается во Врага № 1. Угроза ядерной войны и взаимного уничтожения становится вполне реальной. Советская пропаганда (как, впрочем, и американская) была построена на постоянном подчеркивании собственного превосходства и недостатков Чужих. В термине «железный занавес» получила выражение не только непроницаемость границ с Чужими, характерная для эпохи, но и черно-белая картина мира.

В годы Холодной войны главным Чужим стал американский империализм. Его критика, прошедшая в своем развитии ряд этапов,³²¹ особенно активизировалась после появления «Плана мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время» (1949).³²² Как известно, Холодная война воспринималась по обе стороны «железного занавеса» как дуэль двух сверхдержав, СССР и США. Разделение мира между двумя полюсами продуцировало манихейское мироощущение, в котором каждый для другого был Врагом № 1.³²³ Исследователи справедливо отмечают «зеркальность» образов врага в пропаганде СССР и США,³²⁴ которая нашла отражение и в гендерном дискурсе.³²⁵ Это требует учитывать взаимозависимость репрезентаций советских и западных, прежде всего американской, моделей гендерных отношений.³²⁶ Иными словами, рассмотренный подход Ф. Барта, постулирую-

³²¹ Shiraev E., Zubok V. *Anti-Americanism in Russia: From Stalin to Putin*. New York, 2000.

³²² Фатеев А.В. Указ. соч. С. 221.

³²³ Отметим, что идентичность Америки с середины 40-х гг. в значительной степени определялась ее ролью последнего оплота в борьбе с «мировым злом»: противостояние коммунистической России рассматривалось как главная историческая миссия (Sharp J. Op. cit. P. 73). Другими словами, конструкция тотальной инаковости коммунизма представляла собой одновременно создание идеализированного образа самих США (Там же. P. 29).

³²⁴ См.: Frank J. Op. cit. P. 26.

³²⁵ Рябов О.В. «Красный кошмар». Вместе с тем следует принимать во внимание и различия идентификационных стратегий пропаганды двух стран. Особенности советской идеологии с ее приоритетом классового над национальным обуславливали портретирование «американского народа» как жертвы реакции и создание образов «хороших американцев». С другой стороны, это легитимировало поиски внутренних Врагов в самом советском обществе.

³²⁶ В последнее время появился ряд исследований, в которых показана взаимообусловленность репрезентаций гендерных порядков Своих и Чужих в американском обществе этого периода (Jeffords S. *Hard Bodies: Hollywood Masculinity in the Reagan Era*. New Brunswick, 1994; Рихтер Д. Идеологии о роли женщины в обществе в США и России в период «холодной войны» //

щий референтность Своих и Чужих, может быть применен и для анализа гендерного дискурса советского общества периода Холодной войны.

Среди важнейших дискурсивных практик создания образа гендерного порядка общества Чужих отметим, во-первых, акцентирование внимания на отличиях от Своих, причем эти отличия, во-вторых, были представлены как нечто ненормальное. Наконец, в-третьих, подчеркивание связи гендерной ущемленности американского общества с другими сторонами образа Америки преследовало цель продемонстрировать, что она отнюдь не является случайностью и обусловлена самой сущностью капиталистической системы.

Основным показателем ненормальности гендерного порядка западного мира считалась его развращенность. Принципиально, что этот порок атрибутировался в первую очередь (или даже исключительно) США. Например, эта тенденция отчетливо прослеживается на страницах журнала «Крокодил» (в то время как, скажем, Германия воплощала реваншизм и милитаризм, Британия – утраченное имперское могущество и пресмыкательство перед США, а Франция – скорее жертву американского империализма). Другими словами, спецификация американскости достигается в немалой степени за счет репрезентации Америки в качестве «вавилонской блудницы».

Данная тема получила отражение в «важнейшем из искусств». Уже в первом антиамериканском фильме послевоенного периода, «Встреча на Эльбе» (Г. Александров, 1949), американская зона оккупации показана как гнездо разврата; поведение американцев оскорбляет нравственные чувства не только советских людей, но и самих немцев (Прил., рис. 42). Такой же образ Америки возникает и в кинофильме «Чрезвычайное происшествие» (В. Ивченко, 1958), повествующем о том, как моряков советского танкера захватили в плен чанкайшисты, за спиной которых стоят американцы. Мораль «свободного мира» озвучивает господин Соколов, гражданин США, который тщетно пытается убедить советских моряков в том, что человеку нужна не Родина: «...вкусная пища, побольше и послаще, и баба, побольше и послаще. Вот о чем мечтают

Женщина в российском обществе. 1997. № 3; Sharp J. Op. cit.; De Hart J.S. Op. cit.; Tickner J.A. Gendering World Politics; Dean R.D. Imperial Brotherhood: Gender and the Making of Cold War Foreign Policy. Amherst, 2001).

все люди на Земле, и ваши парни мечтают о том же». Любопытно, что любовь показана в этой картине и как причина героизма, и как источник слабости и предательства; сексуальность – это та лазейка, в которую может проникнуть Враг. Заметим, что Враг как соблазнитель – это мотив, очень популярный и в американском антикоммунизме Холодной войны, в том числе в кинематографе (например, фильм «Пилот» (Jet Pilot) (Й. фон Штернберг, 1957);³²⁷ он нашел выражение и в других советских фильмах этого периода – «Над Тиссой» (Д. Васильев, 1958), «Голубая стрела» (Л. Эстрин, 1958), «Встреча на Эльбе».

Итак, разврат – это неотъемлемая часть американского образа жизни. Половая распущенность во многом вызвана пропагандой секса. Расцвет порнографии в американском кино, театре, беллетристике, СМИ преследует цель всеми способами отвлечь американцев от серьезных социальных проблем.³²⁸ Другая причина – это погоня за наживой любыми средствами; Америка – это мир чистогана, где все продается и все покупается, в том числе и любовь. Продажная любовь – это не только проституция; таковая фактически лежит в основе брака.³²⁹ Поскольку он носит классовый характер, то индивидуальные предпочтения в любви не могут быть реализованы из-за социальных барьеров; особое место в антиамериканизме занимает мотив барьеров расовых, что знакомо советскому зрителю со времени выхода на экраны фильма «Цирк». Главным мотивом вступления американцев и американок в брак является коммерческий расчет. Образ несчастной любви и сомнительных мотивов вступления в брак дополнялся картиной дисгармоничных супружеских отношений. «Женщина в буржуазной семье становится во многих случаях сиделкой своего обессиленного развратом мужа... ибо деловой характер брака заставляет буржуа жениться в более позднем возрасте, чем рабочих и крестьян...»³³⁰ Любовь отсутствует – в самом лучшем

³²⁷ Hendershot C. *Anti-Communism and Popular Culture in Mid-Century America*. Jefferson, 2003. P. 9; Рябов О.В. «Красный кошмар».

³²⁸ Васильев О.С. Их мораль. М., 1959. С. 46; Гусева З. Вопросы семьи, любви и нравственности и художественная литература. Пенза, 1952. С. 5–10.

³²⁹ «Женщина в буржуазной семье заявляет: 'Я буду любить того, кто за меня больше заплатит'» (Песин Я.Е. Семья в социалистическом обществе. Ташкент, 1955. С. 7).

³³⁰ Там же. С. 10.

случае, это дополнение к браку-сделке.³³¹ Отсутствие любви гонит супругов на поиски удовольствий – поэтому буржуазный брак неизбежно сопровождается как супружеской неверностью, так и проституцией.³³²

Принципиально, что многочисленные пропагандистские и научные работы, посвященные советским женственности и мужественности, в качестве обязательного компонента содержали разделы о кризисе буржуазного гендерного порядка. Так, референтом образа американской семьи выступал образ Своих, задавая соответствующие параметры описания и критерии сравнения; она изображалась сквозь призму тех ценностей, которые были близки и понятны советской аудитории.³³³

Развращенность не исчерпывает список пороков женственности Чужих. Иногда американские женщины изображены как весьма бессердечные создания.³³⁴ Поскольку, как подчеркивалось пропагандой, в буржуазном обществе, в отличие от СССР, не созданы условия для самореализации женщин и равенства полов, постольку американские женщины – недалекие, не реализовавшие своих жизненных целей.³³⁵

Соперничество в силе в международных отношениях принимает форму соревнования в маскулинности, что получило отражение, в частности, в широком использовании сексуальных образов и метафор в дискурсе Холодной войны.³³⁶ В этой связи показательны слова А. Фадеева;

³³¹ Фурман Г.И. Советская семья. М., 1962. С. 9.

³³² Там же; Соловьев Н.Я. Семья в советском обществе. М., 1962. С. 32. Тема была популярна и в предыдущий период: «Нетрудовая сытая жизнь буржуазной женщины, скука, освобождение ее от всякого ухода за ребенком, чтение порнографической литературы, посещение театров и кино, также проникнутых эротикой, толкают буржуазную женщину на тайные любовные похождения, делают ее развращенной» (Светлов В.И. Указ. соч. С. 22).

³³³ Напр.: Аншин З.Б. Брак и семья в социалистическом обществе. Новосибирск, 1956; Песин Я.Е. Указ. соч.; Соловьев Н.Я. Указ. соч. Еще один аспект репрезентаций американской семьи связан с отношениями между детьми и родителями, основная черта которых – полное отчуждение поколений. Забота о собственных интересах – основа американского общества – приглушает родительские чувства. Дети отвечают тем же, воспринимая родителей как чужих, посторонних людей (Рябов О.В. «Их нравы»: Американская семья в зеркале советской пропаганды «холодной войны» // Семейные узы. Кн. 2).

³³⁴ Например, на карикатуре Ю. Ганфа «Посмотрите, наш Гарри – вылитый отец!» (Крокодил. 1958. № 35. С. 10).

³³⁵ Рихтер Д. Указ. соч. С. 40.

³³⁶ Скажем, политика американского руководства во второй половине 70-х гг. в США получала и такие оценки: «При Картере Америка раздвинула ноги перед Советским Союзом» (см.: Cohn C. Op. cit. P. 236).

как сообщает И. Сельвинский (декабрь 1947 г.), известный писатель «любит говорить, что война показала, что и у русского народа есть половой орган».³³⁷ Иными словами, победа в Великой Отечественной войне интерпретировалась не только в качестве доказательства преимуществ социалистической системы над капиталистической или русскости над немецкостью, но и как свидетельство превосходства русской маскулинности над немецкой (и шире – западной). Заслуживают внимания и написанные в эти годы строки Н. Бердяева, который теперь говорит отнюдь не о «вечно-бабьем». Он называет противопоставление русского народа, женственного и душевного, немецкому, мужественному и духовному, изобретением германской идеологии; ее тезис о том, что «мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа», служит, по мнению мыслителя, для оправдания германского империализма и воли к могуществу.

Немцы давно уже построили теорию, что русский народ – народ женственный и душевный в противоположность мужественному и духовному немецкому народу. В действительности русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, и он это докажет и доказал уже германскому народу.

В таком контексте Н. Бердяев подчеркивает уже не отсутствие рыцарства в русской истории (как в «Судьбе России»), а отечественную традицию «богатырского начала».³³⁸

Критерии, которые избираются для демонстрации превосходства советской маскулинности над американской, разнообразны – отношение к женщине, настоящая мужская дружба, телесные каноны, спортивные победы, космос и, разумеется, военная мощь.

Анализируя советские карикатуры, И. Сандомирская заметила:

Метафора (идейного) величия как (физической) величины и здоровья претворяется здесь в наглядный зрительный образ и вызывает в памяти иероглифическую символику изображений на древнеегипетских фресках: чем выше общественный статус изображаемого, чем больше в нем величия и власти, тем больше размер изображения относительно других фигур.³³⁹

³³⁷ См.: Фатеев А.В. Указ. соч. С. 82.

³³⁸ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 267.

³³⁹ Сандомирская И. Указ. соч. «Советский народ изображен в виде высокой, мускулистой, широко шагающей фигуры (мужского пола), а коварный империалист – например, дядя Сэм с атомной бомбочкой в руках – в виде

Превосходство и тела, и духа были призваны продемонстрировать спортивные победы. Как известно, спорт в дискурсе национализма нередко выполняет роль метафоры войны.³⁴⁰ Интересами войны легитимируются и практики тела: физкультура и спорт поощряются в той степени, в какой они закаливают тело, готовя его к защите Родины.³⁴¹ Начиная с фильма «Вратарь» (С. Тимошенко, 1936), спортивная победа рассматривается как, во-первых, выполнение долга перед Родиной, во-вторых, свидетельство торжества советской мужественности. Международные соревнования описывались как триумф русского богатырства.³⁴² Показательно, что, подводя итоги первой победной для СССР Олимпиады, «Правда» приводит слова одного американского специалиста, объясняющего итоги этих Игр так: в США образ жизни удобный, если не изнеженный, между тем в России он проще и ближе к крестьянской жизни.³⁴³

В эстетизации русского богатырства одним из наиболее примечательных является образ красноармейца Федора Сухова из фильма «Белое солнце пустыни» (В. Мотыль, 1969), феноменальная популярность которого позволяет предположить, что он отражает важные черты национальной мифологии, репрезентаций Своих и Чужих. Образ Сухова лишен всякой патетики, в том числе и патриотической, и тем не менее он является частью дискурса Холодной войны, утверждая приоритет национальной маскулинности. Фильм, сделанный в жанре «истерн» (действие происходит в период Гражданской войны в Средней Азии), воспринимается как кинематографический ответ на «бондиану»; смокинг, водка с мартини и окружение обольстительных красоток – это не главное в настоящем мужчине.

мелкой тонконогой скрюченной фигурки, копошащейся где-то под ногами» (Там же).

³⁴⁰ Hooper C. Manly States. P. 86.

³⁴¹ Сандомирская И. Указ. соч.

³⁴² Анализ роли концепта богатырства в репрезентациях советских спортсменов см.: Gilmour J., Clements B. «If You Want to Be Like Me, Train!»: The Contradictions of Soviet Masculinity // B.E. Clements, R. Friedman, D. Healey (Eds.) Op. cit. P. 212; авторы, в частности, упоминают о плакате «Пусть славится всегда богатырями родная и великая земля!» (опубликован в газете «Советский спорт» в 1955 г.), изображающем трех чемпионов на фоне трех богатырей с известной картины А. Васнецова (Там же).

³⁴³ «Почему Соединенные Штаты проиграли, а Россия победила?» // Правда. 1956. 7 февраля.

Само название фильма «Мировой парень» (Ю. Дубровин, 1971) призывает зрителя воспринимать главного героя, инженера и гонщика Виктора Логинова, в качестве эталона советской маскулинности. Примечательно, что вначале соперники – гонщики из США, Англии, Германии, Италии, Франции – снисходительно называют его «малышом». Но фраза, сказанная Виктором о советском автомобиле: «Ты же у нас не пижон – ты работяга!», с равным успехом относится к самому гонщику. Нужно ли уточнять, что в итоге «мировой парень» выигрывает гонку, посрамив «пижонство» западной маскулинности? Однако дело не только в этой победе. Главный вывод, который должен сделать зритель, очевидно, таков: роскошь быть мужчиной могут позволить себе только советские парни. Благодородство, взаимопомощь, мужская дружба, уважительное отношение к женщине – этих атрибутов маскулинности соперники Виктора не могут проявить не столько по причине какой-то личной ущербности, сколько потому, что сама природа капиталистического общества заставляет видеть в Другом врага. Наконец, в канон советской маскулинности входит и отношение к Родине-Матери, которая «щедро поила... березовым соком» своего верного сына, как пелось в ставшей популярной песне из этого фильма. Заснеженный Минск милее чужого заграничного солнца. «Я этой заграницей сыт по горло. Честно сказать, хочется домой», – говорит Виктор. Как тут не вспомнить слова из созданной в самом начале Холодной войны песни: «Летят перелетные птицы / Ушедшее лето искать / Летят они в жаркие страны, / А я не хочу улетать. / А я остаюсь с тобою, / Родная моя сторона. / Не нужно мне солнце чужое, / Чужая земля не нужна».³⁴⁴

Предполагалось, что превосходство советской маскулинности признают и западные женщины – пусть даже и не в столь очевидной форме, как в фильме «Цирк».³⁴⁵ Именно это делает американская журналистка-шпионка Джанет Шервуд во «Встрече на Эльбе». «Я даже уважаю этого большевика Кузьмина. Он... настоящий мужчина. А Вы?!» – с презрением бросает она своему соотечественнику. Очевидно, то, что советский

³⁴⁴ <http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=letyat48> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³⁴⁵ Аналогичные сюжеты были широко представлены в американской культуре, начиная с фильма «Ниночка» (Э. Любич, 1939). Подробнее об этом см.: Рябов О.В. «Красный кошмар». С. 295–296.

офицер Никита Кузьмин остается равнодушным к чарам американки, роль которой исполняет Л. Орлова, и предпочитает ей любовь Веры, русской девушки с берегов Волги, позволяет зрителям верить и в превосходство советской женственности над американской (Прил., рис. 43).

Таким образом, утверждение приоритета советской маскулинности и демаскулинизация Врага стали одной из дискурсивных практик Холодной войны. Вместе с тем пропаганда использовала другой прием, репрезентируя США как сексуального агрессора. В этом смысле показательным является фрагмент изданной в 1952 г. брошюры «Звериный облик американско-английского империализма». В ней поведение американских солдат во время Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке представлено следующим образом:

Особенно непристойно вели себя эти 'рыцари' с русскими женщинами. Они практиковали облавы на девушек, женщин, связывали их веревками, увозили за город и там расправлялись с беззащитными жертвами... Зарегистрированы десятки случаев, когда англо-американские бандиты увозили с собой в эшелонах девушек и, надругавшись над ними, выбрасывали их на ходу поезда под откос.³⁴⁶

Отметим еще один важный аспект данного текста: в числе приемов создания образа врага – эссенциализация противоречий, которая достигается в том числе при помощи помещения их в историческое прошлое, в некое сакральное время (в советской мифологии Гражданская война таковым временем и являлась). Иногда эту же цель преследовало сравнение США с другими врагами СССР: нынешний Враг – некая эманация Вечного Врага, Врага на все времена. В репрезентациях американского империализма пропагандисты активно использовали традиции изображения Врага № 1 предыдущей эпохи.³⁴⁷

³⁴⁶ О чудовищных зверствах американско-английских империалистов на Советском Дальнем Востоке: (По материалам окружных газет политотделов округов) // Звериный облик американско-английского империализма. М., 1952. С. 79.

³⁴⁷ Напр.: «Американские людоеды идут по стопам гитлеровских разбойников» (Александров Г. Идеология американских империалистов – идеология людоедов // Там же. С. 125); см. также: Фатеев А.В. Указ. соч. С. 65. Аналогичные способы репрезентации Врага имели место и по другую сторону океана: «Интеллектуалы Холодной войны связывали нового врага (коммунизм) со старым врагом (фашизмом), характеризуя обоих в качестве разновидностей тоталитаризма» (Clark S. Cold Warriors: Manliness on Trial in the Rhetoric of the West. Carbondale, 2000. P. 37).

Следовательно, гендерный дискурс выполнял важную функцию в процессе инаковизации Соединенных Штатов в пропаганде: репрезентации американского гендерного порядка стали одной из составляющих конструирования Врага. Гендерный дискурс являлся важным элементом арсенала Холодной войны, причем это относится как к противостоянию СССР и США, так и к внутривнутриполитической нормализации. Советский гендерный порядок создавался и поддерживался не только за счет апелляции к гендерной идентичности; общество требовало быть не просто «мужественным мужчиной» или «женственной женщиной», но *советским* мужчиной или *советской* женщиной. Это, в свою очередь, предполагало избегание всего, что могло бы быть расценено как Чужие, американские мужественность или женственность. Иными словами, «не по-советски» означало также «не по-мужски» или «не по-женски». «Не хорошо получается! Не по-советски!» – такими словами один из персонажей фильма «Кубанские казаки» (И. Пырьев, 1949) укоряет главную героиню, коммунистку и председателя колхоза, за якобы недостойное поведение. Заметим, что порок, который несправедливо инкриминируется «этой кривоношей особочке», не более чем кокетство.

Внешнеполитическая риторика становится орудием выстраивания символических границ и иерархий в собственном социуме. Поскольку советская система рассматривалась как «естественная» форма социального порядка, постольку противники Советской власти объявлялись ненормальными и в гендерном смысле; все же черты гендерного порядка советской действительности, не отвечавшие канонам коммунистического идеала, трактовались как родимые пятна капиталистического прошлого и объяснялись происками внутренних Врагов или тлетворным влиянием Врага № 1. В свою очередь, отклонения от советских гендерных канонов рассматривались как свидетельство политической неблагонадежности. Такое переплетение политической и гендерной инаковизации проявилось в том, как изображались диссиденты и «стиляги» (например, в фельетоне «Стиляга»).³⁴⁸ Не меньшей опасностью считались

³⁴⁸

«Мне лично плюнуть хочется» – такое негодование вызывает «стиляга» у одной из обычных советских девушек (Беляев Д. Стиляга // Крокодил. 1949. № 7. С. 10). Предмет гордости главного героя фельетона, поведение которого далеко выходит за рамки идеала советской маскулинности, – носки – так были

идеологически чуждые произведения современного искусства; по поводу одной женской скульптуры Н. Хрущев высказался в том духе, что только мужчины с нетрадиционной сексуальной ориентацией могут изображать женщину подобным образом: никакого интереса к подлинной женственности они не испытывают.³⁴⁹ За «раболепство перед Западом» критиковали женщин, пользовавшихся косметикой.³⁵⁰ Еще большему остракизму подвергались феминистки; точнее, с одной стороны, критика буржуазной действительности западными феминистками приветствовалась, с другой, феминизм расценивался как уродливое порождение западного мира, которое не может возникнуть в советском обществе.³⁵¹

Другая форма репрезентаций внутренних Чужих связана с образом Родины-Матери. Обличая А. Синявского и Ю. Даниэля в известной речи на партийном съезде, М. Шолохов говорит:

Я принадлежу к тем писателям, которые... гордятся тем, что они являются сынами могучей и прекрасной Родины. Она создала нас, дала нам все, что могла, безмерно много дала. Мы обязаны ей всем. Мы называем нашу советскую Родину матерью. Все мы – члены одной огромной семьи. Как же мы можем реагировать на поведение предателей, покусившихся на самое дорогое для нас? С горечью констатирует русская народная мудрость: «В семье не без урода» <...> Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и

ярки, что, по оценке автора, казалось, были сделаны из кусочков американского флага. Тема преклонения перед Западом получает развитие в многочисленных карикатурах на «стиляг» (напр.: А. Баженов. <Made in US> (Крокодил. 1957. № 7. С. 14)).

³⁴⁹ Nixon W.L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961. New York, 1997. P. 205. Заметим, что обвинения, предъявляемые буржуазной культуре в том, что она уничтожает женственность, не были редкостью. Так, карикатура «Три грации» (Кукрыниксы, 1958) изображала Венеру Милосскую и Венеру Капитолийскую, с ужасом взирающих на последнее достижение западной концепции женственности – выполненную в лучших традициях абстрактного искусства Венеру Капиталистическую, которая, действительно, понравилась бы далеко не всем (Куприянов М.В., Крылов П.Н., Соколов Н.А. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1986. Т. 3. С. 292).

³⁵⁰ Рихтер Д. Указ. соч. С. 41. Приведем фрагмент речи Н. Хрущева, который высмеивает некоего советского дипломата, восхищающегося изобилием товаров в Америке, в том числе и предметов женского туалета: «Нельзя, товарищи, стыдно менять классовую точку зрения на обывательскую, рассматривать все с точки зрения расцветки дамских панталон» (Хрущев Н.С. О коммунистическом воспитании. М., 1964. С. 275).

³⁵¹ Рихтер Д. Указ. соч. С. 41; см. также: Connell R.W. The Men and the Boys. P. 122.

омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку!³⁵²

Неблагодарность – популярнейший термин антидиссидентского дискурса.³⁵³ Символический капитал «Родины-Матери» во многом обеспечивался апелляцией к памяти о войне. «Каждый, кто входит в Центральный дом литераторов, видит на мраморной плите имена наших товарищей, погибших в боях за свободу и независимость Родины. Я обвиняю Синявского и Даниэля от имени живых и от имени павших».³⁵⁴

Высшее же наказание – это отлучение от коллективного тела; так, в резолюции собрания московских писателей о деле Б. Пастернака говорится: «Пусть незавидная судьба эмигранта-космополита, предавшего интересы Родины, будет ему уделом!»³⁵⁵

«Родина-Мать», таким образом, принимает активное участие в легитимации власти и укреплении социально-политического порядка. Родина как уязвимая, страдающая, опаленная войной, нуждающаяся в защите, – эта тема проходит через советскую культуру всего исследуемого периода. «...От Сталинграда до Берлина и от Кавказа до Баренцева моря, где бы, мой друг, ни остановился твой взгляд, всюду увидишь ты дорогие сердцу матери-Родины могилы погибших в сражениях бойцов», – пишет М. Шолохов в «Слове о Родине».³⁵⁶ В материнских фигурах, известных по плакатам, картинам, скульптурным композициям периода Холодной войны, – и мольба о защите, и утверждение изобилия Совет-

³⁵² Шолохов М.А. Речь на XXIII съезде КПСС // Шолохов М.А. Россия в сердце. С. 277–278. Еще раньше, в статье, с которой начиналась кампания против космополитов, обличались «эстетствующие ничтожества, лишенные здорового чувства любви к Родине» (Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января. С. 3).

³⁵³ В наиболее известном варианте эта тема была озвучена в выступлении первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Семичастного: «...если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал... Он нагадил там, где ел, нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит...» (Комсомольская правда. 1958. 30 октября).

³⁵⁴ Крымов Б. Удел клеветников // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. С. 487–488.

³⁵⁵ <http://his.1september.ru/2001/04/1.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³⁵⁶ Шолохов М.А. Слово о Родине. С. 338.

ской страны, и призыв к борьбе за мир с одновременным осуждением «поджигателей войны».³⁵⁷

При этом репрезентации страны в женском облике выступали в роли аргумента в борьбе за моральное преимущество над Западом. Образ американских империалистов как «поджигателей войны» имел очень важное значение для советской пропаганды. Риторический характер вопроса «Хотят ли русские войны?» в значительной степени обеспечивался образом матери, потерявшей сына. Пожалуй, в каждом населенном пункте СССР был установлен мемориал павшим в Великой Отечественной войне воинам; чаще всего скорбь народа символизировала фигура скорбящей матери, как, например, «Мать-Родина» на Пискаревском кладбище в Ленинграде (В. Исаева и др., 1960) (Прил., рис. 37). Образ матери, защищающей своего ребенка от ужасов войны, получает распространение в плакате (например, «Проклятье поджигателям войны! Матери всего мира, боритесь за мир!»; В. Иванов, 1950).³⁵⁸ Позднее эту важную идеологическую максиму сформулирует Л. Брежнев: «Именно женское сердце способно измерить всю глубину несчастий, выпадающих на долю матерей, вдов, сирот в безжалостном пламени войны».³⁵⁹

³⁵⁷ Идеологическое обеспечение наиболее крупного конфликта периода Холодной войны – войны в Афганистане – первоначально основывалось на идее «интернационального долга». Однако и мотив защиты Родины-Матери включался в идеологию этой войны, особенно в последние годы. Так, «Обращение ЦК КПСС к советским воинам-интернационалистам, возвращающимся из Республики Афганистан» заканчивалось словами «Слава сынам и дочерям Родины!» (Родина всегда с нами. Киров, 1989. С. 111). В солдатской песне к материнским образам Родины обращались чаще, например: «Не из-за славы мы / И не из почести / В этих песках отбываем свой срок. / Мы для Отечества, / Матери-Родины / Здесь выполняем свой воинский долг» (Липатов В.А. Солдат и песня: 300 лет вместе. Екатеринбург, 2006. С. 147). Впрочем, очевидно, иллюстрацией восприятия афганских событий массовым сознанием может служить скорее «Молитва русской матери далекому ветру», главная идея которой воплощена в просьбе «сберечь сына» (Родина всегда с нами. С. 64). «Чем ты, великая Держава, / Искупишь слезы матерей», – с горечью пишет один из «афганцев» (Липатов В.А. Указ. соч. С. 143).

³⁵⁸ <http://www.plakaty.ru/posters?id=1225> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³⁵⁹ Брежнев Л.И. Участникам Всемирного конгресса, посвященного Международному году женщины // Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976. Т. 5. С. 380.

Миролюбие Советского Союза подкрепляется мужеством его защитников.³⁶⁰ Впрочем, другой лик Родины-Матери – это воительница; она не столько призывает своих детей к защите, сколько готова защищать их сама. Наиболее известное воплощение этого лика – скульптура «Родина-мать зовет!» (Е. Вучетич и др., 1967) (Прил., рис. 44), установленная на Мамаевом кургане в Волгограде. В союзных республиках были сооружены похожие скульптурные изображения Родины-Матери с мечом в руках – в Киеве (Е. Вучетич и др., 1981) (Прил., рис. 45), Ереване («Мать-Армения» А. Аратюняна, 1967), Тбилиси («Мать-Грузия» Э. Амашукели, 1963).

Идея иерогамии продолжает активно использоваться в первые послевоенные годы: Родина-Мать является дополнением Сталина-Отца.³⁶¹ Эта идея получает воплощение, например, в плакатах, изображающих советского лидера вместе с детьми.³⁶² После смерти И. Сталина «Родина-Мать» не утрачивает своей сакральной силы; возможно, одна из причин заключалась в том, что образ вдовы был близок жизненному опыту того поколения советских людей. Россия, пишет Е. Гоцило, превращается в нацию вдов; русское вдовство становится аллегорией нации.³⁶³

Апелляция к долгу перед Родиной остается универсальным способом легитимации. Ей посвящаются все достижения советского народа. Так, после полета Ю. Гагарина были написаны следующие стихи: «Смеется и плачет, / Как в Праздник Победы, / Россия, счастливая мать».³⁶⁴

³⁶⁰ «С холодной улыбкой презрения, негаснущей ненавистью и с сознанием своей несокрушимой мощи он зорко посматривает за теми, кто неосторожно балует с огнем войны» (Шолохов М.А. Любимая мать-отчизна // Шолохов М.А. Россия в сердце. С. 319).

³⁶¹ В кинокартине «Клятва» (М. Чиаурели, 1946) идея союза Сталина и Родины получает визуальное воплощение (Туровская М. Женщина и кино // Искусство кино. 1991. № 6. С. 137; Филимонов В. Указ. соч. С. 99) (Прил., рис. 41).

³⁶² Напр.: «Спасибо родному Сталину за счастливое детство!» (Н. Ватолина, 1950). В одной из статей тех лет читаем: «Надо объяснять малышам, что в нашей стране весь народ заботится о детях, а больше всего любит их и заботится о них Иосиф Виссарионович Сталин» (Бершадская Д.С. О воспитании советского патриотизма // Семья и школа. 1949. № 6. С. 20).

³⁶³ Goscilo H. Widowhood as Genre and Profession à la Russe: Nation, Shadow, Curator, and Publicity Agent // H. Goscilo, A. Lanoux (Eds.) Op. cit.

³⁶⁴ Федоров В. Сын России // Родина: Стихи. М., 1961. С. 52.

Чертами несколько суровой, но заботливой матери все больше наделяется КПСС.³⁶⁵ Заметим, что идея Партии-Матери возникает уже в революционные годы (например, в романе М. Горького «Мать»); комсомольский поэт 20-х призывал «быть достойным сыном / Огромной мамы – РКП!».³⁶⁶ Атрибуты, которыми наделяется партия, традиционны для концепта материнства в русской культуре. Она по-матерински вскармливает, по-матерински воспитывает, по-матерински заботится; и нет ничего более страшного, чем ее материнское проклятье.

Послесталинская «оттепель» порождает и новые дискурсы о России, и изменения в гендерном дискурсе советского общества. Появление новой маскулинности («оттаявшей»)³⁶⁷ отразилось и в более личном, интимном отношении к России. Так, в песенной лирике этого периода Россия нередко описывается как любимая женщина: «доверчивая», «застенчивая» и «синеокая»; она сравнивается с Алenuшкой («У нее коса пшеничная, / Родниковые глаза»). Россия – «нерассказанная сказка».³⁶⁸

Еще более заметными отличия от прежнего восприятия России как воплощения силы и изобилия, Родины как дополнения государства становятся в диссидентском движении. Его возникновение в 60-е гг. в двух основных формах, русофильской и западнической, означало появление дискурсов национальной идентичности, составивших конкуренцию официальному.³⁶⁹

Образ России, канонизированный в официальной пропаганде после «исправления перегибов» послевоенного времени, можно проиллюстрировать следующими стихами: «Века считали: Россия – дали...<...> Россия – косность, / Солома в космах, / Россия – сон, / Россия – стон, / Кандальный звон, / Церквей трезвон. // Да, той России / Мы все касались, / От той России / Мы отказались, / От сна и лени, / Пути впотьмах. /

³⁶⁵ Напр.: «Тянемся так же, как дети, и мы / К Партии-матери, встав к ней под знамя» (Кудрявцев П. Тянутся к солнцу цветы лепестками // Кудрявцев П. Дни нашей жизни. М., 1960. С. 7).

³⁶⁶ Безыменский А. Комсомолия: Страницы эпопеи. М.; Л., 1930. С. 63.

³⁶⁷ Goscilo H., Lanoux A. Op. cit.

³⁶⁸ Харитонов В. Сын России // Песня остается с человеком: Популярные песни шестидесятых годов. М., 1994. С. 162; Гребенников С., Добронравов Н. Русь // Там же. С. 284; Шаферан И. Красно солнышко // Там же. С. 406; Ножкин М. Я люблю тебя, Россия, <http://download2.sovmusic.ru/sam/s3643.mp3> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

³⁶⁹ Вдовин А.И. Указ. соч.

Россия – Ленин! / Октябрьский взмах. // Народов гордость, / Эпохи зрелость. / Россия – скорость! / Россия – смелость!»³⁷⁰

Между тем русофильский дискурс предлагал другие оценки революционных трансформаций, включающие и иной образ России.

Представим себе, что разбойники под угрозой оружия и смерти заставили взрослого мужчину изнасиловать собственную мать. Их было несколько сыновей. Один, хоть и наставлены пистолеты и приставлены ножи к горлу, бросился на разбойников и тотчас погиб. Что же, были у России и такие сыновья. <...> Второй брат под угрозой бандитов покорился и совершил насилие. Третий, хоть сам и не насильничал, но смотрел, как насильничает его брат, и не пошевелился, потому что у горла – нож. И вот они оба остались живы, но жалка их участь и страшна их жизнь. И что же теперь с них спрашивать? Они теперь могут все, и ничего недозволенного для них нет.³⁷¹

По оценке Б. Хелдт, в произведениях А. Солженицына, в прозе «деревенщиков», обвинялась не просто советская система, но бюрократическое Государство-Мужчина, насилующее Природу-Женщину. Доброй Матери-России противостоит Злая Мачеха-СССР, которая занимает ее место и уничтожает ее детей.³⁷²

В истории рассматриваемого образа труды Д. Андреева, прежде всего «Роза мира» (1958), занимают особое место. При всей уникальности его жизненного пути, при всей неповторимости строя мыслей и образно-понятийного аппарата его произведений понимание автором России во многом созвучно идеям философов Серебряного века и Русского зарубежья.³⁷³ Остановимся на двух идеях. Во-первых, вера автора в историческую миссию русской культуры связана с тем, что та якобы основана на ценностях фемининных. Эпоха Розы Мира, новая эра в истории человечества, певцом и пророком которой выступает мыслитель, означает утверждение ценностей женственных, а ее наступление будет ознаменовано воплощением Звенты-Свентаны, выразительницы Вечной Женственности Божией, в Небесной России. Главный смысл существования Небесной России как раз и заключается в том, что от брака Яросвета, демиурга России, и Навны, Соборной Души русского народа, ро-

³⁷⁰ Львов М. Россия // Родина: Стихи. С. 13–14.

³⁷¹ Солоухин В.А. При свете дня. М., 1992. С. 14–15.

³⁷² Heldt B. Gynoglasnost: Writing the Feminine // Buckley M. (Ed.) Perestroika and Soviet Women. Cambridge, 1992. P. 167.

³⁷³ Подробнее о философии женственности Д. Андреева см.: Рябов О.В. Русская философия женственности. С. 246–255.

дится Звента-Свентана.³⁷⁴ Во-вторых, в качестве антипода Розы Мира представлен большевизм, который построен на маскулинных ценностях; именно поэтому он враждебен русской культуре. Соборная Душа русского народа, Навна, в период сталинизма оказывается плененной в «глыбах государственности», в цитадели великодержавного демона.³⁷⁵

Если русофильский дискурс объявлял Россию-Мать жертвой советского режима, то западнический – его опорой. В трактате В. Гроссмана «Все течет» русская душа называется «тысячелетней рабой».³⁷⁶ «Пора понять отгадчикам России, – пишет автор, – что одно лишь тысячелетнее рабство создало мистику русской души».³⁷⁷ «По-прежнему ли загадочна русская душа? Нет, загадки нет. Да и была ли она? Какая же загадка в рабстве?»³⁷⁸ По его оценке, развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России – ростом рабства. Своеобразно используется автором при анализе истории России идея иерогамии: «Великая раба остановила свой ищущий, сомневающийся, оценивающий взгляд на Ленине. Он стал избранником ее. Он разгадал ее, как в старой сказке, ее затаенную мысль, он растолковал ее недоуменный сон, ее помысел».³⁷⁹

Другой оригинальный образ, появляющийся в текстах диссидентов-западников, эксплуатирует мотив недолжного отношения Родины-Матери к детям. Рассуждая о проблемах эмиграции, А. Синявский произносит пресловутое: «Россия-Мать, Россия-Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное потом на помойку, с позором – дитя!».³⁸⁰

Наконец, объектом критики в диссидентском дискурсе становится сам советский гендерный порядок. «Бесполоый ‘homo soveticus’», «одномерный человек без свойств» – так охарактеризованы современники в статье Т. Горичевой. Усматривая причины феминизации мужчин в особенностях социально-экономической системы, автор подчеркивает, что «в обществе, подобном нашему, мужчина не может быть самостоятель-

³⁷⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира. М., 1992. С. 251.

³⁷⁵ Там же. С. 125.

³⁷⁶ Гроссман В.С. Указ. соч. С. 359.

³⁷⁷ Там же. С. 364.

³⁷⁸ Там же. С. 363.

³⁷⁹ Там же. С. 360.

³⁸⁰ Синявский А. Литературный процесс в России. М., 2003. С. 200.

ным, отвечать за свои действия, свободно и сознательно строить свою жизнь».³⁸¹ Как отмечается в исследовании Е. Здравомысловой и А. Темкиной, «кризис маскулинности является дискурсивным фактом, т. е. общепризнанным положением позднесоветского критического дискурса».³⁸² Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанная с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести), имплицитно считается причиной разрушения истинной мужественности, хотя открыто этот тезис не заявляется вплоть до конца 1980-х гг.³⁸³ Кризис гендерного порядка стал одним из основных аргументов в пользу перестройки «развитого социализма».

III. 6. «Убей же в себе 'бабу'»:

«Россия-Матушка» в постсоветском дискурсе

Мы проявили слабость, а слабых бьют.

В. Путин³⁸⁴

В заключительном параграфе нам предстоит установить, как дискурс России-Матушки трансформируется в перестроечном и постперестроечном обществе. Особый интерес для исследования представляют следующие вопросы. Как на концепте Родины-Матери отразились распад СССР и окончание советской эпохи? Какое влияние гендерный дискурс оказывает на поиски новой русской идентичности – и наоборот? Как различные политические дискурсы конкурируют сегодня за интерпретацию «России-Матушки»?

Перестройка может быть рассмотрена в различных измерениях. В геополитическом она явилась заключительным аккордом Холодной войны; ее результатом стало кардинальное изменение геополитической ситуации в мире, сопровождаемое реанимацией национализма, прежде всего в Восточной Европе. В социально-экономическом и идеологиче-

³⁸¹ Горичева Т.М. «Радуйся, слез Евиных избавление» // Женщина и Россия. Frankfurt am Main, 1980. С. 30.

³⁸² Здравомыслова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в познесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности. С. 435.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ <http://www.riv.ru/theme13054.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

ском измерениях перестройка выступила составной частью общемирового подъема неолиберализма. Хотя вначале она была артикулирована как попытка реформирования социализма, построения социалистического общества «с человеческим лицом», со временем квинтэссенцией перестроечного дискурса стал антикоммунизм. Наконец, перестройка может быть охарактеризована как гендерная революция. Р. Коннелл расценивает этот переход «от гендерного равенства к воинственному мизогиническому патриархату» как «ошеломляющий исторический разворот».³⁸⁵ Эти три дискурсивные формации, три измерения (геополитическое, идеологическое и гендерное), переплетаются и усиливают друг друга.

Итак, содержание дискурса перестройки в значительной степени определялось антикоммунизмом Холодной войны.³⁸⁶ В первую очередь, это относится к дискурсу нормализации: преобразования репрезентировались в качестве возвращения к естественному порядку вещей после некой болезни, будь то в социальной жизни в целом или в гендерных отношениях. В частности, К. Вердери отметила, что инвективы социализму со стороны приверженцев либеральных ценностей базировались на утверждении, что тот представляет собой нарушение естественного порядка вещей, противоречит человеческой сущности.³⁸⁷

Одной из важнейших дискурсивных практик нормализации стала дискуссия вокруг фразы «У нас секса нет!». Вырвавшиеся в полемическом запале из уст одной из участниц советско-американского телемоста (1988), эти слова были растиражированы СМИ и, кстати, продолжают активно использоваться в антикоммунистическом дискурсе и поныне.³⁸⁸

³⁸⁵ Connell R.W. *The Men and the Boys*. P. 24, 150.

³⁸⁶ В перестроечном коктейле идей, помимо наследия либерального западничества и антикоммунизма Холодной войны, активно использовались другие дискурсы, составившие конкуренцию гендерному дискурсу «развитого социализма». Во-первых, получают распространение идеи феминизма, прежде всего в его либеральной интерпретации. Во-вторых, исключительным авторитетом наделяются известные до этого лишь немногим тексты философов, писателей, богословов Серебряного века и Русского зарубежья; философия пола (как правило, в эссенциалистском варианте) занимала в них видное место.

³⁸⁷ Verdery K. *Op. cit.* P. 250–255. О том, как это артикулировалось в СССР, см.: Гапова Е. О гендере, нации и классе в посткоммунизме // *Гендерные исследования*. № 13 (2005). С. 107–109.

³⁸⁸ Riabova T., Riabov O. «*U nas seksa net*»: Gender, Identity, and Anticommunist Discourse in Russia // A.A. Markarov (Ed.) *State, Politics, and Society: Issues and*

Как это стало возможным? Во-первых, перестроечный и постперестроечный дискурсы придают сексуальности исключительное значение, тем самым переопределяя норму и девиацию. Эротизации подвергаются буквально все виды дискурса, в том числе политический.³⁸⁹ В работах Т. Рябовой показано, насколько активно сексуальные метафоры вовлекаются в лексикон политиков, аналитиков, журналистов.³⁹⁰

Во-вторых, «секс» начинает играть значительную роль в производстве границ и иерархий, выполняя функции важного диакритического элемента. Что касается антикоммунистического дискурса неолиберализма, то абсолютная сексуальная свобода расценивается как демонстрация свободы социальной и политической.³⁹¹ Монстр тоталитаризма интерпретируется как общество, в котором секс был запрещен. «Сторонники демократии», Свои, будь то политики или бизнесмены, репрезентируются как молодые, энергичные, сексуально активные, которые выглядят еще сексуальнее на фоне Чужих – старых, скучных «коммунок», лишенных какой бы то ни было привлекательности.³⁹²

В геополитическом дискурсе Америка объявляется «сексуальным раем», в то время как не только советское прошлое, но и русская культура как таковая обвиняются в асексуальности.³⁹³

Наконец, в гендерном дискурсе сексуальность становится заметной составляющей гегемонной маскулинности, превращаясь при этом в

Problems within Post-Soviet Development. Iowa City, 2002. Подчеркнем, что тема «отсутствия секса в СССР» играла важную роль в американской пропаганде Холодной войны (Рябов О.В. «Красный кошмар». С. 302).

³⁸⁹ Кирилина А.В. Манифестация гендерных стереотипов в российской прессе: Журналистская и читательская перспективы // Leeuwen-Turnovcová J. van, Wullenweber K., Doleschal U., Schindler F. (Eds.) Genderforschung in der Slawistik. Beiträge der Konferenz Gender – Sprache – Kommunikation – Kultur. 28.4 – 1.5.2001. Institut für Slawistik – Friedrich Schiller–Universität Jena. Wien-München, 2002. S. 321–332. (Wiener Slawistischer Almanach; Sbd. 55).

³⁹⁰ Рябова Т.Б. Маскулинность в политическом дискурсе российского общества: История и современность // Женщина в российском обществе. 2000. № 4.

³⁹¹ «Свобода политического самовыражения становится почти синонимом сексуальной свободы», – пишет Э. Боренштейн (см.: Gosciolo H., Lanoux A. Op. cit.).

³⁹² Напр.: Рябова Т. Мужественность и женственность в политическом дискурсе современного российского общества // Гендерные исследования. № 11 (2004).

³⁹³ Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры: Взгляд из России. М., 1996; Shiraev E., Zubok V. Op. cit.

важнейший компонент гендерной идентичности. Женщина же интерпретируется, прежде всего, в качестве объекта сексуального потребления.³⁹⁴

Визуализация мужской сексуальной мощи, происходящая при сексуальном потреблении женщин, является эффективным способом 'артикуляции' классовой принадлежности, потому что связана с покупкой женщин. 'Новый класс' потребляет женщину так же, как одежду, еду или путешествия.³⁹⁵

Отметим еще одно важное обстоятельство. Для того чтобы большинство людей согласилось с потерей сбережений, символа веры, наконец, страны, должна была быть проделана гигантская дискурсивная работа. Примечательно, что отказ от прежних ценностей оформляется в том числе как протест против «вечно-бабьего» начала. Апелляция к гендерной идентичности очевидна, например, в феминизации морали. Примером могут служить слова В. Костикова, который какое-то время был пресс-секретарем Б. Ельцина:

Известный русский философ Н. Бердяев подчеркивал 'бабье начало' в характере русского человека. Отмечал повышенную эмоциональность, совестьливость. Для русского человека несчастье – не просто бедность, нехватка денег, а нарушение справедливости, триумф людей без стыда.³⁹⁶

Тем самым связываются поиски справедливости, с одной стороны, и «бабье начало», с другой. Получается, что апелляция к морали, справедливости, совестьливости есть проявление повышенной эмоциональности и таким образом – начала женского и даже «бабьего». Очевидно, тем, кому по каким-то причинам не хочется считаться «бабой», остается культивировать бессовестьность...

Иными словами, в целом посткоммунистический дискурс можно рассматривать как отрицание фемининных ценностей (или, точнее, тех, которые маркировались как не-мужские). Маскулинизирующий характер этого дискурса заметен и в обращении к «общечеловеческим ценностям» как возвращению России на столбовую дорожку мировой цивилизации; фактически же важнейшей составляющей проводимых в стране

³⁹⁴ При этом эти дискурсы переплетаются; как отметила Е. Гоцило, призывы к демократии стали фиговым листком для утверждения мужского шовинизма, сексуальной эксплуатации и насилия над женщинами (Goscilo H. *Dehexing Sex: Russian Womanhood during and after Glasnost*. Ann Arbor, 1996. P. 136).

³⁹⁵ Гапова Е. О гендере, нации и классе в посткоммунизме. С. 114.

³⁹⁶ Костиков В. В поисках русского счастья // Аргументы и факты. 2004. № 44. С. 7.

реформ был курс на «оксидентализацию» русской жизни. Поскольку, как было отмечено, Запад маркируется как маскулинное, а Восток – как фемининное, постольку преодоление Россией своей «восточности» также предполагало отказ от ценностей женственности. Фемининный Восток становится символом тоталитаризма, а значит, к «темному лику» женственности добавляется еще один штрих.³⁹⁷

Итак, репрезентации советского гендерного порядка представляли собой часть негативной идентичности постсоветского дискурса. Прежде всего объектом критики становится советская маскулинность. Как было отмечено, лозунг «Берегите мужчин!» был озвучен уже в позднесоветском дискурсе; теперь же причиной кризиса маскулинности объявляется само социалистическое общество.³⁹⁸ Маргинальные прежде маскулинности получают другую оценку. Если в советское время «преклонение перед Западом» маркировалось как *гендерная* девиация, а многие виды деятельности, связанные, скажем, с торговлей или со сферой услуг, маркировались как не-мужские, то отныне это выглядит совершенно иначе. В свою очередь, прежние атрибуты маскулинности (включая службу в Вооруженных Силах как «школу настоящих мужчин» или патриотизм) перестают считаться таковыми. Свидетельством «противоестественности» социализма теперь называют то, что он искажает должные отношения между полами, порождая в мужчине инфантильность; основа же маскулинности – это частная собственность и сопутствующие ей независимость, ответственность, самостоятельность.³⁹⁹

Следует особо подчеркнуть, что, наряду с советской маскулинностью, объектом критики становится и русская. Причины того, что «обменный курс русского мужчины на мировом рынке не превышает курса рубля по отношению к доллару»,⁴⁰⁰ ищут не только в социалистическом общественном устройстве, но и в русской культуре как таковой. Русского мужчину начинают обвинять во всех грехах: и куртуазности ему недос-

³⁹⁷ Klimenkova T. What Does Our New Democracy Offer Society? // A. Posadskaya (Ed.) Women in Russia: A New Era in Russian Feminism. London; New York, 1994. P. 22.

³⁹⁸ Здравомыслова Е., Темкина А. Указ. соч. С. 435.

³⁹⁹ Verdery K. Op. cit. P. 250–255.

⁴⁰⁰ Lissytukina L. Soviet Women at the Crossroads of Perestroika // N. Funk, M. Mueller (Eds.) Gender Politics and Post-Communism: Reflections from Eastern Europe and the Former Soviet Union. New York, 1993. P. 284.

тает;⁴⁰¹ и предпочитает он белую магию водки черной магии женщины.⁴⁰²

Русский мужчина в отношении к своей родной земле оказывается нерадивым, — т.е. полуимпотентом, недостаточным, полуженщиной, пассивным, несамостоятельным, а вечно чего-то ожидающим, безответственным иждивенцем, ребенком, пьяненьким сосунком водочки на лоне матери-сырой земли: т.е. святым и блаженным, которого можно жалеть, но который уж совершенно реализует и развивает лишь материнскую сторону в русской женщине.⁴⁰³

Вопрос о гегемонной маскулинности постсоветского общества нуждается в отдельном исследовании; очевидно, здесь за право устанавливать норму в гендерных отношениях конкурировали две маскулинности. Первая — это маскулинность транснационального бизнеса, часто маркируемая просто как «западная».⁴⁰⁴ Западность (прежде всего, американскость) постепенно становится тем условием, без которого сложно делать политическую карьеру, добиваться успеха в бизнесе, получать академические гранты или, скажем, «нравиться девушкам».⁴⁰⁵ Вторая модель выстраивается вокруг культа «крутого мужчины», в основе которого — ценности криминальной культуры. Эти модели объединяло отвержение прежних норм морали, скептическое отношение к ценностям патриотизма и полное неприятие идей коммунизма. Кроме того, достаточно сходными были воззрения на то, каким должен быть гендерный порядок в обществе; в первую очередь, это касается подчиненного статуса женщины.

Женщина репрезентировалась скорее в качестве жертвы русской маскулинности и социализма как гендерной девиации.⁴⁰⁶ В постсовет-

⁴⁰¹ Корчагина И.Л. Парадоксы души русской женщины. М., 1997. С. 71.

⁴⁰² «...Извечная, заматерелая ревность существует между русской бабой и водкой...» (Гачев Г.Д. Русский Эрос. М., 1994. С. 34).

⁴⁰³ Там же. С. 267; еще более резкие суждения по этому поводу см.: Тополь Э. Россия в постели. М., 1994.

⁴⁰⁴ Анализ этого типа постсоветской маскулинности см.: Юрчак А. Мужская экономика: «Не до глупостей, когда карьеру куешь» // О муже(Н)ственности.

⁴⁰⁵ Иллюстрацией того, как идея превосходства западной, американской маскулинности над советской представлена в перестроечном кинематографе, может служить российско-британский фильм «Потерянный в Сибири» (А. Митта, 1991).

⁴⁰⁶ О параллелях в антикоммунистическом дискурсе Холодной войны см.: Рябов О.В. «Красный кошмар». С. 294–295.

ском обществе произошел не просто возврат к традиционному образу женственности, а усиление этого образа.⁴⁰⁷

Ситуацию в постсоветской России, включая и сегодняшний день, сложно понять, игнорируя тот факт, что критике подвергалось не только советское, но и русское. Как известно, ресурс национализма играл важную роль в перестроечном дискурсе. По оценке Е. Гаповой, процесс замещения статусного неравенства экономическим нуждался для своей легитимации в демократическом нарративе. Ресурсом, который позволил мобилизовать массы, стал национализм: национальные проекты оправдывали постсоветский социальный порядок, давая восстающему новому классу «благородную» цель.⁴⁰⁸

Что же касается России, то, в отличие от других советских республик и стран Восточной Европы, здесь национальное играло в дискурсе перестройки противоречивую роль. Как заметил А. Зиновьев, «мы целились в коммунизм, а попали в Россию». То, что антикоммунизм принимал форму русофобии, было в определенном смысле неизбежным и закономерным: советское и русское нередко воспринимались как понятия тождественные. Не удивительно, что в таких условиях деконструкции подвергаются символы предыдущего периода, включая и Родину-Мать. Показательно, что тиражируются анекдоты следующего характера:

- Кто твой отец? – спрашивает учительница Вовочку.
- Товарищ Сталин!
- А кто твоя мать?
- Советская родина!
- А кем ты хочешь стать?
- Сиротой!⁴⁰⁹

Характерным примером подобной деконструкции стало использование образа с плаката И. Тоидзе в рекламе моющего средства (заметим, что это одновременно явилось и попыткой семиотической перекодировки образа женщины в соответствии с новым типом патриархального дискурса: стиральный порошок вместо текста военной присяги) (Прил., рис. 46). Более того, двойная ирония здесь связана со словом

⁴⁰⁷ Юрчак А. Указ. соч. С. 249–250.

⁴⁰⁸ Гапова Е. О гендере, нации и классе в посткоммунизме. С. 104.

⁴⁰⁹ Анекдоты. Воронеж, 1992. С. 213.

«чистота», воплощением которого и была Россия-Матушка до того, как быть проданной для рекламы западной корпорации.⁴¹⁰

Аналогичные тенденции обнаруживают себя в беллетристике, публицистике, политическом и геополитическом дискурсах. Образ Родины-Матери, как отмечает Х. Мурав, становится предметом политической борьбы.⁴¹¹ Деконструкция «бутафорской ряженой России» позволяет Ф. Горенштейну, автору повести «Последнее лето на Волге», выявить две ее реальные ипостаси, олицетворяемые в повести двумя женщинами, которые встречаются ему во время пребывания в маленьком волжском городке. Одна из них – это «Нищенка-Россиюшка».⁴¹² Другая же, напоминающая автору свинью,⁴¹³ названа «Свекровь-Россия»; она охарактеризована так:

все вокруг втапывающая, все и всех пожирающая, в том числе, а скорей в первую очередь себя, большую, тяжелую, заплывшую салом. Ее нельзя было одолеть и смертью, убоем, она для того и существовала, она тем и губила соблазненных ею убийц своих, восставших на нее, многоголовую.⁴¹⁴

Показательно, что Б. Ельцин, в ответ на укоризненный вопрос А. Солженицына, стал ли бы тот осуществлять шоковую терапию по отношению к своей матери, ответил: «Наша мать – Россия, и мы ее дети. Хороший сын не будет так относиться. В одном смысле Россия – наша мать, в то же время – Россия – это мы. Мы ее плоть и кровь. Я готов на шоковую терапию по отношению к себе».⁴¹⁵

⁴¹⁰ Goscilo H., Lanoux A. Op. cit. О том, какую реакцию вызывали подобные изыскания, дает представление письмо читателя одной из коммунистических газет: «Этим они испоганили, оскорбили, надругались над самым светлым именем – мать! Для всех советских людей на плакате святой образ, гораздо драгоценнее любой святой иконы... Испоганив 'Родину-мать', они тем самым облили грязью родных матерей» (Братцев Е. Поганцы не знают удержу // Советская Россия. 2003. 7 июня).

⁴¹¹ Murav H. Op. cit.

⁴¹² Горенштейн Ф. Последнее лето на Волге // Знамя. 1992. № 1. С. 47. Анализ этого произведения см. также: Murav H. Op. cit. P. 44–46.

⁴¹³ Горенштейн Ф. Указ. соч. С. 49.

⁴¹⁴ Там же. С. 50. Россия как «сварливая свекровь», союзные республики как «молодые невестки», которых та отказывается отпустить, – одна из метафор политического дискурса периода перестройки (Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: (Материалы к словарю). М., 1991. С. 72).

⁴¹⁵ Chandler A. Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001. Toronto; Buffalo; London, 2004. P. 3.

Критика образа Родины-Матери за его архаичность, оценка его в качестве препятствия для модернизации страны – эти идеи получают распространение в публицистике. Обосновывая необходимость правового государства, А. Агеев размышляет об образе Родины в массовом сознании: «...многие и многие из нас – согласитесь – любят родину именно детской – то есть безответственной и капризной любовью. Любовью несовершенного дитяти».⁴¹⁶ Между тем весь опыт XX в. склоняет к выводу, что отношения человека и его страны должны регулироваться лишь правом, законом. Как только чувства выходят за пределы частной жизни, они могут стать огромной, страшной разрушительной силой.⁴¹⁷ Словом, не пора ли нам несколько повзрослеть?⁴¹⁸

Идея, как мы уже знаем, не оригинальная и в истории «России-Матушки» озвученная не раз. Новый тип личности предполагает и иной гендерный порядок, и иные образы идентификации русского со своей страной. Характерно, что в одном американском издании в эти годы появляется карикатура «Mother Russia», на которой «Россия-Матушка» в образе женщины мощного телосложения заслоняет собой сына от М. Горбачева. Сын, здоровенный бугай с бутылкой водки в кармане, испуганно смотрит на генсека-реформатора и говорит ему: «Папа Горбачев, я еще слишком молод, чтобы рассчитывать на свои собственные силы. Ты же знаешь, как я безынициативен. Кто позаботится обо мне? Я буду голодать, папа!»⁴¹⁹

Следует заметить, что падение коммунизма трактовалось многими, в том числе на Западе, как возвращение к подлинной русскости, что обусловило возрождение образа России-Матушки. Дискурс нового мышления в значительной степени строился на основе фемининных ценностей, в первую очередь, отказа от конфронтации в международных отношениях и признания мира высшей ценностью. Для Запада маска свирепой маскулинности коммунизма упала, и Россия вновь обрела свой

⁴¹⁶ Агеев А. В поисках Родины // G. Freidin (Ed.) Russian Culture in Transition. Трансформация русской культуры: Selected Papers of the Working Group for the Study of Contemporary Russian Culture, 1990–1991. Избр. тр. рабочей группы по изучению современной русской культуры, 1990–1991. Stanford, 1993. Vol. 7. P. 289. (Stanford Slavic Studies).

⁴¹⁷ Там же. С. 294.

⁴¹⁸ Там же. С. 290.

⁴¹⁹ Trager O. Gorbachev's Glasnost: Red Star Rising. New York, 1989. P. 69.

женственный лик – чем во многом объясняется известный рост интереса и симпатий к России в данный период.

Вместе с тем в мире этот феминизирующий дискурс перестройки, помимо русофильских настроений, обусловил и рост русофобии. Апелляция к аргументам морального характера расценивалась как признак слабости коммунистического режима. Так, в статье К. Кон приводится любопытный факт о реакции американских «ястребов» на намерение М. Горбачева вывести советские войска из Восточной Европы: «Да эти ‘новые мыслители’ – просто ‘кучка кисок’!» (a bunch of pussies).⁴²⁰

Таким образом, несмотря на культ крутой маскулинности и образы «свирепой русской мафии», следует говорить скорее о феминизации России на международной арене.⁴²¹ Неким воплощением России-Матушки становится и ее первый президент: пресловутые ельцинские «загогулины» воспринимались как свидетельство феминности новой России – ее хаотичности, таинственности, порой истеричности и опасности. Слабость России и отказ стран Запада считаться с ее интересами проявляется, например, в образе России как отвергнутой любовницы, готовой отомстить.⁴²² Фактическая изоляция страны в Европе, дискурсивное вытеснение ее из сообщества «цивилизованных стран» отражены в карикатуре М. Златковского: Россия представлена в виде женщины, одиноко стоящей на коленях в углу к несказанной радости ее бывших союзников из числа стран Восточной Европы (изображенных, подчеркнем, в образе мужчин).⁴²³

Другим важным фактором демаскулинизации России как в самой стране, так и за ее пределами стало поражение российской армии в ходе военного конфликта в Чечне в 1994–1996 гг. К примеру, в одной из га-

⁴²⁰ Cohn C. Op. cit. P. 235–236.

⁴²¹ Заметим, что подобным образом в период 1990-х гг. воспринимались и другие бывшие социалистические страны; о феминизации Восточной Германии см., напр.: Hoerschelmann K. «Go East, Young Man...» – Gendered Representations of Identity in Television Dramas about «East Germany» // P. Stevenson, J. Theobald (Eds.) Relocating Germanness: Discursive Disunity in Unified Germany. New York, 2001. P. 45–46; Herminghouse P., Mueller M. Op. cit. P. 2.

⁴²² Россия, обиженная возлюбленная, ждет ясных жестов от Вашингтона // Corriere Della Sera. 2002. 1 февраля, <http://www.strana.ru/stories/01/11/14/2017/108315.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴²³ Московские новости. 1997. № 49. С. 11; см. также: Ранкур-Лаферьер Д. Указ. соч. С. 60.

зет появляется карикатура, на которой вооруженный чеченец говорит женщине в древнерусском одеянии: «Нэ плачь, Ярославна».⁴²⁴

Демонтаж советской «Родины-Матери» (и символической системы советского общества в целом) отражается в возникновении новых образов женственной России. Так, в образе Родины-мачехи, заботы и защиты которой безуспешно ждут многие ее сыновья и дочери, получило выражение и разочарование в реформах.⁴²⁵ Этот образ активно используется также в делегитимации политического порядка Империи.⁴²⁶

Наконец, мы видим еще один образ: Россия как шлюха; проституция же становится метафорой внешней политики страны. Очевидно, разочарование изменением роли России в мире отразилось на плакате А. Резаева (1993): нарисованная там молодая девушка одета лишь в традиционный для исследуемого образа кокошник с надписью «Россия» и кокетливо наброшенный на обнаженное тело российский триколор...⁴²⁷ Видимо, традиция восприятия России как личности, как женщины, обусловившая особую любовь к ней, делает возможным и обвинения такого рода. Помимо граждан России, помимо института государства существует как бы некая отдельная Россия, которая несет немалую часть ответственности за все, что происходит с русскими; такая обида на женственную Россию получает отражение, например, в этом тексте:

Так стоит ли так много, громко и страстно кричать с патриотических амвонов о простодушном, наивном, доверчивом, обманутом народе и изнасилованной Родине. Россия-матушка, как пьяная баба, лежит под забором, задрав юбку, и ждет, когда еще кто-нибудь использует. Похоже, это доставляет ей удовольствие. Во всяком случае, в ее пьяном мычании пока протеста не слышно.⁴²⁸

⁴²⁴ Комсомольская правда. 1996. 18 сентября.

⁴²⁵ Костиков В. Бунт сорняков // Аргументы и факты. 2005. № 34.

⁴²⁶ В ответ раздавались обвинения в неблагодарности: «дети» в свое время обобрали Мать-Россию, а теперь оставляют ее (см.: Ранкур-Лаферьер Д. Указ. соч. С. 61).

⁴²⁷ Резаев А. Грудью проложит себе, <http://www.russianposter.ru/archive.php?rid=31020150100001> (последнее посещение в декабре 2006 г.). О постсоветском образе России как валютной проститутки см.: Goscilo H. The Gendered Trinity of Russian Cultural Rhetoric Today – or The Glyph of the H[i]eroine // Condee N. (Ed.) Soviet Hieroglyphics: Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia. London, 1995. P. 78–80; Goscilo H., Lanoux A. Op. cit. Описание карикатуры из журнала «Махаон», изображающей Россию в виде обнаженной блондинки, которую хлещет кнутом А. Чубайс, см.: Боренштейн Э. Указ. соч. С. 367.

⁴²⁸ Кулакова Л. О пастухе // Дуэль. 1998. № 3, http://www.duel.ru/199803/?3_2_2 (последнее посещение в декабре 2006 г.).

Вместе с тем образ страдающей и униженной Родины-Матери становится главным обвинением власти со стороны представителей русофильской оппозиции (которая, будучи организованной вокруг КПРФ, позиционировала себя как народно-патриотическую оппозицию). В данном случае мы видим использование традиционных механизмов мобилизации. Внешний Враг (Запад, сионизм, мусульманский мир) угрожает России; политические оппоненты – это пособники Врага, неверные дети Родины-Матери (или не-дети). Н. Фирсов обратил внимание на противопоставление образа Родины и образа государства в программном заявлении КПРФ. «Никогда еще Россия не подвергалась такому глумлению, как теперь», – говорилось в нем.⁴²⁹ Образ униженной России-Матери широко используется в текстах Г. Зюганова, в оппозиционной прессе, в песне.⁴³⁰ Б. Ельцин как «извращение человечества», который «погубил свою Родину-мать»,⁴³¹ – важный компонент патриотической риторики и графики. На одном из рисунков разгневанная Родина-Мать указывает перепуганному Б. Ельцину на пылающее здание Верховного Совета РСФСР (Прил., рис. 47). Карикатура 1994 г. изображает похоронную процессию: команда либеральных реформаторов во главе с президентом несет Россию на кладбище.⁴³² Фотография изможденной и совершенно обнаженной женщины, подписанная «Россия-мама. 1996», помещена в газете Национал-большевистской партии «Лимонка».⁴³³

⁴²⁹ Фирсов Н.Н. Современные политические партии и архетипы коллективного бессознательного // Современная политическая мифология: Содержание и механизмы функционирования / Сост. А.П. Логунов, Т.В. Евгеньева. М., 1996. С. 71.

⁴³⁰ См., напр.: Зюганов Г.А. Верю в Россию! Воронеж, 1995. С. 165, 206. Еще один характерный текст: «Зюганов, мужайся. <...> Не ты один в застенке – вся измученная, избитая, с поседелыми волосами, матушка-Россия» (Проханов А. Телешоу «Ударь Зюганова!» // Завтра. 2003. № 42). Типичный пример песенного творчества (А. Харчиков): «Пожарский и Минин, восстаньте из праха! / Родина-мать зовет! / Ваши знамена – в наших сердцах, / За Родину-мать, вперед! <...> // Кровью умоются хищные стаи, / Час отмщенья пробьет. / Фондов валютных не быть нам рабами. / За Родину-мать, вперед!» (<http://www.sovparkom.ru/aharch1.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.)).

⁴³¹ Проханов А. Ельцин погрузился, как гнилой топляк // Завтра. 2000. № 1.

⁴³² А. Пономаренко. Рублевый обвал на похоронах (Советская Россия. 1994. № 107); см. также, напр.: А. Кибальник. <Россия и Америка> (Там же. № 121).

⁴³³ См.: Ранкур-Лаферьер Д. Указ. соч. С. 60.

Тема оскорблений сексуального характера со стороны Чужих занимает особое место. Иногда их жертвами становятся русские женщины, символизирующие нацию в целом, иногда речь идет о России-женщине.⁴³⁴ Приведем несколько характерных примеров. В ходе конфликта на истфаке Санкт-Петербургского университета в газете «Завтра» публикуется открытое письмо В. Путину: «Русский ученый, государственный патриот И. Фроянов как любящий и нежный сын отважно вступился за изнасилованную и обесчещенную мать-Родину».⁴³⁵ В том же издании проклинают ельцинских генералов, которые «млеют, сладострастно ожидая экстаза слияния матушки-России с НАТО – агрессивным блоком, только и мечтавшим всегда над Россией надругаться, а затем убить и расчленить ее».⁴³⁶

Широкий резонанс получают слова «мы задрали юбку матушке-России», якобы сказанные Л. Кагановичем, после того как он собственноручно нажал рукоятку рубильника при взрыве храма Христа Спасителя в Москве 5 декабря 1931 г.;⁴³⁷ это изречение нередко воспроизводится с антисемитскими коннотациями. Так, один из влиятельных деятелей коммунистической оппозиции говорит:

Расказачивали и раскулачивали Россию те же космополиты и сионисты. Они морили голодом наших отцов и матерей, обвиняя их в саботаже, взрывали православные храмы и, по их же хамскому выражению, ‘задирали подол матушке-России’. Это они уничтожали наших предков в лагерях ГУЛАГа. Потомки этих злодеев переложили их вину на русских коммунистов военного и послевоенного времени.⁴³⁸

⁴³⁴ На это обратила внимание Т. Суспицына (Suspitsina T. The Rape of Holy Mother Russia and the Hatred of Femininity: The Representation of Women and the Use of Feminine Imagery in the Russian Nationalist Press // Anthropology of East Europe Review. Vol. 17. No. 2. Autumn. 1999, http://condor.depaul.edu/~rrotenbe/aeer/aeer17_2.html (последнее посещение в декабре 2006 г.)).

⁴³⁵ В защиту Фроянова: (Открытое письмо русских ученых президенту РФ В.В. Путину) // Завтра. 2001. № 31.

⁴³⁶ Ефремов А. Вертолет // Там же. № 41.

⁴³⁷ Мне не удалось установить подлинность этих слов; сам сталинский нарком позднее, уже в девяностых, отрицал свою причастность к взрыву, мотивируя отказ принимать участие в уничтожении Храма опасениями, что это может вызвать взрыв антисемитских настроений (см.: Чуев Ф.И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 47).

⁴³⁸ Кондратенко Н. Поле боя: Из обращения к землякам // Завтра. 2003. № 49; см. также: Белов В. Стыдно! // Там же. 1998. № 24.

Иногда эти слова рассматриваются как эвфемизм «изнасилования России».

‘Мы задерем подол матушке-России’ – обещал пламенный революционер-интернационалист Троцкий-Бронштейн. Но ничего у него не вышло. Россия отправила инородцев-насильников в небытие. Но то, что не удалось Троцкому и иже с ним, похоже, могут добиться нынешние агрессоры-насильники.⁴³⁹

Другая интерпретация этих слов, которая озвучивалась и в стенах Госдумы, – использование их для характеристики политики духовного разложения России, виновником которого объявляется современная западная культура.⁴⁴⁰ Чужие представлены как причина развращенности Своих женщин и источник сексуальной угрозы для них. Как отметила Е. Гоцило, коммунисты и националисты рассматривают порнографию, гомосексуализм, проституцию и СПИД как примеры разложения, занесенного в Россию с «загнивающего» Запада.⁴⁴¹ Действительно, растление, загрязнение – именно это связывается с образом Чужих.⁴⁴²

Женщина – как и Россия-Матушка – нуждается в защите русских мужчин. Одно из наиболее известных событий в истории российской политической рекламы – это отстранение от участия в выборах 2005 г. партии «Родина», которой инкриминировали разжигание межнациональной розни за демонстрацию предвыборного ролика. Примечательно, что этот ролик также начинается с оскорбления русской женщины со стороны «лиц кавказской национальности» (и заканчивается призывом «очистить город от мусора», каковым в данном случае называются «нелегальные мигранты»⁴⁴³).

⁴³⁹ Фролов Ю. Бомба в секс-упаковке // Там же. 2002. № 31.

⁴⁴⁰ http://itogi.ru/Paper2005.nsf/Article/Itogi_2005_06_06_13_3429.html (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁴¹ Goscilo H. Dehexing Sex. Ch. 6.

⁴⁴² Напр.: «Сейчас мы наблюдаем другое, более изощренное интернациональное нашествие (духовную и сексуальную агрессию) с целью разложения базового народа страны – русского народа. Впрочем, об этом открыто сказал еще в 1945 году руководитель ЦРУ Даллес, когда заявил, что мы будем возбуждать в русском народе низменные инстинкты и найдем в России предателей» (Фролов Ю. Бомба в секс-упаковке // Завтра. 2002. № 31); см. также: Голышев В. Содом – в каждый дом // Там же. 2001. № 1.

⁴⁴³ Как показало социологическое исследование, проведенное М. Аджиевой в г. Иванове, образ кавказцев как сексуальной угрозы для русских женщин распространен достаточно широко (Аджиева М.С. Кавказ и кавказцы в восприятии ивановцев // Границы. Вып. 1).

Таким образом, образ России-Матушки, будучи используемым для делегитимации власти, становится одним из факторов политического дискурса.⁴⁴⁴ Неспособность власти защитить русских женщин от сексуальной угрозы играет роль аргумента в политической борьбе. «Демократы всех женщин сделали проститутками» – так отвечает на вопрос «Кто виноват?» лидер ЛДПР.⁴⁴⁵ Образы страдающей России и изнасилованных женщин служат тем фоном, на котором происходит апелляция к гендерной идентичности русских мужчин; характерный пример такого рода мобилизационных призывов приведен в статье Е. Гаповой:

Русские мужики прекрасно знают, но безвольно и благодушно молчат о том, что страна превращена в огромный бордель, что растлеваются почти поголовно будущие матери, невесты, почти все молодые женщины... Но кто их остановит, кто встанет на пороге? Кто заставляет себя не видеть многотысячные потоки русских секс-рабынь за границу, где наших красных девок делают подстилками хрюкающих европейцев, израильтян, турок, китайцев? Пока их жены будут рожать и спокойно растить детей, наши бабы станут потеть и превращаться в старых шлюх под похотливыми чужими телами.⁴⁴⁶

Изменения, происходящие в России в период президентства В. Путина, объясняют самыми различными факторами. В гендерном же измерении этот период может быть обозначен как «ремаскулинизация» – феномен, подробно исследованный на материале коллективной идентичности американцев периода президентства Р. Рейгана.⁴⁴⁷ Реакцией на национальное унижение становится стремление восстановить утраченное коллективное мужское достоинство, проявляющееся в разнообразных формах и репрезентируемое при помощи различных метафор –

⁴⁴⁴ Заметим, что истэблишментом, в свою очередь, эксплуатируется метафора иерогамии. Например, в предвыборной кампании 1996 г., агитируя за избрание на повторный срок действующего президента, Н. Михалков использует такой аргумент: «Ельцин – мужик, а Россия – существительное женского рода» (см.: Гапова Е. Гендерные политики в национальном дискурсе // Гендерные исследования. № 2 (1999). С. 29).

⁴⁴⁵ См.: Рябова Т.Б. Политический дискурс как ресурс «создания гендера». Об использовании образа России-Матушки в риторике В. Жириновского см.: Vujacic V. Serving Mother Russia: The Communist Left and Nationalist Right in the Struggle for Power, 1991 – 1998 // V.E. Bonnell, G.W. Breslauer (Eds.) Russia in the New Century: Stability or Disorder? Boulder, 2001.

⁴⁴⁶ См.: Гапова Е. О нации, гендере и классе. С. 113.

⁴⁴⁷ Jeffords S. Op. cit.

например, «Россия встает с колен» (В. Путин).⁴⁴⁸ Теперь и в официальном дискурсе русский мужчина представлен в образе воина, защищающего свою страну и своих женщин. Уже в сентябре 1999 г. в одном из выступлений В. Путина, посвященном возобновлению военных действий на Северном Кавказе, упоминаются случаи изнасилования русских женщин и содержится призыв защитить их честь и жизнь.⁴⁴⁹ Заслуживают внимания и слова президента, сказанные после теракта в Беслане в сентябре 2004 г.; практически повторяя уже знакомый нам призыв И. Сталина, он заявляет: «Мы проявили слабость. А слабых бьют».

Следует заметить, что официальный дискурс теперь очень активно использует образы и метафоры, характерные для риторики народно-патриотической оппозиции периода девяностых; среди них мы видим и материнский образ России. Еще во время президентской кампании в 2000 г. В. Путин отметил, что «самые святые понятия – Родина, вера, мать – связаны с образом женщины».⁴⁵⁰

Заключенная в мифологии России-Матушки идея единства активно используется в риторике «Единой России», позиционирующей себя как «партию всех». Так, говоря о необходимости примирения «красных» и «белых», один из высших чиновников отмечает:

У нас одна Родина, одна мать – это Россия. У нас один отец – это великий русский народ. Мы должны понимать, что никому, кроме как друг другу, мы не нужны. Быть вместе, любить друг друга, идти вперед и сделать так, чтобы Родина гордилась каждым своим сыном и каждый ее сын гордился своей Родиной.⁴⁵¹

В имперском дискурсе «партия власти» прилагает риторику единства к межнациональным отношениям: «Культура России соткана из культур народов, живущих на нашей Земле. Россия для каждого из нас мать, а для матери все ее дети равны!»⁴⁵²

⁴⁴⁸ Известия. 1999. 17 сентября.

⁴⁴⁹ РТР. 1999. 13 сентября.

⁴⁵⁰ http://www.lenta.ru/russia/2000/03/07/zhenschiny/_Printed.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.). Заметим, что и другие представители политической элиты обращаются к этим образам, напр.: http://www.redstar.ru/2004/03/06_03/1_01.html (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁵¹ См.: Водолазов А. Любовь к гробам // Новое время. 2005. № 43.

⁴⁵² <http://www.russlavbank.ru/content.phtml?prcenter.newsdetail.236> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

Кроме того, исследуемый концепт становится той призмой, которая организует информацию, посвященную отношениям России со странами постсоветского пространства. «Лоно России-Матушки» – этот образ сегодня востребован в дискурсе реинтеграционных процессов. Так, вопрос о «возвращении Крыма в лоно России-Матери» был поставлен на одном из заседаний Госдумы.⁴⁵³ В свою очередь, те, кто опасается «имперских амбиций Кремля», также прибегают к данному образу.⁴⁵⁴

Другим важнейшим измерением создания новой российской идентичности при помощи гендерного дискурса становится утверждение собственной маскулинности за счет феминизации Чужих (в частности, Запада, Востока, постсоветских государств). В работе Т. Суспицыной анализируется феминизация Америки в дискурсе народно-патриотической оппозиции; автор показывает, как в одной из статей А. Проханова американская нация символически приравнивается к М. Левински; тело Америки доступно не только Б. Клинтону, но и другим мужчинам и государствам.⁴⁵⁵

И. Савкина, анализируя тексты российских авторов, в которых феминизм репрезентируется в качестве западного изобретения, обращает внимание на то, что России приписываются черты мужские и западные, в то время как Запад свою мужественность и западность уже утратил. В этих текстах постмодернизм рассматривается как знак вырождения Запада, радикального разрыва им с ценностями Модерности; Россия же представлена в качестве хранительницы этих ценностей. «Она больше Запад, чем Запад, и именно ей приписываются маскулинные категории: 'вертикальность', рационалистичность, здравый смысл, логичность и т.п.». Утверждается, что Запад в своих современных философских и идеологических новациях, в частности в феминизме – носитель неструк-

⁴⁵³ http://www.akdi.ru/gd/PLEN_Z/2006/05/s26-05_u.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁵⁴ А. Безансон заявляет: «Почти все в России убеждены, что в один прекрасный день Украина возвратится в лоно Матери-России, в лоно единой и неделимой России», <http://www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/486/45888> (последнее посещение в декабре 2006 г.). См. также, напр.: <http://www.inosmi.ru/text/translation/229309.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); <http://www.azerizv.az/article.php?id=3891&print=1> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁵⁵ Suspitsina T. Op. cit.

турированного, архаического, ювенильного начала.⁴⁵⁶ Заметим, что обвинения западной цивилизации в декадансе и изнеженности являются важным компонентом дискурса анти-западнизма.⁴⁵⁷

В работах Т. Рябовой показан вариант феминизации еще одного Другого – Украины. В дискурсе событий, связанных с повышением Россией цены на газ для Украины в январе 2006 г., бывшая союзная республика принимает облик корыстолюбивой содержанки, «ветреной украинской любовницы». «Джентльмен всегда платит за подружку» – плакат с такими словами держали в руках митингующие в эти дни у американского посольства в Москве, призывая США заплатить России долги Украины.⁴⁵⁸

Наконец, следует принимать во внимание и то, что в ориенталистском дискурсе Россия выступает в качестве полномочного представителя маскулинного Запада, который, например, сексуально просвещает мистический угнетённый Восток.⁴⁵⁹

Стремление восстановить национальное достоинство проявляет себя, далее, в создании новых гендерных моделей, в которых также активно используются образы Чужих.

Особого интереса заслуживает утверждение такой модели национальной маскулинности, как образ «Мужика», проанализированный О. Шабуровой. Мужик – это значимая маркировка современной русскости. Автор показывает роль негативной идентичности в этих процессах: чтобы стать мужчиной, нужно доказать что ты не женщина, не ребенок и

⁴⁵⁶ Savkina I. Гендер с русским акцентом // Cheaure E., Nohejl R., Napp A. (Eds.) Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland. Würzburg, 2005. (Identitäten und Alteritäten; Sbd. 20). S. 470–471. Еще один характерный пример: «Все в современном Западном мире подобрано к нуждам молодой женщины, всё обслуживает её интересы: в мужчине ценится способность любить, а не воевать, внимательность к нуждам женщины, мужчина из гляцевых журналов трудится, чтобы покупать женщинам подарки... <...> Западная культура именно женоцентристская, несмотря на то, что мужчины играют роли руководителей, президентов и военачальников» (Лимонов Э. Контрольный выстрел. М., 2003. С. 13).

⁴⁵⁷ Buruma I., Avishai M. Occidentalism: The West in the Eyes of its Enemies. New York, 2004.

⁴⁵⁸ См. об этом книгу Т. Рябовой «Пол власти: Гендер в политическом дискурсе современного российского общества» (готовится к изданию).

⁴⁵⁹ Боренштейн Э. Указ. соч. С. 374–375.

не гомосексуалист.⁴⁶⁰ Для нашего исследования важно принимать во внимание еще одно «не»: эталон Мужика создается в противовес репрезентациям западной маскулинности, что можно интерпретировать в качестве модуса оппозиции «богатырь – рыцарь» (будь то акцентированный патриотизм Мужика или каноны телесности). При этом власть пытается инкорпорировать мифологему Мужика, создаваемую массовой культурой, в отстраиваемую ею идеологию. Не случайно движение «Единство» (а затем партия «Единая Россия») позиционировало себя одновременно в образах Мужика и Медведя.⁴⁶¹ По оценке Т. Рябовой, власть не просто использует этот тип маскулинности – она принимает активное участие в его производстве, тем самым переформатируя электорат под собственные нужды и в гендерном измерении.⁴⁶²

Подлинная русская мужественность противопоставляется неподлинной, выродившейся. Проблема «порчи» лучших качеств русской маскулинности нередко воспринимается опять-таки через призму антиамериканизма. И. Новиковой анализируется дискурс вокруг поражения хоккейной сборной России от команды Латвии; важнейшей составляющей этого дискурса стали обвинения в адрес тех российских хоккеистов, которые играют в НХЛ, в том, что деньги и карьера (американские ценности) заслонили Родину и товарищество – ценности русской мужественности.⁴⁶³

Аналогичные стратегии можно наблюдать в определении канонов женственности: национальные Чужие выступают в качестве фона, на котором норма современного гендерного порядка приобретает дополнительную легитимность за счет привлечения символического капитала дискурса о нации. Так, подчеркивается, что именно на Западе женщины развратны и доступны, в то время как Свои женщины чисты и непорочны.⁴⁶⁴ В новом идеале женщины акцентируются самобытность, с одной стороны, и патриотизм, с другой. Например, организаторы конкурса

⁴⁶⁰ Шабурова О. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(Н)ственности. С. 534.

⁴⁶¹ Там же. С. 553–554.

⁴⁶² Рябова Т.Б. Мужественность и женственность в политическом дискурсе...

⁴⁶³ Новикова И. T/RUS не играет в хоккей, или Как сжечь флаг, когда кончились памятники? // О муже(Н)ственности. Фактически та же мысль проводится в фильме А. Балабанова «Брат-2» (2000).

⁴⁶⁴ Suspitsina T. Op. cit.

«Краса России – 2006» отметили, что на победу может рассчитывать «девушка, соответствующая общепринятым представлениям о женской красоте, обладающая гармоничной фигурой и положительной энергетикой, а также патриотизмом, высокими внутренними качествами и интеллектом». Другая характерная черта – отказ от включения в программу этих соревнований дефиле в купальниках, что должно было подчеркивать цивилизационные особенности народов России, их отличия от «безнравственного Запада». Очевидно, в контексте новой демографической политики не стало случайностью и то, что победительница конкурса объявила: ее цель в жизни – родить и воспитать много детей.⁴⁶⁵

Наконец, нынешние поиски национальной идентичности – равно как и определение гендерного порядка – включают в себя проблему рецепции феминизма. Феминизм, по оценке И. Савкиной, часто репрезентируется как «все не наше», как явление, противоречащее универсальным ценностям русской культуры. Это нерусский феномен, который делается на западные деньги, обращен к нерусскому читателю и сознательно построен на пренебрежении к русскому языку. Борьба с феминизмом репрезентируется как борьба за русскость против глобализации (американизации). Феминизм оказывается только одним из имен или псевдонимов Врага России.⁴⁶⁶

Ремаскулинизация, отрицание «вечно-бабьего», в маргинальных политических дискурсах происходит более радикально. Прежде всего критике подвергаются «зловредные мифы о ‘русской женственности’».⁴⁶⁷ Среди приемов семиотической перекодировки русскости – идеи «нордических», арийских основ русской цивилизации, отрицание в ней азиатского компонента, культ военного прошлого и таких качеств, как воля, сила, дух;⁴⁶⁸ с отмеченными же тропами мессианского дискурса ведется активная полемика.⁴⁶⁹

⁴⁶⁵ www.nr2.ru/society/76240.html (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁶⁶ Savkina I. Op. cit. S. 467–468.

⁴⁶⁷ Широпаев А.А. Орден Русь, <http://www.rusrepublic.ru/nnpr1/stat/shir/ordrus.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.). «В русской нации всегда было мощное мужское начало...» (Дугин А. Консервативная революция. М., 1994. С. 140).

⁴⁶⁸ Напр.: Яшин С. Философия русского меча, <http://www.nationalism.org/rr/a/yashin.htm> (последнее посещение в декабре 2000 г.); см. также: Рябов О.В.

Как надоели затянувшиеся разговоры о 'женственности' русской души, русско-го народа и самой России! В чем же эта пресловутая русская 'женственность'? В огне и мече, которым Святослав предал иудейскую Хазарию? <...> В решимости белых террористов, шедших в совдепию с динамитом за плечами? В неумолимых мужицких 'обрезах'? В казачьих атаках под эсэсовским знаменем с 'мертвой головой'? В сжатых кулаках русских бритоголовых?⁴⁷⁰

Идеолог одной из националистических партий требует «прикончить в себе 'славянщину' киселеобразной мечтательности, лени, женственности и 'включить' нордический духовный вектор – вектор действия, экспансии, преодоления косной материи, вектор огненного формосозидания, воли к форме».⁴⁷¹ Другой его призыв:

Так убей же в себе 'бабу', непричастный, и встань под крестоносное знамя Русизма – в ряды отборных. Услышь голос Русской Крови и выбери путь мужчины – путь воина, если не хочешь, подобно многим, раствориться в дерьме сатанинской цивилизации.⁴⁷²

Национал-большевики обращаются в поисках гендерного идеала к несколько иному историческому опыту. «Изгнать из народа бабское раболепие и долготерпение» призывает автор одной из статей в «Лимонке», которая заканчивается призывами: «Да здравствует сверхметаллический СССР! Да здравствует беспощадный Троцкий! Да здравствует Революция!»⁴⁷³

Объектом деконструкции в радикальном национализме становится сам материнский образ России. «Родина» рассматривается как концепт, который представляет угрозу для русской нации. Так, в одной из статей противопоставляются «Русь» и «Россия». Русь – это вечевые традиции и особый, почти забытый ныне тип русского человека: «свободного, сильного, языческого, доверяющего себе и жизни». Россия же – это азиатское государство, ставшее прямым продолжением Монгольской империи. Именно она при помощи татарского кнута сформировала псевдорусский

«Матушка-Русь». С. 146–147; Mitrofanova A. Россия и русские: Новая гендерная мифология // Cheaure E., Nohejl R., Napp A. (Eds.) Op. cit. S. 441–444.

⁴⁶⁹ Напр.: «Образ России как вселенской великодушной страдальницы нас решительно не устраивает» (В. Авдеев) (см.: Mitrofanova A. Op. cit. S. 445).

⁴⁷⁰ Широпаев А.А. Орден Русь.

⁴⁷¹ См.: Mitrofanova A. Op. cit. S. 446.

⁴⁷² Широпаев А.А. Орден Русь.

⁴⁷³ Пол и революция, http://limonka.nbp-info.ru/234/234_34_05.htm (последнее посещение в декабре 2006 г.).

тип «заурядно-смиренного, все претерпевающего, невзыскательного христианина-москаля...». Автор продолжает:

Мачеху, разлучившую нас с матерью-Европой, мы почитаем как 'Мать-Родину'... защищаем ее, не замечая, что ежегодно убываем на полтора миллиона человек, тогда как подлинные дети России – всевозможные кавказцы и азиаты – напротив, дают прирост по 700–800 тысяч голов в год.⁴⁷⁴

Подлинный патриотизм, утверждает другой автор, – это любовь к *Отечеству*; любовь же к *Родине-Матери* представляет собой «неоязыческий культ», являющийся «рычагом манипулирования покорной массой, которая ныне получила определение 'российского народа'».⁴⁷⁵

Наконец, обращает на себя внимание и другой вектор критики, который также связан с переопределением русскости и созданием новой российской идентичности. В символике евразийского движения А. Дугина образ молодой девушки – «гордой и смелой Родины-Дочери» – призван в качестве символа новой России заменить «ветхую Родину-Мать».⁴⁷⁶

⁴⁷⁴ Широпаев А.А. От России – к Руси: Ещё раз о русском сепаратизме, <http://www.rusrepublic.ru/nnpr1/stat/shir/russep2.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

⁴⁷⁵ Лишний Ф. Родина-матрешка, <http://www.nationalism.org/bratstvo/oprichnik/14/lishny.htm> (последнее посещение в декабре 2000 г.). Лидер одной из партий, рассуждая о советском периоде истории, пишет, что СССР был «насквозь женственным, символом его была Родина-Мать, стоящая на Мамаевом кургане на берегу реки Ра (Волги) ...В образе Матери-Родины выражена азиатская сущность Советского Союза, где только женщина и была единственной скрепой в семье...» (Иванов (Сухаревский) А.К. Унисекс в челоуейнике, <http://www.rusrepublic.ru/nnpr1/stat/iv/unisex.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.)).

⁴⁷⁶ <http://www.rossia3.ru/mer/paskha> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

Заключение

«Мы широки, широки, как вся наша матушка Россия, мы всё вместим и со всем уживемся!» – говорит персонаж «Братьев Карамазовых». Действительно, «Россия-Матушка» вмещает в себя самые разнообразные значения и создает простор для всевозможных интерпретаций. Одним из факторов этого многообразия служит то обстоятельство, что история данного символа сопровождается попытками различных дискурсов утвердить собственную, удобную для себя интерпретацию «России-Матушки», девальвировать этот символ или заменить его другим. Острота борьбы за обладание им свидетельствует о его важности в дискурсе национализма в России, основные концепты которого оказываются связанными с мифологией России-Матушки.

«Россия-Матушка» – это один из тех символов национального единства, которые призваны сделать из суммы индивидов единую нацию. Однако риторика включения неразрывно связана с риторикой исключения: Враг – это очень значимый компонент дискурса о России-Матушке. В различных дискурсах – национальном, военном, политическом, имперском, гендерном – исследуемый символ устанавливает норму и девиацию, тем самым определяя Своих и Чужих.

Во-первых, «Россия-Матушка» участвует в маркировке Своих и Чужих в национальном дискурсе. Свои – это дети России-Матушки. Вместе с тем «Россия-Матушка» определяет норму отношения Своих к Чужим, в первую очередь к Западу, проводя тем самым внутренние границы и иерархии, продуцируя «более Своих» и «менее Своих» (а также внутренних Врагов).

Во-вторых, она отделяет Своих от Чужих в военном дискурсе. Враг – этот тот, кто угрожает существованию России-Матушки; Свои – это те, кто ее защищает и кто рассчитывает на ее помощь. Гендерный дискурс является одним из оружий войны, играя важную роль и в национальной мобилизации, и в обосновании собственного превосходства в войне – военного или морального. Образы страдающей, насилуемой, защищаю-

щей, всемогущей, миролюбивой Родины занимают значительное место в российском военном дискурсе последнего столетия, будь то внешнеполитические конфликты или гражданское противостояние внутри страны. Дискурс России-Матушки обладает огромным мобилизационным потенциалом; во имя защиты Родины человек призван жертвовать и своей, и чужими жизнями.

В-третьих, в политическом дискурсе исследуемый символ активно эксплуатируется в дискурсивных практиках легитимации/делегитимации власти. Мифология иерогамии, священного брака Правителя и России-Матушки, играет заметную роль в обеспечении легитимности власти и организации определенного социально-политического порядка. Политическая оппозиция использует образ Родины, страдающей от произвола несправедливой (и зачастую национально чуждой) власти.

В-четвертых, «Россия-Матушка» занимает важное место в «архиве» имперского дискурса, оказывая влияние на репрезентации России как полиэтнического и многоконфессионального государства. Россия может позиционироваться в качестве матери всех восточнославянских народов (русских, украинцев, белорусов) или даже всех народов, входящих в состав государства (хотя семейная метафора облегчает и иерархизацию внутри имперского порядка – вспомним характеристику русского народа как старшего брата). Покровительство, забота, бескорыстие – эти черты, приписываемые России-Матушке, включаются в репрезентации отношений с соседями, во внешнеполитический дискурс.

В-пятых, «Россия-Матушка», оказывает воздействие на каноны мужественности и женственности, принимает участие в определении гендерного порядка российского общества. Миф о русской женщине – спасительнице и русского мужчины, и нации («Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет») – развивается под влиянием материнского образа России. Оценка такой «женщины», как Россия-Мать, не может не оказывать воздействие на репрезентации русской женственности и русских женщин. Очевидно, для женщин России это может иметь различные последствия (включая «двойное бремя»), но нельзя игнорировать и тот факт, что в современном массовом сознании русская женщина наделяется более позитивными характеристиками, чем русский мужчина. В частности, такие данные о языковом сознании были получены в рамках

ассоциативного эксперимента А. Кирилиной; при этом женственность ассоциируется не со слабостью, а с силой, решительностью, терпением, любовью (в первую очередь, материнской), умом и красотой.¹ Схожие результаты получены в ходе социологического исследования.²

Причиной многообразия смыслов концепта России-Матушки является и его семантическая многослойность, обусловленная тем, что он формируется под влиянием нескольких важнейших факторов.

Прежде всего это мифосимволический комплекс, те мифы, образы и символы российской культуры, которые обеспечивают культурную преемственность и культурную специфику России на протяжении всего периода ее развития.

Другой фактор, свойственный, по всей вероятности, каждой культуре, связан с активной ролью гендерного дискурса в дискурсе национализма. Гендерный дискурс выступает как способ построения символических границ между Своими и Чужими, во-первых, и инструмент продуцирования иерархий между культурами и внутри их, во-вторых. Он позволяет «очеловечить» постулаты национализма, приблизить их к повседневному опыту индивида, придать им естественность. В этих условиях исследуемый символ становится одним из инструментов, который используется различными социальными субъектами, говорящими от имени «России-Матушки», для достижения желаемого эффекта.

Наконец, третий смысловой пласт связан с таким фактором, как деление человечества на «Запад и Все Остальное». «Mother Russia» выполняет функцию символического пограничника, отделяя Запад от России; в дискурсе Модерности инаковизация принимает форму феминизации. В самой России образ России-Матушки в значительной степени становится реакцией на эту инаковизацию. Russianism имеет немало параллелей в других культурах: не-западные культуры *вынуждены* соотносить себя с маскулинностью как западностью – и в содержательном, и в аллегорическом планах.

¹ Кирилина А.В. Гендер. С. 47–51; см. также: Уфимцева Н.В. Русские: Опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М., 1996. С. 152–154.

² Рябова Т.Б., Лямина А.А. Антиамериканизм по-ивановски: (К вопросу о гендерном измерении этнических стереотипов) // Границы. Вып. 1.

Таким образом, исследуемый символ отражает представления о России как женственной стране, которые имеют и русофобское, и русофильское измерение. Что касается последнего, то в России эти представления получили распространение в рамках мессианского дискурса, выстроенного вокруг идеи спасительной миссии женского начала и критики западной цивилизации как «слишком человеческой» и основанной на абсолютизации маскулинных ценностей и недооценке фемининных.

Это, однако, не означает, что в идентичности русских, в массовом сознании российского общества русскость маркируется как немужественность. Любопытные данные были получены в ходе пилотажного социологического исследования, проведенного Е. Воронцовой в г. Иванове в 2006 г. Отвечая на вопрос, какие качества присущи России, респонденты (русские по национальности) назвали «эмоциональность» и «милосердие» (в то время как Западу они атрибутировали «индивидуализм», «рациональность», «независимость»). Среди тех качеств, которых не хватает русским для достойной жизни, были указаны «рациональность», «дисциплинированность», «уверенность». Нет сомнений, что «западные» качества маркируются в качестве маскулинных, в то время как «русские» – в качестве фемининных (в том числе и самими респондентами). При этом те же респонденты, отвечая на вопрос, какая нация является самой мужественной, называют русских.³

На протяжении своей истории «Россия-Матушка» подвергается и резкой критике как чрезвычайно опасный символ. Одни полагают, что он опасен для демократии в стране, поскольку формирует личность, не способную на ответственное поведение и критическое отношение к власти. Другие расценивают его как символ архаичности и отсталости. Третьи считают его знаменем национализма, шовинизма и ксенофобии. Четвертые видят в нем угрозу для русской нации, поскольку он якобы утверждает пресловутое «вечно-бабье начало» в русском характере и препятствует развитию русской мужественности. Такая критика сопровождается попытками найти альтернативные национальные символы, которые бы задавали другую модель отношения к нации и способство-

³ Далее, заметим, по степени мужественности идут чеченцы, за ними немцы, а замыкают список из девяти предложенных наций – итальянцы и поляки (Воронцова Е.О., Рябов О.В. Указ. соч.).

вали формированию более ответственного гражданина и более рационального социально-политического порядка. Россия обретает облик Прекрасной Дамы, Жены, Ребенка; протест против «вечно-бабьего» манифестируется через мужские образы нации.

Другой кластер альтернативных образов обусловлен той реификацией, которая заключена в символе России-Матушки, в восприятии России как личности, наделенной душой и телом и существующей в качестве как бы самостоятельного субъекта истории – помимо граждан России, помимо института государства. На нее нередко возлагают большую долю ответственности за все, что происходит с русскими. Это обуславливает особую любовь к России, но это же порождает и горькие разочарования. Такая обида на страну сопряжена с немалой долей мизогинии, и мы видим, как в истории последнего столетия Россия-Мать предстает в образах «мачехи», «Свиньи-Матушки», «России-Суки», «шлюхи», «толстозадой бабы», «тысячелетней рабы».

«Россия-Матушка» остается востребованной и в наши дни, в том числе и на Западе; те же западные СМИ используют этот символ для маркировки границы Европы (подчас, заметим, забывая про политкорректность – ведь «Mother Russia» выступает одним из факторов не только геополитического, но и гендерного дискурса в западных обществах).

Говоря о сегодняшнем дне «России-Матушки», прежде всего, отметим, что в условиях, когда в России коммунистическая или либеральная идеи – по разным причинам – теряют своих сторонников, национализм превращается в основной тип мировоззрения. В качестве «светской религии» национализм заполняет экзистенциальный вакуум, обещает приобщение к вечному и безупречному, дает ощущение силы. Не следует забывать и о том, что рост национализма в современной России явился своего рода реакцией на национальную травму, связанную с распадом СССР. В этих условиях у «России-Матушки», по всей вероятности, есть будущее. Очевидно, этот символ станет активнее использоваться и в контексте нынешних изменений демографической политики в стране.

Мы уже могли убедиться в востребованности исследуемого символа в национальном или политическом дискурсе. Насколько представления о материнской сущности страны распространены в сознании современных россиян, русских? Как показало исследование Е. Воронцовой,

именно образу матери половина респондентов отдавали предпочтение при выборе символа России, в то время как образу отца – 4 % («молодая девушка», «ребенок» и «мужчина-воин» получили соответственно 16 %, 13 % и 12 %). Вполне определенную гендерную маркировку получают в ответах опрошенных Родина и Отечество: первая маркируется как женское (67 %), второе – как мужское (63 %). Соотнесение респондентами предложенных социальных феноменов с Родиной или Отечеством говорит о том, что первая воспринимается как этническое (женское), а второе – как политическое (мужское): с Родиной ассоциируются береза (83 %), Волга (71 %), сказки (61,2 %), русский язык (52,5 %), церковь Покрова-на-Нерли (41,1 %); с Отечеством – армия (70,7 %), солдат (62 %), флаг (56 %), гимн (55,6 %), закон (50,5 %), президент (49 %), ГУЛАГ (35,7 %). Об этом же свидетельствуют и те характеристики, которые приписывают Родине и Отечеству: природное (69 %), духовное (52 %), эмоциональность (47 %), интуиция (36 %) – сила (54 %), рациональность (38 %), логика (31 %), независимость (35 %).⁴

О том, что материнский образ России не является лишь достоянием истории, свидетельствует и тот факт, что современные учебные пособия и методические разработки для средней школы нередко включают в себя текст К. Ушинского «Наше отечество» (1861), строками из которого я и хотел бы завершить книгу:

Наше отечество, наша родина – матушка Россия. Отечеством мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовем ее потому, что в ней родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное; а матерью – потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку; как мать она защищает и бережет нас от всяких врагов... <...> Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать – одна у него и родина.⁵

⁴ Там же.

⁵ Напр.: <http://www.lexed.ru/standart/recomendations/02.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.); <http://method.novgorod.rcde.ru/getblob.asp?id=500001147> (последнее посещение в декабре 2006 г.); <http://www.rusedu.info/Article710.html> (последнее посещение в декабре 2006 г.).

Приложение

1. И. Тоидзе. Родина-мать зовет! 1941 г. (Демосфенова Г.Л. Советские плакатисты – фронту. М., 1983. С. 107).
2. <Россия> (Нагаечка. 1906. № 2. С. 12).
3. Россия и ее воин. 1914 г. (Российская государственная библиотека).
4. В. Корецкий. Воин Красной Армии, спаси! 1942 г. (Демосфенова Г.Л. Советские плакатисты – фронту. С. 117).
5. Н.Р. (Н. Радлов). Проснувшаяся (Новый сатирикон. 1915. № 24. С. 1).
6. История японской гейши. Фрагмент (Осколки. 1904. № 11. С. 8).
7. В жертву Интернационалу. 1919 г. (Российская государственная библиотека).
8. Бесстыжая гейша (Будильник. 1904. № 32. С. 1).
9. К войне России с Японией. 1904 г. (Российская государственная библиотека).
10. К. Грус. Легкая работа (Новый сатирикон. 1918. № 5. С. 1).
11. В. Дени. Палачи терзают Украину. Смерть палачам! 1920 г. (Российская национальная библиотека).
12. Согласие. 1914 г. (Российская национальная библиотека).
13. Н. Лаврецкий. Россия. 1896 г. (Екатеринбургский музей изобразительных искусств). Фото автора.
14. Ф. Толстой. Мир Европе. 1816 г. (Медальоны в память военных событий 1812, 1813, 1814, 1815 гг. СПб., 1837).
15. Медаль Всероссийской выставки 1882 г. (Краеведческий музей г. Павлово-на-Оке Нижегородской обл.). Фото автора.
16. Ф. Толстой. Народное ополчение. 1816 г. (Медальоны в память военных событий...).
17. Россия. Деталь интерьера усадьбы В. Гомулина. 1890-е гг. (Краеведческий музей г. Павлово-на-Оке Нижегородской обл.). Фото автора.
18. Торжествующая Россия (Нива. 1896. № 20. С. 507).
19. С. Животовский. Слава защитникам Порт-Артура (Там же. 1904. № 50. С. 989).
20. Н. Петровский. Слава героям! (Там же. 1996. № 15. С. 289).
21. М. Микешин. Плачущая Россия (Там же. 1904. № 9. С. 205).
22. А. Кудрявцев. В сознании правоты и силы (Там же. № 10. С. 193).
23. Типы наших женщин (Будильник. 1904. № 43. С. 1).

24. Разучились быть сентиментальными (Осколки. 1915. № 50. С. 1).
25. Д. Мельников. История Румынии и ее любовника (Будильник. 1916. № 24. С. 9).
26. Мужской кризис в Германии (Осколки. 1916. № 22. С. 1).
27. Новобранца провожают (Новый сатирик. 1917. № 22. С. 8).
28. И. Малютин. Молодая и пожилая дамы (Крокодил. 1922. № 9. С. 1).
29. Л. Ремэккерс. Маску долой! (Нива. 1915. № 44. С. 814).
30. Новая мифология (Осколки. 1916. № 2. С. 1).
31. Н. Николаевский. Почести и услуги, оказанные большевиками матери России. Фрагмент (Бич. 1917. № 26. С. 12).
32. Б. Антоновский. Роман Ленина и России. Фрагмент (Новый сатирик. 1917. № 27. С. 16).
33. Ник. К. (Н. Купреянов). Польша с молотка (Красный перец. 1923. № 16. С. 10).
34. Ник. К. (Н. Купреянов). Лига наций зазывает (Бегемот. 1927. № 2. С. 4).
35. Россия – за правду. 1914 г. (Российская национальная библиотека).
36. В. Андреев. За Родину, за Сталина, за коммунизм! (Правда. 1939. 6 августа).
37. В. Исаева и др. Мать-Родина. Ленинград. 1960 г. (Пугачева Э.Н. Подвигу 40 лет. М., 1985).
38. И. Тоидзе. За Родину-Мать! 1943 г. (Плакаты Великой Отечественной, 1941–1945. М., 1985. С. 135).
39. Кадр из фильма «Цирк» (Г. Александров, 1936).
40. Кадр из фильма «Цирк» (Г. Александров, 1936).
41. Кадр из фильма «Клятва» (М. Чиаурели, 1946).
42. Кадр из фильма «Встреча на Эльбе» (Г. Александров, 1948).
43. Кадр из фильма «Встреча на Эльбе» (Г. Александров, 1948).
44. Е. Вучетич и др. Родина-мать зовет! Волгоград. 1967 г. Фото М. Аджиевой.
45. Е. Вучетич и др. Родина-мать. Киев. 1980 г., http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/0b/Kiev_rodina_mat_2001_07_11.jpg (последнее посещение в декабре 2006 г.).
46. Чистота – чисто Тайд. 1990-е гг., <http://win.cea.ru/~ellya/funnypic29.htm> (последнее посещение в декабре 2006 г.).
47. Г. Дритов. Родина помнит (Советская Россия. 1998. 11 декабря). Публикуется с любезного согласия автора.

ABSTRACT IN ENGLISH:

Oleg Riabov

'Mother Russia'

Nationalism, Gender, and War in 20th-Century Russia

This monograph is devoted to 'Mother Russia' as a principal concept of Russian nationalism. The volume demonstrates the role of the mythology of 'Mother Russia' in inventing and reinventing Russianness, in producing Ours and Theirs, in constructing external and internal Enemies, in legitimating and delegitimizing power within the political system of Russia.

Chapter I 'Nationalism, Gender, and War: A Methodological Framework' starts with definitions of the study's key terms – gender, nationalism, identity, and discourse. Interpreting gender as a referential, context-dependent and heterogeneous phenomenon as well as showing its implication in power relations, the author demonstrates that all principal concepts of nationalism as a discursive formation intersect with gender discourse. This, on the one hand, comes about through the role of nationalism in the formation of gender order during Modernity, and, on the other hand, through the potential of gender to serve as an effective marker facilitating the process of inclusion and exclusion in the making of collective identity. The author argues that gender discourse serves as a weapon of war, playing an important role in national mobilization, as well as in the assertion of supremacy in war, both militarily and morally.

The aim of Chapter II "'Mother Russia" Through the Lenses of Post-colonial Studies' is a general explanation of the symbol. 'Mother Russia' is rooted in a myth-symbol complex of Russian culture. At the same time, it has also been developed under the influence of the discourse on Modernity that has divided the world into 'the West and the Rest'. In Western culture, 'Mother Russia' serves as a 'symbolic border-guard' between a 'masculine' West and 'feminine' Russia. 'Mother Russia' keeps functioning as a factor of the identity of the West in the post-Cold War era. Contemporary Western mass media actively exploits this symbol to mark a border of the West and to designate Russia as irrational, archaic, chaotic, mysterious, unpredictable, and passive.

In Russian culture, the development of 'Mother Russia' is, to a considerable extent, a reaction to these practices of her 'othering' within Western discourse. The idea of the femininity of Russia is accepted, first of all, in the 'messianic' discourse, which treats Russia as the savior of the West and of all humankind. The author shows that some other non-Western cultures use the similar 'authofeminization' accompanied by a representation of the Western civilization as extremely masculine, 'dangerous masculine'. The symbol is exploited in the politics of identity of Russian nationalism to provide unity for the Russian nation. By determining 'Ours', the discourse on 'Mother Russia' also produces Enemies both in national and gender dimensions.

Chapter III "Mother Russia" in the History of 20th Century' analyzes the major phases of development of the symbol during the last century, focusing on its functions in wars (including the Russo-Japanese war, First and Second World Wars, as well as Cold War), revolutions and civil conflicts. It focuses on the mutual influence of 'Mother Russia', on the one side, and national, military, political, imperial, and gender discourses in Russia, on the other. The study shows how various discourses in- and outside Russia contest for the interpretation of 'Mother Russia' so that to speak on behalf of her. This discursive struggle around the maternal image of Russia accounts for the polysemy of this symbol and heterogeneity of national identity in general.

